

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Н. А. ТРОИЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1871–1887 гг.

Пособие к спецкурсу

Издательство Саратовского университета
2003

УДК [9:323.28] (470-89) "1871/1887" (075.8)
ББК 63.3 (2) 51 я 73
Т70

Рекомендуют к печати:

Кафедра истории России
Саратовского государственного университета
Доктор исторических наук *А. Н. Цамутали*
Кандидат исторических наук *Ю. Г. Степанов*

Троицкий Н. А.
Т70 Политические процессы в России 1871–1887 гг.: Пособие к спецкурсу. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 180 с.
ISBN 5-292-03082-1

Пособие к спецкурсу по истории политических процессов в царской России 1870-1880-х гг. Содержит обзор избранных (из числа самых значимых), наиболее характерных для того времени процессов, которые рассматриваются, с одной стороны, как орудие карательной политики царизма, а с другой – как арена, своего рода второй фронт революционной борьбы с царизмом.

Для студентов исторического факультета специальностей «История» и «Правоведение».

При поддержке института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Россия

УДК [9:323.28] (470-89) "1871/1887" (075.8)
ББК 63.3 (2) 51 я 73

Работа издана в авторской редакции

ISBN 5-292-03082-1

© Троицкий Н. А., 2003

Мы молимся разным богам, а потому судить друг друга не можем. И для меня, и для вас есть другой суд, неподкупный, нелицеприятный и строгий: это суд истории и потомства

Из последнего слова *Г. А. Лопатина*
на процессе «21-го»

ПРЕДИСЛОВИЕ

1870–1880-е гг. для России – целая эпоха политических процессов. Их прошло за то время больше 200 (в отдельные годы – по 20, 30 и более)¹, причем многие из них – нечаевцев, «50-ти», «193-х», Веры Засулич, первомайцев 1881 и 1887 гг., «20-ти», «17-ти», «14-ти», «21-го» и др. – вызвали громкий международный резонанс. История России ни раньше, ни позже не знала другого отрезка времени, который мог бы сравниться по масштабам и значению судеб-но-политических процессов с 70 и 80-ми гг. XIX века.

Политические процессы тех лет как бы фокусировали в себе два взаимосвязанных сюжета исключительной значимости – карательную политику царизма и освободительное движение, ибо в процессах «отражались ярко и сильно оба врага – революция и старый порядок – в их взаимной борьбе, отражались в самые критические, в самые драматические для них моменты»². Каждый из тех процессов интересен для историка не только как орудие карательной политики, но и как своеобразная антиправительственная акция подсудимых – акция итоговая и потому чрезвычайно ответственная, заставлявшая борцов в плену у врага проявлять максимум идейной убежденности и силы духа.

В 11-ти главах пособия дается обзор избранных процессов 1871–1887 гг. (из числа самых значимых), характерных для разных периодов – и подъемов, и спадов – освободительного движения. Все главы ранее, с 1975 по 1991 гг., публиковались в разных изданиях. Теперь они обновлены (уточнены, исправлены, дополнены) и сведены воедино для более целостного восприятия процессов. Все даты событий в России приводятся по старому стилю, в Европе – по новому.

¹ В 1878 – 20 процессов, в 1879 – 30, в 1880 – 32.

² Коваленский М. Н. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1923. Кн. 1. С. 9.

ДЕЛО НЕЧАЕВЦЕВ

Суд над участниками нечаевской организации «Народная расправа» (Петербург, 1 июля – 11 сентября 1871 г.) занимает особое место среди политических процессов в царской России как первое испытание судебных уставов 1864 г. на политическом деле¹. «Впервые в России политический процесс слушался перед судом присяжных и при открытых дверях», – отметили в 1873 г. К. Маркс и Ф. Энгельс². Присяжных заседателей, правда, в данном случае не было (Маркс и Энгельс ошиблись). Процесс вела Петербургская судебная палата (точнее, ее особое присутствие) с сословными представителями, но при добросовестном соблюдении всех процессуальных норм и, главное, в условиях почти неограниченной гласности. «Все, что до сих пор совершалось в тайне, о чем говорилось вкривь и вкось, – заключал сразу после суда журнал «Дело», – все это обсуждалось гласно, при полном свете фактической и нравственной стороны дела»³.

При этом обвинение («заговор с целью ниспровержения правительства во всем государстве и перемены образа правления в России»), хотя и дифференцированное между разными группами подсудимых (составление заговора, участие в нем, пособничество, недонесение)⁴, придавало нечаевскому процессу большую политическую значимость. Это в особенности подчеркнули масштабы процесса. По числу подсудимых дело нечаевцев из всех (более 400) судебных процессов над русскими революционерами за время от

¹ Процесс ишутинцев (1866 г.) проходил, хотя и после судебной реформы, но в исключительной инстанции (Верховный уголовный суд), при закрытых дверях (в Петропавловской крепости) и с грубыми нарушениями процессуальных прав подсудимых. Дело четырех народников (Л.Б. Гольденберга, С.В. Зосимского, В.В. Рейнгардта и В.П. Ружевского), которое гласно слушалось в Олонецкой судебной палате (г. Петрозаводск) 23 июня 1871 г., за неделю до начала суда над нечаевцами не имело общественного отклика и вскоре было забыто.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. С. 388.

³ Внутреннее обозрение // Дело. 1871. № 9. С.59.

⁴ См.: Государственные преступления в России в XIX в. / Под ред. Б. Базилювского (В. Богучарского). СПб., 1906. Т.1. С.182, 209, 220, 225.

декабристов до революции 1905 г. уступает только процессу «193-х» – вообще самому крупному политическому делу в истории царской России.

Специально процесс нечаевцев не исследовался. Есть лишь краткая характеристика и общая оценка процесса в трудах М. Н. Гернета, Г. С. Ульмана, Б. С. Итенберга, Б. В. Виленского, А. И. Володина, Ю. Ф. Карякина, Е. Г. Плимака, А. М. Ларина⁵. Между тем процесс нашел отражение в большом числе разнообразных источников. Опубликованы сравнительно полный стенографический судебный отчет, сборник официальных документов о подготовке и ходе процесса⁶, отклики прессы, письма, дневники, воспоминания современников. В архивах сохранились материалы следствия по делу нечаевцев⁷, конфиденциальная переписка «верхов» (царь, министр юстиции, управляющий министерством)⁸, обзоры и доклады III отделения⁹. Попытаемся обобщить все доступные нам печатные и архивные источники по делу нечаевцев, воссоздать на их основе (разумеется, насколько позволяют размеры очерка) живую картину процесса, рассмотреть его особенности, итоги и значение.

К следствию по делу нечаевцев были привлечены 152 человека¹⁰, но 65 из них (в том числе М. А. Натансона, Н. Ф. Анненского, Н. Ф. Даниельсона, А. А. Черкесова, Веру Засулич) властям пришлось освободить по недостатку улик. Суду были преданы 87 обвиняемых¹¹. Когда же процесс, наконец, открылся, на скамье подсудимых оказалось 79 чел. (а не 84, как считал М. Н. Гернет¹²), поскольку один из обвиняемых (В. Н. Лихутин) умер, еще один (Н. Ф. Собошанский) сошел с ума, трое (В. Н. Смирнов, В. А. Гольдштейн, А. Л. фон-дер-Эльсниц) скрылись и еще трое (Р. А. Бирк, А. З. и

⁵ См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: В 3 т. М., 1961; *Ульман Г. С.* Маркс и Энгельс о Нечаеве и нечаевском процессе // Уч. записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т. 62; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965; *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев? М., 1976; *Ларин А. М.* Государственные преступления. Россия. XIX век. Взгляд через столетие. Тула, 2000.

⁶ См.: Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов. М.; Л., 1931.

⁷ См.: ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 490–495.

⁸ См.: РГИА, ф. 1016, оп. 1, д. 126, 193; ГАРФ, ф. 124, оп. 1, 1871, д. 1.

⁹ См.: ГАРФ, ф. 109, 3 экзп. 1869, д. 115.

¹⁰ См.: Нечаев и нечаевцы. С. 13 и сл.

¹¹ См.: Государственные преступления... Т. 1. С. 159.

¹² См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 61, 420.

В. З. Болотовы), уже включенные было в обвинительный акт, незадолго до суда были освобождены ввиду бездоказательности обвинения¹³. Сам организатор «Народной расправы» С. Г. Нечаев ускользнул от ареста и был судим позднее (в 1873 г.) отдельно (приговорен к 20 годам каторги, которые Александр II заменил пожизненным заточением).

Царизм устраивал столь крупный и громкий политический процесс с видимым расчетом опорочить своих противников перед общественным мнением. Владея такими козырями как юридически доказанный факт злодейского убийства И. И. Иванова однозвучный текст «Катехизиса революционера», нечаевский (фальшивый) мандат члена Интернационала¹⁴, царские власти надеялись, в первую очередь, обесславить русскую революцию. Откровеннее других выражал эту надежду М. Н. Катков. «Вы, господа, снимаете шляпу перед этою русской революцией, — обращался он к обществу... — Но вот катехизис русского революционера... Послушаем, как русский революционер сам понимает себя. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство... Жулики лучше и честнее вожakov нашего нигилизма... И вот этим-то людям прямо в руки отдаете вы нашу бедную учащуюся молодежь!»¹⁵.

Больше того. Царизм рассчитывал скомпрометировать на нечаевском процессе и международное революционное движение, в особенности Интернационал, именем которого прикрывался Нечаев. Ради этого официальная и даже либеральная (вроде петербургского «Голоса») пресса в дни суда над нечаевцами перемежала материалы о нем материалами о заседаниях Версальского военного суда над коммунарами, причем «Голос» прямо именовал нечаевцев «нашими коммунаристами и интернационалами» (?!), ибо, мол, «цель, которой они добивались», «средства» и «способы» их «совершенно те

¹³ См. о них: Библиографический словарь «Деятели революционного движения в России». М., 1929-1932. Т. 2, вып. 1-4.

¹⁴ Современный английский буржуазный историк Дж. Биллингтон отмечает, что нечаевский процесс «вооружил драматическими уликами тех, кто пытался дискредитировать сразу всех юных радикалов» (см.: *Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford, 1958. P. 46).

¹⁵ Московские ведомости. 1871. 25 июля (передовая статья).

же», что и у «Международного общества» и «покойной Парижской коммуны»¹⁶.

При таком подходе к делу казалось, что гласность на руку обвинению. Управляющий Министерством юстиции О. В. Эссен 3 июля 1871 г. так и докладывал царю: «допущенная по сему делу полная гласность... будет иметь, по моему глубокому убеждению, самое благодетельное влияние на присутствующую публику». Царь подчеркнул слова «самое благодетельное влияние» и рядом с ними на полях доклада пометил: «дай Бог!»¹⁷.

Разумеется, царизм соблюдал законность в деле нечаевцев не только потому, что он рассчитывал обязательно выиграть дело. К тому времени у властей просто еще не было повода усомниться в целесообразности судебных уставов. Поэтому и дознание, и следствие по делу нечаевцев велись точно по уставам, хотя наиболее выигрышные для суда (т. е., следовательно, порочащие революционеров) обстоятельства дела обнаружились не сразу. Дознание началось в Москве 26 ноября 1869 г., после того как жандармы нашли у библиотекаря Петра Успенского бланки с печатью Комитета «Народной расправы». Московский обер-полицмейстер Арапов взялся было по старинке («на арапа», как говорили тогда в Москве) хватать подряд всех подозрительных, и в первые же несколько дней сделал 65 обысков, почти сплошь безрезультатных. Но уже 4 декабря в Москву для руководства дознанием был прислан ответственный чиновник III отделения Н. Д. Горемыкин, который повел расследование строго по закону, а 10 февраля 1870 г. Горемыкина сменили сенатор Я. Я. Чемадуров и прокурор А. А. Стадольский, занявшиеся по материалам дознания и тоже в строгих рамках законности предварительным следствием¹⁸.

Следствие оказалось весьма основательным. Конспирация же у нечаевцев была явно не на высоте. В итоге власти сумели подкрепить обвинение большим числом вещественных доказательств, изъяв, например (кроме «Катехизиса революционера» и мандата Нечаева), устав «Общие правила организации» у П. Г. Успенского, «Программу революционных действий» в бумагах Ф. В. Волховского, типографский шрифт у А. Д. Дементьевой и И. Р. Рахимова, кон-

¹⁶ Листок // Голос. 1871. 4(16) июля. С.1.

¹⁷ ГАРФ, ф. 124, оп. 1. 1871, д. 1, л. 47. Ср.: Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. С.134.

¹⁸ См. об этом: Козьмин Б.П. К истории нечаевского процесса (Донесения и письма Н.Д. Горемыкина) // Красный архив. 1930. Т.6.

спиративные письма и адреса у А. К. Кузнецова, И. Н. Лихутина, Е. Х. Томиловой и т. д.¹⁹. Обвинительные акты по делу нечаевцев²⁰ были впечатляюще документированы и опасны для подсудимых, хотя и сравнительно добросовестны, без видимых натяжек.

Уверенные в успехе дела, еще ни на одном из политических процессов не обманувшиеся, царские верхи специально не подбирали для процесса нечаевцев (как они стали делать это позднее) сугубо надежных инквизиторов. Правда, М. Н. Гернет подчеркнул, что и в данном случае «судьи были полны классовой ненависти к подсудимым»²¹. Вероятно, так и было. Но все-таки здесь не оказалось таких палачей, как подвизавшиеся на следующих процессах П. А. Дейер, Э. Я. Фукс, Н. О. Тизенгаузен, Б. Н. Хвостов и др. Материалы суда над нечаевцами говорят, что все судьи вели себя внешне порядочно и корректно, а председатель суда А. С. Любимов даже либеральничал.

На одном из заседаний суда обвиняемый Феликс Волховский, купив с разрешения тюремного начальства букет цветов, вручил его подсудимой Александре Дементьевой. Жандармский офицер доложил об этом председателю суда как о факте недопустимом. Любимов не согласился: «Я полагаю, что букет Дементьева может иметь, я разрешаю». Наблюдавший за ходом суда агент сообщал в III отделение: «Дементьева с букетом и отправилась по окончании заседания в Петропавловскую крепость». Инцидент был доложен царю и, как явствует из пометы товарища шефа жандармов Н. В. Левашова, «его величеству угодно было повелеть, чтобы подобное *«более чем неуместное»* распоряжение г. председателя было бы сообщено г. министру юстиции»²².

А. С. Любимов, однако, высочайшему гневу не внял и при оглашении оправдательного приговора некоторым из подсудимых позволил себе еще более либеральный жест. «Господа, — обратился он к оправданным, — отныне вам место не на позорной скамье, а среди публики, *среди всех нас*»²³(выделено мной. — Н. Т.). Это обращение едва не погубило карьеру Любимова. Правительственные верхи и реакционная пресса нашли, что он «вел себя слишком гуманно и любовно с подсудимыми», пригласив их ни много ни мало, как «пе-

¹⁹ См.: Государственные преступления... Т. 1. С. 162, 167, 171, 173, 174, 213 и др.

²⁰ Их было 12 (по числу групп, на которые разделили подсудимых для удобства суда).

²¹ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 62.

²² Нечаев и нечаевцы... С. 174.

²³ Государственные преступления... Т. 1. С. 188.

ресесть прямо в сонм судей»²⁴, а начальник Московского губернского жандармского управления генерал И. Л. Слезкин донес в III отделение о своих сомнениях в политической благонадежности Любимова²⁵. Процесс Любимов довел до конца, но уже в обстановке травли сверху и справа.

Еще более показателен для состава и поведения суда в деле нечаевцев тот факт, что и оба обвинителя – прокурор Петербургской судебной палаты В. А. Половцов и товарищ прокурора П. А. Александров – оказались в данном случае вполне добросовестными и гуманными. В. А. Половцов (родной брат известного государственного деятеля и организатора Русского исторического общества А. А. Половцова), «настоящий прокурор судебной палаты» в лучшем смысле этого слова, как отзывался о нем А. Ф. Кони, поклонялся только одному богу – закону и «не искал случая отличиться в глазах властей держащих»²⁶. Таков же был и его помощник П. А. Александров. И тот, и другой обвиняли сообразно с фактами, без пристрастия и озлобления, и предлагали умеренные наказания²⁷. Половцов, например, в ходе суда сам отказался совершенно от обвинений против М. П. Коринфского, А. А. Костыркина, И. Г. Пажона-де-Монсе и почти от всех (кроме одного, документально обоснованного) обвинений против П. Н. Ткачева²⁸. Более того, агент III отделения журналист И. А. Арсеньев жаловался самому П. А. Шувалову на то, что «обвинительная речь Половцова допускает поэтическую обрисовку характеров преступников, по-видимому с целью возбудить к ним сочувствие публики»; так, обвиняемого И. Г. Прыжова обвинитель «произвел в героя-мученика»²⁹.

Свидетели на процессе нечаевцев, в отличие от всех дальнейших политических процессов, использовались вполне законным образом, без подтасовки и предварительного внушения. В результате, поскольку одни свидетели мало что знали, другие – забыли, а третьи просто не хотели изболтать подсудимых, обвинение в деле не-

²⁴ Никитенко А. В. Дневник. (1866–1877). М., 1956. Т.3 С.212. Ср.: Московские ведомости. 1871. 25 июля (передовая статья).

²⁵ Нечаев и нечаевцы... С.173.

²⁶ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С.280.

²⁷ П.А. Александров выступал обвинителем лишь по одной (четвертой) из 12-ти групп подсудимых.

²⁸ См. Правительственный вестник. 1871. 11 (23) июля. С.5; 31 июля (12 августа). С. 5.

²⁹ Нечаев и нечаевцы. С.187.

чаевцев не только ничего не выиграло от свидетельских показаний, но и кое-что проиграло. В. А. Половцов при разборе дел второй (самой многочисленной) группы подсудимых³⁰ откровенно признал, что из 18 свидетелей обвинения десять не явились, от допроса четырех он, прокурор, вынужден был отказаться «по различным причинам», а остальные четверо дали сведения, которые «были как нельзя более скудны», тогда как все девять свидетелей защиты оказались налицо и дали пространные показания, причем все они «старались достигнуть тех целей, которые имела в виду защита»³¹.

Что касается защиты, то, не вдаваясь в подробности ее поведения на процессе нечаевцев³², отметим, что она действовала в общем солидарно с подсудимыми: «...вполне поняла свою задачу, — справедливо писал о ней вскоре после суда Н. К. Михайловский, — и, за многими исключениями, исполнила ее блистательно»³³.

Таковы были условия, в которых судились нечаевцы. Читатель видит, что они во многом благоприятствовали подсудимым. Собственно, все «блага» для подсудимых сводились к соблюдению законности, но именно точное соблюдение законности и отличало процесс нечаевцев как от предыдущих, так и от последующих процессов в царской России. То же самое надо сказать о гласности. Все газеты печатали материалы процесса, включая показания, речи, объяснения свидетелей, адвокатов и подсудимых. Правда, несколько стесняло печать одно ограничение: «Газетам было разрешено только перепечатывать отчеты о судебных заседаниях в том самом виде, в каком они излагались «Правительственным вестником», а это изложение далеко не всегда отличалось точностью и полнотой»³⁴. Зато публика — в первый и последний раз за всю историю политических процессов при царизме — допускалась в суд без ограничений.

³⁰ Из 79 подсудимых всех 12 групп вторая группа насчитывала 33 чел.

³¹ Правительственный вестник. 1871. 30 июля (11 августа). С.2.

³² Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула, 2000. С.236-244.

³³ *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т.X. Стб.25.

³⁴ *Арсеньев К. К.* Политический процесс 1869-1871 гг. // Вестник Европы. 1871. № 11. С.283. Вот характерный пример: из гранок стенограммы «Правительственного вестника» в последний момент была вымарана часть объяснений подсудимого В. Н. Черкезова, почему заслуживают смертной казни П. А. Валув, А. Е. Тимашев, Н. В. Мезенцов, Ф. Ф. Трепов и М. Н. Катков. (см.: *Лесков Н. С.* Собр. соч. М., 1958. Т.10 С.329-330).

Суд над участниками революционного заговора впервые при открытых дверях, естественно, вызывал небывалый интерес³⁵. В зал суда хотели попасть буквально все. Здесь были и высшие сановники (вел. кн. Николай Константинович, кн. Д. А. Оболенский, гр. Н. Т. Баранов, бывший министр юстиции Д. Н. Замятнин, управляющий министерством барон О. В. Эссен, сенаторы, генералы)³⁶, и просто народье, корифеи литературы (Ф. И. Тютчев, Н. С. Лесков, возможно, Ф. М. Достоевский)³⁷ и неграмотные зеваки. «До какой степени публика вообще желала попасть на заседание, – писала в те дни петербургская газета «Судебный вестник», – видно из того, что в течение всех 13 дней, пока шло дело (первой группы обвиняемых. – Н. Т.), она не только не оставляла коридора суда, но и толпилась у главного подъезда, во дворе»³⁸.

Преобладала (в громадной степени) учащаяся молодежь. «Студенты, чтобы попасть в зал суда на разбор дела, – вспоминал М. Ф. Фроленко, – иногда дежурили напролет всю ночь на дворе суда. Зал набивался публикой до невозможности»³⁹. Молодежь так быстро и дружно заполняла весь зал, что «порядочная часть общества» (как доносил в III отделение жандармский агент), являясь в суд к началу заседания, «находила все места уже занятыми все тою же публикою, т. е. «стрижками» и их кавалерами»⁴⁰. Немудрено, что «все личности, составлявшие публику, вполне сочувствовали подсудимым»⁴¹. Власти были этим обеспокоены, начали проверять публику. 21 июля Н. С. Лесков сообщал в Москву М. Н. Каткову (?): «Вся публика, присутствующая на суде, переписана, и оказалось, что все

³⁵ «Самый животрепещущий политический вопрос в нашем отечестве в данный момент представляет нескончаемое по своему объему «Нечаевское дело», – писала 3 августа 1871 г. петербургская газета «Сын Отечества», – об этом деле теперь толкуют на каждом перекрестке, у кого насколько хватает смысла и разума».

³⁶ Нечаев и нечаевцы. С.159-160, 163-165.

³⁷ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957. С.483; Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 447. И. С. Тургенев в дни суда писал из-за границы П. В. Анненкову: «Что за нелепица, гнусность – и как в то же время интересно все это невообразимое нечаевское дело!» (см.: Тургенев. И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1965. Т.IX. Письма. С.115).

³⁸ Судебный вестник. 1871. 21 июля. С.1.

³⁹ Фроленко М. Ф. Собр. соч. М., 1932. Т.1. С.169.

⁴⁰ Нечаев и нечаевцы. С.166.

⁴¹ Там же. С.161.

эти лица — шайка единомышленников подсудимым»⁴². Вероятно, после этого доступ «стрижкам и их кавалерам» в суд был ограничен, но как бы то ни было, до окончания процесса двери суда оставались открытыми.

Гласность процесса, публичность его заседаний и, особенно, явное сочувствие публики (точнее, ее подавляющего большинства) тоже благоприятствовали подсудимым, как бы стимулируя их стойкость («на людях и смерть красна») и активность. Прежде чем говорить об их стойкости и активности, посмотрим, однако, что собой представляли те 79 человек, которые заняли скамью подсудимых на первом гласном политическом процессе в России.

Большей частью (примерно 55–60 чел.) это были именно нечаевцы, то есть участники «Народной расправы» и ее филиала — кружка А. П. Старицына. Но здесь были представлены и другие организации: например, целый кружок «сибиряков» (А. Е. Дудолодов, П. М. Кошкин, Л. А. Топорков) во главе с А. В. Долгушиным. Более того, в числе подсудимых оказались революционеры — противники нечаевщины: Ф. В. Волховский, Л. И. Голиков, В. И. Ковалевский. Двое-трое (А. П. Алексеев, Н. П. Маслов, может быть А. Н. Колачевский) попали на скамью подсудимых случайно, а Варвара Александровская, возможно, играла в деле нечаевцев провокационную роль. Во всяком случае, известно, что эта особа (дворянка, жена коллежского советника) еще в 1865 г. добровольно предлагала шефу жандармов В. А. Долгорукову, а в 1866 г. — М. Н. Муравьеву-Вешапелю использовать ее как провокатора, причем доносила на знакомых ей революционеров, но тогда власти не придали ее доносам большого значения⁴³. Теперь, в заключении по делу нечаевцев, она писала новые доносы на своих сопроцессников и даже адресовала министру юстиции «верноподданническое предложение» спровоцировать С. Г. Нечаева на свидание с ней и выдать его царскому правительству⁴⁴.

Социальный состав подсудимых не отличался такой разнородностью, как на последующих процессах. Здесь резко преобладали дворяне: 42 чел. из 72 (о социальном положении семи подсудимых нет сведений). Крестьян и рабочих (по занятиям) вообще не было. Даже

⁴² Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 10. С. 330.

⁴³ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 232–236.

⁴⁴ Там же. С. 236. Ср.: Нечаев и нечаевцы. С. 139–142.

по происхождению среди подсудимых – нечаевцев был один лишь крестьянин – литератор и ученый (историк, этнограф) И. Г. Прыжов.

Что касается возраста, то, за малым исключением, судилась на процессе нечаевцев молодежь. Только И. Г. Прыжову было 43 года, В. В. Александровской и М. А. Попкову – по 37, Е. Х. Томиловой – 32. Все остальные были моложе 30 лет, а большинство (47 чел. из 79) не достигло и 25-летнего возраста (почти исключительно студенты – главным образом, Московского университета и Петровской земледельческой академии, а также Медико-хирургической академии, Технологического и Земледельческого институтов в Петербурге).

Важной особенностью процесса нечаевцев был тот факт, что перед судом предстали восемь женщин⁴⁵. До тех пор в России на политических процессах никогда не судилась ни одна женщина. Впрочем, не только в России, но и в целой Европе после Великой французской буржуазной революции XVIII в. процесс нечаевцев был первым политическим делом с участием женщин. Это обстоятельство отметил в речи на процессе адвокат Е. И. Утин⁴⁶.

На следствии подсудимые вели себя по-разному. Общего плана защиты они не имели, хотя иные из них, как это выявила агентура III отделения, находили возможность стовариваться о показаниях «не только в тюрьме, но и в [Петропавловской] крепости»⁴⁷. Кое-кто (например, П. Г. Успенский, А. К. Кузнецов, Н. Н. Николаев, И. Г. Прыжов, А. С. Бутурлин, П. М. Кошкин) давали весьма откровенные показания, не раскаиваясь, однако, в содеянном⁴⁸. Другие (Ф. В. Волховский, И. И. Флоринский, Г. Я. Гавришев, Л. А. Топорков, Д. П. Ишханов) признавали лишь то, в чем были уличены, но в остальном держались уклончиво. Большинство же либо вообще ни в чем не сознавалось (П. Н. Ткачев, А. В. Долгушин, Ю. В. Бобарыкова, Л. И. Голиков, Э. В. Лау, Г. А. Свечин, Е. Н. Лихутина, П. П. Дебогорий-Мокриевич, П. Ф. Ивакин, Л. Ф. Моравский, П. А. Енкуватов, М. М. Ла-

⁴⁵ Вот их имена: Е. И. Беляева, Ю. В. Бобарыкова, Л. Е. Воронцова, А. Д. Демтьева, Е. Н. Литухина, Е. Х. Томилова, А. И. Успенская (Засулич) и В. В. Александровская. Заметим, что к следствию по делу нечаевцев были привлечены 15 женщин (см.: Нечаев и нечаевцы. С. 13–14).

⁴⁶ Правительственный вестник. 1871. 1 (13) августа. С. 3.

⁴⁷ Нечаев и нечаевцы. С. 194.

⁴⁸ ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 490–495 (материалы следственной комиссии Я. Я. Чемадурова). Наиболее пространные из показаний этого рода (А. К. Кузнецова) шеф жандармов переслал в копии царю, который оставил на них недовольную помету: «Нахожу показания эти весьма неясными и неопределительными» (см.: ГАРФ, ф. 109, 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 26, л. 1).

заревский, А. З. и В. З. Болотовы)⁴⁹, либо запутывало следствие разноречивыми показаниями (так вели себя А. Д. Дементьева, Е. Х. Томилова, Л. Е. Воронцова, В. И. Лунин, В. И. Ковалевский, М. П. Коринфский и многие другие).

На суде обвиняемые выступали более согласованно. Поскольку теперь многое из того, что они оспаривали на следствии, было документально засвидетельствовано обвинительными актами, прежнее запирательство уже теряло смысл. «...Трудно было бы противу рожна прати», — писал об этом жене из тюрьмы перед началом суда П. Г. Успенский⁵⁰.

При таком обороте дела, учитывая гласность процесса, обвиняемые перешли от обороны к наступлению. В то время как суд пытался заострить общее внимание на убийстве И. И. Иванова, а также на человеконенавистнических параграфах «Катехизиса революционера», выпытывая подробности и муссируя их, подсудимые выдвигали на первый план «глубокие общественные вопросы» (так выразился адвокат К. К. Арсеньев) и давали понять, что в России при существующих условиях революционная борьба, каковы бы ни были ее формы, неизбежна и неистребима. «Почти все подсудимые, — обобщал в записке на имя шефа жандармов заведующий секретной агентурой III отделения К. Ф. Филиппеус, — пользуются малейшим случаем, чтобы выразить свой взгляд на существующий порядок, на его ненормальность, на необходимость иного, лучшего устройства общества», причем одни («подобно Орлову») «высказывают чисто социалистические и даже коммунистические воззрения, подробно развивают мысли о негодности настоящего общественного строя... выступают апостолами нового социального и политического учения, впервые заявляемого громко», а другие («как Ткачев») «противопоставляют новое общество старому, отживающему, открыто объявляют себя нигилистами и смело поднимают знамя этого нового общества...»⁵¹.

⁴⁹ Вот, например, показание А. В. Долгушина: «К обществам никаким не принадлежал и кружков никаких не составлял; разве только предложил Кошкину, Топоркову и Дудолодову жить вместе, да устроил маленькие литературные вечера, на которые собирались человек 5-6 не более. О существовании каких-либо обществ знаю только то, что писалось в этом отношении до сих пор в газетах» (см.: ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 491, л. 322). Там же и в д. 492 см. аналогичные показания многих других нечаевцев.

⁵⁰ Письмо нечаевца П. Г. Успенского. Сообщил А. А. Кункль. См.: Революционное движение 60-х годов. М., 1932. С. 229.

⁵¹ Нечаев и нечаевцы. С. 166-167.

С душевной болью говорили нечаевцы о бедствиях народа и своем желании помочь ему. «Много надрывающих душу сцен привелось мне видеть, – рассказывал о своих наблюдениях над жизнью крестьян П. М. Кошкин. – Здесь я запасаю той злобой, той благодатной злобой, которая научила меня любить народ, злобой, которая дала толчок к моему нравственному развитию. ...Здесь я проникнулся непоколебимой верой в здравый народный смысл... Я ходил на сходки крестьян, читал им, рассказывал. Особенно их интересовал быт народа в других странах. Как они восхищались Америкой: «ах, кабы да у нас так!» – говорили они»⁵². И Кошкин, и другие нечаевцы подчеркивали, что цель их тайного общества – «улучшение народного благосостояния» (Д. А. Енкуватов)⁵³, «возможное благосостояние всех и каждого» (В. И. Лунин)⁵⁴, что ради этого никто из них, как выразился на суде П. Г. Успенский, «никогда и не задумался бы пожертвовать своей жизнью»⁵⁵.

С той же страстью очень многие подсудимые обличали самодержавный произвол и усилия властей «задавить проблески мысли»⁵⁶, неоправданные, наугад, репрессии, которые «только сильнее раздражают и сближают тех, против кого они направлены»⁵⁷, а А. Д. Дементьева сделала развернутое выступление по «женскому вопросу», указав на бесправие женщин как на фактор, непрестанно вооружающий их против правительства. «Даже те немногие отрасли знаний, которые предоставлены женщинам (учительствовать, быть стенографистками, отчасти врачами. – Н. Т.), – говорила Дементьева, – обставлены такими преградами, что весьма немногие имеют возможность пользоваться этими средствами... Самою простою, ближайшею мерою, которая могла бы дать женщинам возможность заниматься более выгодным трудом, было бы позволение им приоб-

⁵² ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 490, л. 130–130 об.

⁵³ Там же. д. 492, л. 141.

⁵⁴ Там же. Ф. ОППС, оп. 1, д. 495, л. 202 об.

⁵⁵ Правительственный вестник. 1871. 4(16) июля. С.2.

⁵⁶ ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 490, л. 128 (показание на следствии П. М. Кошкина); Правительственный вестник. 1871. 6(18) июля (речь на суде П. Н. Ткачева).

⁵⁷ ГАРФ, ф. ОППС, оп. 1, д. 492, л. 211 (показание на следствии А. С. Бутурлина); Правительственный вестник. 1871. 6 (18) июля. С.4 (речь на суде Ф. В. Волховского); Там же. 21 июля (2 августа). С.3 (речь на суде В. Н. Черкезова).

ретать более обширное образование и обучаться в гимназиях и институтах различным практическим занятиям»⁵⁸.

Речь Дементьевой на процессе нечаевцев вошла в историю русского освободительного движения. В 1886 г. газета «Общее дело» заслуженно помянула ее как «первое свободное и мужественное слово, публично обращенное русской женщиной к ее политическим судьям»⁵⁹. Перепечатанная почти всеми русскими газетами эта речь, наряду с выступлениями П. Н. Ткачева, Ф. В. Волховского, П. Г. Успенского, В. Н. Черкезова и других подсудимых, сильно пошатнула тот взгляд на нечаевцев (как на головорезов, для которых нет ничего святого), что вдалбливали в сознание общества власти и реакционная пресса.

Сама Дементьева — юная, обаятельная, смелая и настолько жизнерадостная, что председатель суда даже пенял ей на это, требуя «воздерживаться от неуместных улыбок»⁶⁰, — «во время суда возбуждала всеобщее к себе сочувствие»⁶¹. То же надо сказать и о многих других подсудимых. Публика изо дня в день могла видеть, что ни в ком из них — ни во внешности, ни в манерах, ни в речах — нет и следа той кровожадности, которой, как уверяла официозная пресса, был буквально обуреваем каждый нечаевец. Что же касается дел и документов самого Нечаева, то в ходе процесса из объяснений подсудимых и адвокатов становилась все более очевидной целая пропасть между Нечаевым и нечаевцами.

Выяснялось, что нечаевцы шли за Нечаевым единственно с целью посвятить себя делу освобождения народа, то есть из «прекрасных, преблагородных» (как сказал на процессе адвокат В. Д. Спасович)⁶² побуждений. О мистификации, изуитстве, безнравственности нечаевщины они, как правило, даже не знали (в одном Нечаев их обманул, другое скрыл). В частности, на суде было уста-

⁵⁸ Правительственный вестник. 1871. 4 (16) июля. С. 3.

⁵⁹ Материалы для биографии П. Н. Ткачева // Былое. 1907. № 8. С. 159.

⁶⁰ Правительственный вестник. 1871. 2(14) июля. С. 1.

⁶¹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. С. 231. Яркий портрет Дементьевой нарисовал в дни суда корреспондент «Русских ведомостей»: «Цветущая и красивая девушка с умным и решительным выражением лица; отличается непринужденностью манер, симпатичностью голоса, замечательным даром слова; говорит удивительно отчетливо, последовательно, без запинок... одета просто, но с большим вкусом; волосы носит подстриженными довольно коротко и грациозно зачесанными назад» (см.: Физиономия политического процесса (от нашего корреспондента) // Русские ведомости. 1871. 8 июля. С. 1).

⁶² Спасович В. Д. За много лет (1859-1871). СПб., 1872. С. 431, 437.

новлено, что пресловутый «Катехизис революционера» вообще не читался в организации именно потому, что «если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление»; сам Нечаев никому не внушал, «что людей нужно надуть (§ 14 и 19 «Катехизиса». – Н. Т.), потому что в таком случае кто же бы согласился, чтобы его заведомо надули?»⁶³. Кроме Спасовича, все это разъясняли на процессе сами подсудимые: И. Г. Прыжов, И. И. Флоринский, В. Ф. Орлов, Е. Х. Томилова, Ф. Ф. Рипман, Е. И. Беляева и другие. П. Г. Успенский категорически заявил: «Я должен сказать по поводу прокламаций, что они не были никем прочитаны, кроме «Народной расправы», которая своими нелитературными формами произвела самое отвратительное впечатление; с нею никто не соглашался. Я знал всех, кто их читал»⁶⁴.

Если не считать В. В. Александровской, которая, как было сказано, играла в деле нечаевцев какую-то совершенно особую, до конца не ясную, но, вероятно, провокационную роль, все остальные подсудимые вели себя с достоинством. Ни один из них не погрешил на суде против революционной этики, не раскаялся и не просил снисхождения. Напротив, со скамьи подсудимых они обвиняли тот режим, именем которого их судили. «Выходило так, что не их судят, а они судят правительство, его непорядки», – вспоминал М. Ф. Фроленко⁶⁵. В этом отношении нечаевцы сделали важный шаг вперед, сравнительно с подсудимыми всех (многолюдных) политических дел в России прошлого и показали хороший пример революционерам на будущее. Именно нечаевцам следует адресовать то, что Н. Б. Панухина относит к процессу «50-ти» (1877 г.): «Впервые политический процесс стал не только выражением карательной политики правительства, но и своеобразным актом революционной борьбы», герои процесса «сумели впервые в истории освободитель-

⁶³ Спасович В. Д. За много лет... С. 426, 427.

⁶⁴ Правительственный вестник. 1871. 10 (22) июля. С. 3.

⁶⁵ Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 169. Ср. следующее признание К. Ф. Филиппеуса в его записке на имя шефа жандармов от 11 июля 1871 г.: «собственно, роли переменялись: не общество и государство в лице суда являются обвинителем, а, напротив, они становятся обвиняемыми и обвиняются с силою и красноречием фанатического убеждения, как бы напрашивающегося на мученичество» (см.: Нечаев и нечаевцы. С. 168).

ного движения в России превратить суд в трибуну для пропаганды идей свободы и социализма»⁶⁶.

Приговор по делу нечаевцев выносился с той же (конечно, относительной) добросовестностью, которая отличала все судебное разбирательство. Суд принял во внимание и доводы защиты, и объяснения подсудимых, учел, что Нечаев вербовал заговорщиков обманным путем и что заговор был раскрыт буквально в зародыше. Поэтому из 78 подсудимых⁶⁷ больше половины – 42 человека! – были оправданы, 28 человек приговорены к заключению в тюрьме на срок от 1 года 4 месяцев до... 7 дней и двое – в смирительном доме (на 2 месяца и 1 год 4 месяца), двое – к ссылке в Сибирь и лишь четверо (П. Г. Успенский, И. Г. Прыжов, А. К. Кузнецов, Н. Н. Николаев) – все участники (хотя и обманутые, подневольные) убийства Иванова – к разным срокам каторги от 7 до 15 лет⁶⁸. Судя по значению дела и тяжести обвинения, это был на редкость мягкий приговор. Подчеркивать, что в данном случае «судебная палата вынесла суровый приговор подсудимым – вплоть до каторжных работ на срок до 15 лет»⁶⁹, несправедливо.

Реакционные верхи были разгневаны таким приговором. Управляющий Министерством юстиции О. В. Эссен уведомлял министра К. И. Палена, что царь ему, Эссену, «изволил сказать»: «Просто срам, как решено дело»⁷⁰. Перепуганный Эссен предлагал Палену опротестовать приговор судебной палаты⁷¹, но для этого не нашлось юридических оснований.

Впрочем, разочаровал верхи не только приговор, но и весь ход судебного разбирательства, особенно же – крах расчетов на унижение подсудимых. Александр II прямо заявил О. В. Эссену: «Однако хорошие ожидания твои по нечаевскому делу не оправдались»⁷². Шеф жандармов П. А. Шувалов, который имел тогда громадное влияние на царя, подогревал высочайшее раздражение против юстиции капитальными докладами своего ученого агента И. А. Ар-

⁶⁶ Панухина Н. Б. «Процесс пятидесяти» как акт революционной борьбы // История СССР. 1971. № 5. С. 43, 53.

⁶⁷ Один (А. П. Старицын) умер во время суда.

⁶⁸ Текст приговора см. в Государственные преступления в России в XIX в. Т. 1. С. 188, 210, 222, 227.

⁶⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. С. 62 (15 лет каторги получил один из 78 подсудимых – П. Г. Успенский).

⁷⁰ РГИА СССР, ф. 1016, оп. 1, д. 126, л. 2 об.

⁷¹ Там же. Л. 1 об. – 2.

⁷² Там же. Л. 2 – 2 об.

сеньева и главы секретной агентуры К. Ф. Филиппеуса о неудобствах состязательности и гласности на политических процессах. «...Для того, чтобы последователи этих смелых отщепенцев (т. е. подсудимых нечаевцев. – Н. Т.) знали, как им сплотиться и какие средства ведут к замене старого общества новым, – докладывал Филиппеус, – им теперь нужно будет иметь только «Правительственный вестник», который отныне делается руководством наших революционеров, так как в него вошли все документы, прочитанные на суде, т. е. правила организации тайного общества, исповедь революционера (имеется в виду нечаевский «Катехизис». – Н. Т.) и почти все возмущительные воззвания, которые до сих пор держались в тайне и за распространение коих законы определяют строгие наказания»⁷³.

Министр юстиции К. И. Пален и все его ведомство переживали трудное время. Осведомленные лица уверяли, что министр буквально плачет от досады на миндальничанье председателя суда и обоих обвинителей по делу нечаевцев и что он увольняется⁷⁴. «Как бы то ни было, а юстиция наша в опале», – записывал в дневнике А. В. Никитенко⁷⁵. Неспроста оба прокурора – В. А. Половцов вскоре после процесса нечаевцев⁷⁶, а П. А. Александров позднее (в январе 1876 г.) – вынуждены были уйти из прокуратуры. Александров перешел в сословие присяжных поверенных и быстро прославился на политических процессах как адвокат (особенно после блестящей защиты Веры Засулич в 1878 г.).

Именно под впечатлением процесса нечаевцев царизм начал изымать политические дела из общеуголовной подсудности. Рассудив, что приговоры, подобные тому, который суд вынес нечаевцам, служат лишь «поощрением к составлению новых заговоров», царь и потребовал от министра юстиции «принять меры для предупреждения повторения подобных, ни с чем не сообразных приговоров»⁷⁷, а К. И. Пален в ответ предложил учредить для разбирательства политических дел Особое присутствие Правительствующего сената, что и было сделано 7 июня 1872 г. Так началась судебная контрреформа в России⁷⁸.

⁷³ Нечаев и нечаевцы. С. 168. Ср. записку И. А. Арсеньева (см.: там же. С. 186).

⁷⁴ Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 10. С. 330.

⁷⁵ Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. С. 212.

⁷⁶ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. С. 280.

⁷⁷ ГАРФ, ф. 124, оп. 1, 1871. д. 1, л. 78.

⁷⁸ См. об этом: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 317–321.

Реакционная пресса целиком разделяла и навязывала общественному мнению взгляд верхов на ход и результаты процесса. Больше всех преуспели в этом «Московские ведомости», которые распекали «благодущие» судей, «кокетничанье» адвокатов и «одурелость» подсудимых⁷⁹ в «громоносных», по выражению Щедрина, статьях с такой «кровожадной, татарской свирепостью», что при виде ее «находишь себя вдруг способным повесить весь мир ни за что, ни про что»⁸⁰. Даже спустя почти десять лет, в марте 1880 г. М. Н. Катков вернулся к нечаевскому делу и выступил на страницах «Московских ведомостей» с циклом передовых статей, тщясь доказать, что стремительный рост крамолы идет от снисходительного приговора нечаевцам⁸¹.

Заодно с Катковым в оценке процесса нечаевцев была не только вся реакционная, но отчасти (видимо, с перепугу) и либеральная печать, как это показал в статье «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики» Щедрин. Остроумный монтаж «в один общий фокус» извлечений из «Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и «Вестника Европы» рядом с «громоносными» статьями «Московских ведомостей» позволил Щедрину наглядно изобразить, как либеральные органы судили о нечаевском деле по-катковски, «доказав свою благонадежность самым осязательным и непререкаемым образом»⁸².

Правда, «Вестник Европы», ввиду особой антипатии к этому журналу («крашеному гробу», «тараканьему кладбищу»)⁸³, Щедрин включил в компанию «Московских ведомостей» с некоторой натяжкой. «Вестник Европы» тоже проклинал Бакунина и Нечаева, но не опускался до ругани и проклятий по адресу нечаевцев, как это делали «Московские ведомости» или даже сугубо либеральный «Голос». Более того, в ноябрьском номере «Вестника Европы» за 1871 г. была опубликована специальная статья К. К. Арсеньева «Политический процесс 1869—1871 гг.» с косвенным оправданием нечаевщины как протеста против разгула реакции («чем больше ограждена личная свобода и безопасность человека, тем больше он дорожит, тем неохотнее рискует ею и — наоборот»), за что 26 ноября министр внут-

⁷⁹ Московские ведомости. 1871. 25 июля (передовая статья).

⁸⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. VIII. С. 235.

⁸¹ См.: Московские ведомости. 1880. № 67, 70, 75, 84 (передовые статьи).

⁸² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 240.

⁸³ Там же. Т. XX. С. 74.

ренных дел А. Е. Тимашев объявил «Вестнику Европы» первое предостережение⁸⁴.

Но открыто в защиту нечаевцев от нападок реакции выступили в легальной печати только «Отечественные записки». Сентябрьский номер журнала за 1871 г. вышел с «литературными заметками» Н. К. Михайловского «Дело Нечаева и «Московские ведомости». Михайловский не только оправдывал идеалы нечаевцев («Каждое мирозерцание имеет полное *raison d'être* именно потому, что оно существует»)⁸⁵, но и защищал их самих (под флагом защиты законности судопроизводства). В частности, напомнив, как обругал Катков последнее слово И. Г. Прыжова с тремя строками из Гете («один подсудимый рывкнул стихами»), Михайловский заметил: «Только палач способен остановить жертву сказать последнее в жизни, дозволенное ей законом слово...»⁸⁶.

Вопреки надеждам властей и давлению верноподданнической прессы, в обществе дело нечаевцев вызвало много сочувствия к подсудимым. Даже консервативно настроенный Ф. И. Тютчев считал, что «вынесенный приговор должен казаться справедливым», и задумывался над тем, «что может противопоставить заблуждающимся, но пылким убеждениям власть, лишенная всякого убеждения»⁸⁷. А вот какие новости сообщал М. Н. Каткову (?) после суда над первой группой нечаевцев Н. С. Лесков: «1) *Флоринский* получил приглашение быть народным учителем разом в пять школ. 2) *Орлов* на поезде в Петергоф и в самом Петергофе удостоился восторженных оваций. 3) Для *Дементьевой* идет подписка на приданое»⁸⁸.

Наибольший отклик процесс нечаевцев, естественно, вызвал среди учащейся молодежи, которая только что вступала в жизнь и освободительное движение. К. Ф. Филиппеус в дни суда особо уведомлял шефа жандармов, что «смелость» и «гордость» подсудимых «производят на молодежь обаятельное действие»⁸⁹. Это в один го-

⁸⁴ Арсеньев К. К. За четверть века (1871-1894). Пг., 1915. С.32, 50.

⁸⁵ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т.Х. С.20-21.

⁸⁶ Там же. С.32. О «литературных заметках» Михайловского, как и о статье Щедрина «Так называемое «нечаевское дело», было доложено царю, который велел «обратить на это внимание министра внутренних дел» (см.: М. В. Теплинский. «Отечественные записки» (1868-1884) Южно-Сахалинск, 1966. С.82).

⁸⁷ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. С.483, 484.

⁸⁸ Лесков Н. С. Собр. соч. Т.10. С.330. А. Д. Дементьева была тогда невестой П. Н. Ткачева. Суд приговорил ее к четырем месяцам тюрьмы, В. Ф. Орлова и И. И. Флоринского — оправдал.

⁸⁹ Нечаев и нечаевцы. С.167.

лос удостоверяют многочисленные свидетели. При «безусловно отрицательном» отношении к нечаевщине, то есть к тому началу макиавеллизма, что вносил в революционное движение Нечаев («молодежь извлекла из этого дела для себя и практический урок: ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской»)⁹⁰, большая часть молодежи увлекалась «смелостью и гордостью» нечаевцев, а главное, той идеей революционного преобразования России, которую мужественно отстаивали нечаевцы. Исключительно важную роль сыграли здесь разъяснения причин неотвратимости и справедливости революционной борьбы против царизма – разъяснения, сделанные на суде революционерами и перепечатанные царскими газетами. Поэтому, в целом, процесс нечаевцев произвел на молодежь *революционизирующее* воздействие; это сказывалось не только в Петербурге⁹¹ и Москве⁹², но и в провинции: например, в Самаре⁹³, Курске⁹⁴, Харькове⁹⁵, Херсоне⁹⁶, Каменец-Подольской губернии⁹⁷. Гласно вскрыв коренное различие между идеалами нечаевцев и методами нечаевщины, процесс, таким образом, «не утопил революционеров в нечаевской грязи – напротив, он смыл с них эту грязь»⁹⁸.

Не удался и расчет царизма скомпрометировать на примере нечаевцев перед Россией и Европой деятельность Интернационала. Власти и буржуазная пресса Европы помогали царизму. К. Маркс отмечал, что дело нечаевцев европейские газеты «публиковали как процесс Интернационала»⁹⁹. Лондонская «Таймс» утверждала, что «русская программа есть стандартный образчик программы всякого заговора», хотя и допускала некоторое своеобразие в «непреклон-

⁹⁰ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1926. Ч. 1. С. 78, 79. Ср.: Антекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 60; Дебогорий-Мокриевич В. К. От бунтарства к терроризму. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 88.

⁹¹ Корнилова-Мороз А. И. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. Прил. 2. Стб. 214.

⁹² Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 169.

⁹³ Бух Н. К. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. Прил. 2. Стб. 45.

⁹⁴ Тимофеев М. А. Пережитое // Каторга и ссылка. 1929. № 8-9. С. 95.

⁹⁵ Ковальская Е. Н. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. Прил. 2. Стб. 193.

⁹⁶ Лукашевич А. О. В народ! // Былое. 1907. № 3. С. 2, 5.

⁹⁷ Дебогорий-Мокриевич В. К. От бунтарства к терроризму. Т. 1. С. 88.

⁹⁸ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи» // История СССР. 1960. № 6. С. 185.

⁹⁹ Лондонская конференция I Интернационала [Протоколы]. М., 1936. С. 114.

ном и фанатичном» русском характере¹⁰⁰. Но, во-первых, публикация материалов процесса сама по себе доказывала отсутствие чего бы то ни было общего между Интернационалом и нечаевщиной. Во-вторых, Интернационал, со своей стороны, по инициативе и, главным образом, усилиями К. Маркса и Ф. Энгельса сделал необходимые разоблачения¹⁰¹.

Так, Генеральный совет Интернационала опубликовал в газетах Англии, Франции, Германии, Италии написанное Марксом 14 октября 1871 г. специальное заявление о том, что «*Нечаев* никогда не был ни членом, ни представителем Международного Товарищества рабочих» и что «упомянутый *Нечаев* злоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву»¹⁰². Спустя полтора года, Маркс и Энгельс (при участии П. Лафарга) выступили с совместной работой «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих». Эта работа (конкретно, § 1 раздела VIII под названием «*Нечаевский процесс*»)¹⁰³ окончательно разбила версию о деле нечаевцев как о «процессе Интернационала».

Правда, иные (в некоторых случаях даже революционные) крути европейской общественности восприняли дело нечаевцев односторонне, лишь как разоблачение нечаевщины, и прониклись предубеждением против «русского нигилизма», будто бы и воплотившегося в нечаевщине. Так судили, в частности, А. Бебель и В. Либкнехт¹⁰⁴ – до тех пор пока К. Маркс и Л. Гартман, как об этом свидетельствовала Женни Маркс (Лонге), не открыли им глаза на «все значение русского революционного движения и беспримерное величие подлинных героев-нигилистов»¹⁰⁵. Отождествляли русский «нигилизм» с нечаевщиной и деятели польского литературно-общественного течения позитивистов во главе с Александром Свен-

¹⁰⁰ The Times. 1871. 21 October. P.7.

¹⁰¹ Подробно об этом см.: *Ульман Г. С.* Маркс и Энгельс о Нечаеве и нечаевском процессе // Уч. записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т.62.

¹⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.17. С.440.

¹⁰³ Там же. Т.18. С.388–415.

¹⁰⁴ Ср.: *Рубанович И. А.* Иностранная пресса и русское движение // Материалы для истории русского социально-революционного движения. Женева, 1893. Вып. XVI. С.5; *Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963. С.702.

¹⁰⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.34. С.397. Ср.: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М.; Пг. [Б.г.]. Т.4. С.158, 160.

тоховским (при участии Б. Пруса, Г. Сенкевича, Э. Ожешко)¹⁰⁶. Стучались и противоположные крайности: в польском революционном движении безоговорочно поддерживали Нечаева Каспар Турский и его товарищи¹⁰⁷, а в Германии оправдывал нечаевщину (вплоть до убийства И. И. Иванова) лассальянский «*Neuer Sozialdemocrat*»¹⁰⁸. Но, как бы то ни было, настороженное отношение к русским «нигилистам» в разных кругах европейской общественности после процесса нечаевцев сохранялось до начала 80-х гг, пока целый ряд новых, еще более громких политических процессов («50-ти», «193-х», Веры Засулич, первомайцев) не нарушил это предубеждение.

¹⁰⁶ Ваврыкова М. И. Отражение революционного народнического движения в польской публицистике 70-80-х годов // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1963. Т.37С.9-10.

¹⁰⁷ Жигунов Е. К., Рашковский Е. Б. Нечаев и польское революционное движение // Вопросы истории. 1965. № 6. С.204.

¹⁰⁸ Дюваль Вольф. Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868-1889) // Литературное наследство. М., 1959. Т.67. С.169.

ПРОЦЕСС «193-х»

Процесс «193-х» (иначе «Большой процесс») впечатляет прежде всего своими масштабами: то был самый крупный политический процесс за всю историю царской России, «процесс-монстр», как называли его современники. Царизм судил на нем историческое «хождение в народ» 1874 г.

Массовое «хождение в народ», т.е. в крестьянство, российских революционеров-народников развернулось с весны 1874 г. «Вооружившись» пропагандистской литературой (от пересказа «Капитала» К. Маркса до собственных «сказок»), народники отправились «в народ» разъяснять ему, «кто виноват» и «что делать», а главное, проповедовать социалистические идеи всеобщего равенства. Размах «хождения» был для России беспрецедентным. По реестру министерства юстиции, «хождение» захватило 37 губерний¹. К ним надо прибавить 4 губернии, дополнительно названные в документах царского сыска², а также еще 10 губерний, где факт «хождения в народ», не раскрытый карателями, установили историки³. Итого, «хождением» 1874 г. были охвачены 51 губерния Российской империи! Общее число его участников достигало 10 тыс. человек⁴. «В народ» пошли тогда одновременно, по общему стовору, все народники поголовно (лавристы, бакунисты, бланкисты), несмотря на тактические разногласия между ними. Удивляясь «всепоглощающему характеру» этого движения, С. М. Кравчинский назвал его «крестовым

¹ См.: Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. С.10-12 (все 37 губерний здесь перечислены).

² См.: Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т.2. С.344; Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С.298-308.

³ См. об этом: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С.42.

⁴ См.: *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С.286.

походом»⁵, а П. Л. Лавров участников похода – «крестоносцами социализма»⁶.

«Целый легион социалистов, – читаем в жандармском обзоре движения, – принялся за дело с такой энергией и самоотвержением, подобных которым не знает ни одна история тайных обществ в Европе»⁷. Единственным оружием этого «легиона» было слово – устное и печатное. Оно не просто возбуждало, а главным образом *просвещало* крестьян. При всей революционности народников их «хождение» к крестьянам было мирным, пропагандистско-просветительским движением. Крестьяне же реагировали на него не опасно для самодержавия. Охотно слушая беседы народников о «хитрой механике» эксплуатации народа, они в массе своей оставались глухими к проповеди социализма и к призывам подниматься на борьбу. Были даже случаи, когда крестьяне выдавали слишком рьяных пропагандистов властям⁸.

Цивилизованное правительство в такой ситуации сумело бы оценить и просветительский энтузиазм народников и крестьянский иммунитет к самой идее революции, а наказало бы, причем умеренно, лишь необузданных бунтарей, которых сами народники прозвали «вспышкопускателями»⁹. Вместо этого царизм обрушился на всех «ходебщиков в народ» (жандармская терминология) с жесточайшими репрессиями.

31 мая 1874 г. в Саратове была раскрыта всероссийская явка народников, кое-как законспирированная под башмачную мастерскую, причем жандармской добычей стали десятки адресов и шифров¹⁰. Так, власти напали на след большого числа кружков, рассеянных по разным губерниям, что позволило устроить нечто вроде всероссийской облавы. По высочайшему повелению от 4 июля 1874 г. дознание по делу «О пропаганде в империи», уже начатое повсеместно, было централизовано в руках начальника Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенанта

⁵ Степняк-Кравчинский С. М. Соч. М., 1958. Т.1. С.381.

⁶ Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965. Т.2. С.7.

⁷ Хроника социалистического движения в России 1878-1887 гг. Официальный отчет М., 1906. С.8.

⁸ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т.2. С.590.

⁹ Подробно см.: Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965. Гл.5.

¹⁰ ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1874, д. 14, т. 3, л. 211-226 об.

И. Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева. Юридически ответственным распорядителем дознания стал именно Жихарев – этот, по мнению известного трубадура реакции князя В. П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека» и «гениальный обличитель»¹¹, а в оценке А. Ф. Кони, палач, «для которого десять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х злодейство по отношению к молодому поколению»¹².

Действительно, под руководством Жихарева и Слезкина Россию захлестнула такая волна арестов («следственный потоп», как выразился знаменитый криминалист Н. С. Таганцев¹³), какой история русского освободительного движения еще не знала. «Слушая названия городов и местечек, в которых хватают, я повергаюсь просто в изумление, – писал в октябре 1874 г. А. А. Кропоткин (брат П. А. Кропоткина) П. Л. Лаврову. – Буквально, надо знать географию России, чтобы понять, как велика масса арестов»¹⁴. Жандармский генерал В. Д. Новицкий, который осуществлял «проверку числа арестованных лиц», насчитал таких за 1874 г. только по 26 губерниям больше 4 тыс.¹⁵ (М. И. Венюков по всей стране – до 8 тыс.).¹⁶

Разгромив «хождение в народ», царизм замыслил устроить еще более грандиозный, чем дело нечаевцев, показательный процесс против «крамолы» и добиться-таки цели, неудавшейся на процессе нечаевцев, т.е. выставить революционеров в самом одиозном виде как закоренелых злодеев, ополчить против них российскую и мировую общественность, вырвать с корнем всякое доброе чувство к ним со стороны россиян. При этом власти твердо рассчитывали на успех, ибо, во-первых, теперь к их услугам был гораздо более надежный, чем в деле нечаевцев, суд, а именно ОППС; во-вторых, можно было припугнуть общество невиданными ранее масштабами «преступного сообщества» (8 тыс. арестованных!); наконец, в-третьих, власти собрали против этого «сообщества» массу документальных улик, что

¹¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч.2 (1865–1881). С.401, 402.

¹² Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т.2. С.317.

¹³ Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. Вып.2. С.40.

¹⁴ Цит. по: Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863–1874). Петрозаводск, 1967. С.288.

¹⁵ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С.77.

¹⁶ [См.: Венюков М. И.]. Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора. Прага, 1880. Т.4. С.88.

позволяло и разоблачать опасность «крамолы», и щегольнуть умением карателей выявить и пресечь любую «крамолу».

18 и 26 марта 1875 г. Комитет министров империи специально обсуждал вопрос о подготовке процесса и нашел, что до сих пор борьбу с революционной пропагандой очень затрудняла «неизвестность размеров пропаганды» в обществе. «При такой неизвестности, — гласит высочайше утвержденный журнал Комитета министров, — нельзя ставить прямым укором обществу отсутствие серьезного отпора лжеучениям; нельзя ожидать, чтобы лица, не ведающие той опасности, которою лжеучения сии грозят общественному порядку, могли столь же энергично и решительно порицать деятельность революционных агитаторов, как в том случае, когда опасность эта была бы для них ясна»¹⁷. Комитет министров выражал уверенность в том, что ни революционные теории, которые, мол, суть не что иное, как «бред фанатического воображения», ни нравственный облик «ходебщиков в народ», проникнутый будто бы «неимоверным цинизмом», «не могут возбудить к себе сочувствия». Поэтому, заключали царские министры, большой показательный суд над «ходебщиками» весьма желателен, и его должно устроить так, чтобы на нем была вскрыта «вся тлетворность изъясненных теорий и степень угрожающей от них опасности»¹⁸.

Начали готовить суд, и тут выяснилось, что жандармские власти, к негодованию даже К. П. Победоносцева, «нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром»¹⁹. Пришлось наспех отделять овец от козлищ. Из многочисленной массы арестованных были привлечены к дознанию 770, а к следствию (после нового отбора) — 265 человек²⁰. Для вящей тяжести обвинения следователи усердно подтасовывали факты, шельмовали обвиняемых и науськивали на них свидетелей. В результате, следствие затянулось на 3,5 года. А тем временем подсудимые томилась в жутких условиях тюремных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса 43 из них скончались, 12 — покончили с собой и 38 — сошли с ума²¹).

¹⁷ Татищев С. С. Указ. соч. Т.2. С.550.

¹⁸ Там же. Т.2. С.550-551.

¹⁹ Победоносцев К. П. Письма К Александру III. М., 1925. Т.1. С.86.

²⁰ Записка министра юстиции графа Палена. С.12.

²¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в. (далее РН): Сб. документов и материалов. М., 1964. Т.1. С.46 (все умершие и покончившие с собой перечислены); Татищев С. С. Указ. соч. Т.2. С.549.

Только осенью 1877 г. заключенным вручили обвинительный акт: суду предавались 197 наиболее опасных «крамольников». Из них еще четверо умерли, не дождавшись суда. Процесс был учинен над 193 лицами.

Обвинительный акт по делу «193-х» монтировался сообразно установке Комитета министров. Дабы утратить общество «размерами пропаганды», он наклеивал на две сотни участников почти 40 кружков ярлык *единого* «преступного сообщества», сложившегося в исполнение всероссийского злодейского заговора. Все «сообщество» обвинялось в том, что оно готовило «ниспровержение порядка государственного устройства», а сами народники изображались монстрами: обвинительный акт клеймил их «готовность к совершению всяких преступлений», инкриминировал им намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей» и поносил их «учение, сулящее в виде ближайше осуществимого блага житье на чужой счет»²². Устроители процесса надеялись, что такое обвинение (если суд поддержит его, в чем власти не сомневались) ужаснет общество и побудит его из страха и отвращения перед «крамолой» пасть в объятия к правительству.

Суд по делу «193-х» открылся 18 октября 1877 г. в ОПС. Председательствовал умудренный карательным опытом сенатор К. К. Петерс²³, обвинял скандально знаменитый в 1870–1880-х гг. прокурор В. А. Желеховский – карьерист и фанфарон, «судебный наездник», «воплощенная желчь»²⁴ («Я покрою позором обвиняемых», – хвастался он перед началом процесса»)²⁵.

Подсудимые, в большинстве своем, к началу процесса уже договорились, как вести себя, в зависимости от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, они намеревались использовать его как трибуну для пропаганды своих идей (62 из них отказались от услуг адвокатов, чтобы самим выступить с защити-

²² Государственные преступления в России в XIX в. Т.3. С.9–10, 104, 241. Организаторами «сообщества» обвинительный акт назвал И.Н. Мышкина, П.И. Войноральского, Д.М. Рогачева и С.Ф. Ковалика, из которых на деле Ковалик был руководителем отдельного кружка, Рогачев – сотрудником Большого общества пропаганды (так называемых «чайковцев»), а Мышкин и Войноральский вообще не входили ни в какие кружки.

²³ Ранее выступал в роли главного судьи на громких процессах по делам участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «Южнороссийского союза рабочих».

²⁴ Кони А. Ф. Собр. соч. Т.2. С.59, 64.

²⁵ Тихомиров Л. А. Заговорщики и полиция. М., 1930. С.89.

тельными речами)²⁶. Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его.

Власти, со своей стороны, нашли возможным сделать процесс ни закрытым, ни открытым. Он был объявлен публичным, но для него выбрали такое помещение, где едва уместились судьи и подсудимые. На обычные места для подсудимых (возвышение за барьером, которое обвиняемые тут же называли «Голгофой») были усажены мнимые организаторы «сообщества» — Мышкин, Рогачев, Войноральский, Ковалик²⁷, а все остальные подсудимые заняли места для публики. На оставшиеся 15–20 мест, отгороженные в уголке зала, допускалась по именным билетам лишь проверенная «публика», которую для пущей надежности «цементировали» агентами III отделения. Сановные зеваки заполняли проход за судейскими креслами. «В зале суда, — вспоминал А. Ф. Кони, — были во множестве представлены жандармы, и ворота здания, как двери храма Януса, заперты накрепко, будто самый суд находился в осаде»²⁸. Все это позволяло властям и соблюсти юридический декорум, и гарантировать себя от излишней огласки возможных на суде эксцессов. Больше того, чтобы облегчить расправу над подсудимыми, суд поделил их на 17 групп для раздельного разбирательства дела с издевательской мотивировкой: «ввиду недостаточности помещения»²⁹.

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом. 120 из них бойкотировали суд, т.е. отказались являться на его заседания (их называли «протестантами»³⁰), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками», согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью, а враг наш; она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет в наших

²⁶ ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 161, л. 60–60 об.

²⁷ По некоторым сведениям, вместе с ними сидели еще М. Д. Муравский и В. Ф. Костурин.

²⁸ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 63.

²⁹ Стенографический отчет по делу о пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т. 1. С. 11.

³⁰ По воспоминаниям участников процесса, душою бойкота были П. И. Войноральский, С. Ф. Ковалик, Ф. В. Волховский, С. С. Синегуб, Л. А. Тихомиров, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский (см.: Чудновский С. Л. Из давних лет. М., 1934. С. 134, 135). В числе «протестантов» были также А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский и другие, уже тогда известные революционеры.

действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»³¹.

При этом каждый из 120 «протестантов» не только заявил, что он не признает суд, но и сопроводил свое заявление смелыми обличительными репликами, как бы удостоверяя афоризм Фридриха Шиллера: «Тот, кто ничего не боится, не менее могуч, чем тот, перед кем все трепещут». Мария Гейштор воскликнула: «Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется очень гадко, не исключая и вас, господа судьи!»³². Александр Артамонов высказал догадку, что «приговоры Особого присутствия составляются в III отделении, и по этой причине Особое присутствие скрывается от лица всего мира»³³, а Феофан Лермонтов насмешливо предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда»³⁴.

Почти полторы сотни «протестантов» держались правила «один за всех, все за одного». Когда судья К. К. Петерс прервал вызывающе дерзкое заявление подсудимого Ивана Чернявского окриком «Довольно!», обвиняемые с мест потребовали: «Слушайте, когда вам говорят!». Петерс дослушал Чернявского до конца и только потом распорядился вывести его из зала. Тогда все «протестанты» дружно поддержали своего товарища возгласами: «Всех уводите! Мы все не признаем суда! К черту суд!»³⁵. Петерс вынужден был удалить всех подсудимых и закрыть заседание. Такие сцены продолжались до тех пор, пока «протестантов» вообще не перестали приводить в суд. Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса. А дальше его устроителей ждали еще худшие сюрпризы.

«Протестанты» с первых же дней процесса поставили суд в затруднительное положение. Расчет царизма дискредитировать народников перед Россией и Европой был сорван. Наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбивала из рук судей их главное оружие – инициативу обвинения. Перед бойкотом они оказывались беспомощными, несмотря на огромные

³¹ РНБ РО, ф.473, д. 14, л. 2 об. («Объяснение протеста на суде, написанное одним из подсудимых»).

³² Государственные преступления в России... Т.3. С.256.

³³ Там же. С.251.

³⁴ Там же. С.254.

³⁵ Там же. С.3.

полномочия, поддержку всех реакционных сил³⁶ и постоянное внимание к ним самого царя³⁷. Сенаторы начали роптать на свою миссию, жалуясь, что им приходится выслушивать от подсудимых оскорбления «по чайной ложке» ежедневно и ежечасно. «Каждое заседание суда преисполнено скандалов (...) Судьи не знают, что им делать», — писал об этом наследнику престола К. П. Победоносцев³⁸. Первоприсутствующий сенатор (председатель суда) К. К. Петерс не выдержал напряжения и заболел. С 30 ноября его заменил сенатор К. К. Ренненкампф³⁹, который и довел процесс до конца.

После того как скандально провалился суд над «протестантами», сенаторы занялись разбирательством дел «католиков». Но и ход суда над «католиками» тоже не оправдал надежд властей. Почти все подсудимые держались гордо и смело⁴⁰. Представить их выродками (в согласии с обвинительным актом) не было никакой возможности. Разоблачительных улик не доставало. В лучшем для суда случае выяснялось, что тот или иной подсудимый вел «предосудительные беседы» и распространял «запрещенные книжки». Даже свидетели⁴¹, бывшие главным козырем для обвинения, в большинстве своем (исключая лишь платных агентов) отказались чернить подсудимых, ссылаясь на то, что за долгие годы дознания и следствия они «все

³⁶ Реакционные круги в дни процесса печатно и устно обливали подсудимых всякой грязью, вплоть до «слухов, будто бы исходивших от очевидцев, что подсудимые, стесненные на своих скамьях и пользуясь полумраком судебной залы, совершают во время следствия половые соития» (см.: Коми А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 63).

³⁷ Процесс «193-х» проходил под негласным контролем Александра II. Царь даже на фронте, в Болгарии, получал сводки о каждом заседании суда, вмешивался в ход процесса, поощрял беззаконие своего ареопага и журил его за соблюдение законности. Когда, например, К. К. Петерс позволил обвиняемому М. Г. Соловцовскому высказаться до конца, не прерывая его, последовало высочайшее внушение: «Государь император не одобрил это» (см.: Антонов В. С. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959. С. 51).

³⁸ Победоносцев К. П. Письма к Александру III. Т. 1. С. 97.

³⁹ Родной брат известного душителя освободительной борьбы в России и Китае генерала П. К. Ренненкампфа (1854-1918).

⁴⁰ Среди «католиков» были такие незаурядные личности (по разным причинам не примкнувшие к бойкоту суда), как И. Н. Мышкин, А. Я. Ободовская, В. А. Жебунев, О. Г. Алексеева, Е. К. Судзиловская.

⁴¹ По официальным данным на процесс «193-х» были вызваны 472 свидетеля (главным образом, крестьян): ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 809, л. 51-73 об., 104-118.

забыли»⁴², или же объявляя свои прежние показания «ложными», данными под диктовку запугавшего их прокурора⁴³. «Забывчивых» свидетелей сенаторы попытались наводить на ответы, желательные для суда, но тщетно, ибо одни свидетели стояли на своем («забыл и все тут»)⁴⁴, а других мастерски обезвреживали защитники.

Никогда в России, – ни раньше, ни позже, – состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как по делу «193-х». Здесь был представлен почти весь цвет российской адвокатуры, связанный к тому же в значительной степени идейными, личными и даже родственными узами с революционным лагерем: «король адвокатуры» В. Д. Спасович – ближайший друг Сигизмунда Сераковского; «совесть адвокатского сословия» Д. В. Стасов – добрый знакомый А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского; первый боец сословия, оратор-громовержец П. А. Александров, зарегистрированный III отделением в списке «неблагонамеренных»; Е. И. Утин – брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина; Г. В. Бардовский – брат социалиста П. В. Бардовского, повешенного царскими палачами; В. О. Люстиг – брат народовольца Ф. О. Люстига, осужденного на 20 лет каторги; близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, автор революционных стихов А. Л. Боровиковский; тогда еще молодой, впоследствии первый адвокат России Н. П. Карабчевский, женатый на сестре народовольца С. А. Никонова; друг юности П. И. Чайковского, тоже бывший на подозрении у жандармов, В. Н. Герард и др., всего – 35 адвокатов⁴⁵.

Поведение защиты на процессе «193-х» была выше всех похвал. Защита разоблачала предвзятость царской Фемиды, уличала в невежестве, доноситечестве и прочих грехах подкупленных свидетелей обвинения и вообще «шла с подсудимыми рука об руку»⁴⁶, веруя в закономерность и неодолимость освободительного движения. «Никакие политические процессы, никакие заключения, – говорил Д. В. Стасов, – не остановят того хода мысли, который есть неотъем-

⁴² ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 788, л. 66, 71, 109 и др.

⁴³ Там же. Л. 139; д. 771, л. 16, 36 об.

⁴⁴ Наблюдавший за ходом суда агент III отделения доносил начальству: «Большинство свидетелей, будучи вызвано со стороны обвинительной власти, стоят на стороне подсудимых» (см.: РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 383, л. 11).

⁴⁵ Подробно о составе и поведении адвокатов на процессе «193-х» см.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 258–264.

⁴⁶ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 263.

лемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития».⁴⁷ Не зря III отделение за два дня до окончания процесса жаловалось царю: «Защитники, вместо того, чтобы сдерживать подсудимых, подстрекали их»⁴⁸. На одном из последних заседаний суда П. А. Александров имел смелость заявить по адресу устроителей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»⁴⁹.

Но, разумеется, главными героями процесса были не адвокаты, а подсудимые. Центральным, кульминационным его событием стала речь Ипполита Мышкина 15 ноября 1877 г. – одна из самых замечательных в истории политических процессов и «наиболее революционная речь, которую когда-либо слышали стены русских судов»⁵⁰.

Ипполит Никитич Мышкин – этот «страстотерпец революции»⁵¹ – к тому времени был уже знаменит героической, обросшей легендами попыткой освободить из Вилуйского острога Н. Г. Чернышевского (летом 1875 г.), но свой звездный час он пережил на процессе «193-х». По отзывам современников, он «обладал всем, что делает великим оратором»: силой убеждения, даром слова, воодушевлением, проникновенным голосом, который звучал, «как священный гром»⁵². Когда он говорил, то магнетизировал слушателей, и даже враги не могли не поддаться его обаянию⁵³.

Речь Мышкина по делу «193-х» была предварительно согласована с другими подсудимыми и выражала их общую точку зрения⁵⁴. Мышкин для того и не присоединился к бойкоту суда (по договоренности с товарищами), чтобы выступить перед судьями и публикой с такой речью. В ней он провозгласил идеи народнического социализма («союз производительных, независимых общин», «право

⁴⁷ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 1, д. 379, л. 48 об.

⁴⁸ ГАРФ, ф. 109, Секр. Архив, оп. 1, д. 714, л. 13.

⁴⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 382, л. 58 об.

⁵⁰ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В.С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

⁵¹ Короленко В. Г. История моего современника. М., 1965. С. 715.

⁵² С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С. 162; Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 89-90.

⁵³ На процессе «193-х» корифеи адвокатуры «прибегали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина» (см.: Короленко В. Г. Указ. соч. С. 712.).

⁵⁴ Базанов В. Г. Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С. 150-151. Полный текст речи см.: РН. Т. 1. С. 371-391.

безусловного пользования продуктами труда» для каждого работника, «полнейшая веротерпимость» и пр.), но не в этом ее сила, а в обличительном пафосе и прогнозе. Разоблачив антинародную политику царизма после «мнимого освобождения» крестьян, Мышкин доказывал, что именно «невыносимо тяжелое положение народа» грозит революционным взрывом: «не нужно быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания».

Председатель суда то и дело (60 раз!) прерывал Мышкина, одергивал его, грозил лишить слова. Тогда Мышкин бросил в лицо судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет <...> даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В зале суда! <...> Здесь не может раздаваться правдивая речь, за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или ... нечто худшее, более отвратительное, позорное...».

При словах «пустая комедия» председатель суда закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер волком рванулся к Мышкину. Подсудимый Моисей Рабинович задержал его. Офицер оттолкнул Рабиновича, набросился на Мышкина и пытался зажать ему рот, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал все громче и громче начатую фразу: «...более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

Друзья, защищая Мышкина от жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В полицейском отчете сообщалось, что уже после того как Мышкин умолк, вокруг него «более пяти минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытащен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом»⁵⁵. Когда Мышкина поволокли из зала, подсудимый Сергей Стопане бросился к судьям и в упор кричал на них: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!»⁵⁶. Богатырь Дмитрий Рогачев, который мог связать в узел

⁵⁵ Цит. по: Антонов В. С. Указ. соч. С. 56.

⁵⁶ РН. Т. 1. С. 391.

железную кочергу, «подбежал к решетке, отделявшей сенаторов от подсудимых, и привел судей в ужас, с огромной силой сотрясая эту решетку»⁵⁷.

Очевидцы вспоминали, что в тот момент в зале царило величайшее смятение. Председатель суда сбежал, забыв объявить о закрытии заседания. Все сенаторы поспешили за ним. Подсудимые выкрикивали проклятья, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых и публику из зала. Прокурор Желеховский, который в замешательстве сновал между покинутыми судейскими креслами с лицом, как говорят французы, «*risée évanouie*» («цвета блохи, упавшей в обморок»), мог только сказать: «Это настоящая революция!»⁵⁸.

Речь Мышкина, сразу обошедшая мировую прессу⁵⁹, сильно ударила по авторитету суда и всего царского режима. Реакционные «верхи» были напуганы и озлоблены ею. Обвинительная власть решилась даже передать дальнейшее слушание дела в военный суд, и только настояния адвокатуры во главе с Н. С. Таганцевым (тоже выступавшим на процессе в качестве защитника) склонили сенаторов к продолжению процесса в обычном порядке⁶⁰. С. М. Кравчинский передавал очень характерный отзыв о речи Мышкина из уст царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»⁶¹.

Последующие дни на процессе «193-х» тоже не принесли лавров царизму. 23 января 1878 г. процесс закончился так же бесславно для властей, как и начался. Нацеленный на посрамление «крамолы», он дал прямо противоположные результаты. «Едва ли наше правительство когда-нибудь и чем-нибудь оскандалились так, как настоящим

⁵⁷ Короленко В. Г. Указ. соч. С.708.

⁵⁸ РН. Т.1. С.392.

⁵⁹ См. об этом: *Lavigne E.* Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880. P.352-371; *Arnaudo J.* Le nihilisme et les nihilistes. Paris [s.d.]. P.212.

⁶⁰ Таганцев Н. С. Указ. соч. Вып.2. С.38.

⁶¹ С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С.162.

процессом»⁶², – читаем в перлюстрированном письме из Москвы в Архангельск от 10 января 1878 г.

Дабы как-то сгладить невыгодное впечатление от суда, Особое присутствие смягчило приговор по сравнению с тем, на что рассчитывали правящие «верхи»⁶³, и дерзнуло оправдать 90 обвиняемых, отсидевших, кстати, по 3-4 года в предварительном заключении (теперь им было объявлено, что они *невиновны*)⁶⁴. Александр II, однако, вновь – уже во второй раз после суда над С. Г. Нечаевым в 1873 г. – использовал prerogative монарха не для смягчения, а для отягчения судебной кары. Своей властью он отправил в административную ссылку 80 человек из 90 оправданных судом⁶⁵. «Это, – вспоминал В. Г. Короленко, – произвело самое отрицательное впечатление даже на нейтральное общество и, может быть, решило участь Александра II»⁶⁶.

39 обвиняемых суд приговорил к ссылке, 32 – к тюрьме, а 28 – к каторге на срок от 3,5 до 10 лет. «Таким образом, – отметил С. М. Кравчинский, имея в виду не только этот, но и другие процессы народников-пропагандистов (долгушинцев, Н. А. Шевелева, Е. С. Семяновского, «50-ти»), – то самое, что делается совершенно свободно в любом западноевропейском государстве, у нас наказывается наравне с убийством»⁶⁷.

Самый большой каторжный срок (10 лет) получили пятеро: Мышкин, Войноральский, Ковалик, Рогачев и Муравский. Ипполит

⁶² ГАРФ, ф. 109, Секр. Архив, оп. 1, д. 711, л. 2.

⁶³ Из официальных документов известно, что высшие власти до последних дней процесса были уверены в самом суровом наказании подсудимых. Шеф жандармов Н. В. Мезенцов 9 января 1878 г. писал К. И. Палену о предстоящем по окончании суда «отправлении *значительного* числа осужденных в центральные каторжные тюрьмы» (см.: Красный архив. 1928. Т.5. С.184). (курсив мой. – Н. Т.).

⁶⁴ Среди освобожденных по делу «193-х» оказались крупнейшие революционеры: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, М. В. Ланганс, Т. И. Лебедева, А. В. Якимов. Спустя три-четыре года, они были осуждены по другим процессам на виселицу или вечную каторгу.

⁶⁵ См.: Левин Ш. М. Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т.5.

⁶⁶ Короленко В. Г. Указ. соч. С.172.

⁶⁷ Степняк-Кравчинский С. М. Избранное. М., 1972. С.401. Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось тогда в России каторгой от 8 до 12 лет (см.: уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. Ст.1455).

Мышкин 19 апреля 1882 г. бежал с Нерчинских каторжных рудников, добрался до Владивостока, но там был схвачен и доставлен в Шлиссельбургскую крепость, где заточен навечно в одиночный склеп. Он и в Шлиссельбурге не опустил рук, боролся, протестовал, запустил арестантскую тарелку в физиономию смотрителю-изуверу М. Е. Соколову⁶⁸ и за это 26 января 1885 г. был расстрелян.

Никто из осужденных по делу «193-х» не просил о помиловании⁶⁹. Напротив, 24 «протестанта» 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку, рискуя еще больше ухудшить свою участь, обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с заветом: «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»⁷⁰.

Процесс «193-х» — этот трехмесячный «поединок между правительством и революционной партией»⁷¹, — произвел громадное впечатление на современников. «Внимание всей Европы приковано к этому чудовищному процессу», — писала французская газета «Равенство»⁷². Такого, чтобы людей за слово их веры судили, как за убийство, и чтобы при этом подсудимые обратили в бегство весь судебный синклит и вступили в рукопашную с жандармами, на Западе еще не видели.

⁶⁸ «Мы не знаем ни одного другого тюремщика, «слава» которого могла бы сравниться со «славой» Соколова, или «Ирода», как его прозвали заключенные» (см.: *Гермет М. Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т.3. С.209).

⁶⁹ Трое из «193-х» (А. В. Низовкин, Н. Е. Горинич, П. Ф. Ларионов) оказались предателями, а Идалия Польгейм — случайным лицом, но даже они, выдавшие на предварительном следствии все, что знали, на суде при виде массового героизма подсудимых уклонялись, а последние двое — и отказывались поддерживать обвинение (см.: Государственные преступления в России... Т.3. С.247, 265-267, 269).

⁷⁰ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 327, л. 290 (фотокопия с рукописного оригинала заветания). Текст его см.: РН. Т.1. С.399-400. Заветание подписали: П. И. Войно-ральский, Ф. В. Волховский, С. А. Жебунев, С. П. Зарубаев, Т. А. Квятковский, С. Ф. Ковалик, В. Ф. Костюрин, Ф. Н. Лермонтов, А. И. Ливанов, А. О. Лукашевич, П. М. Макаревич, М. Д. Муравский, В. А. Осташкин, Д. М. Рогачев, М. П. Сажин, С. С. Синегуб, И. О. Союзов, В. А. Стаховский, С. А. Стопане, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский, С. Л. Чудновский, Л. Э. Шишко и Е. К. Брешко-Брешковская. Здесь нет подписи И. Н. Мышкина: он был оправлен на каторгу раньше всех, еще в апреле 1878 г.

⁷¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1928. Т.3. С.166.

⁷² L'Égalité. Paris, 1879. 24 février.

В самой России для демократически настроенной части общества герои процесса стали «образцом величайших гражданских добродетелей»⁷³, и «кредит социалистов» (как выразился один из корреспондентов журнала П. Л. Лаврова «Вперед!») отныне «поднялся до небывалой прежде высоты»⁷⁴.

Под впечатлением процесса «193-х» все оппозиционные царизму силы в России заметно активизировались. Народники в дни процесса расширили пропаганду и агитацию среди интеллигенции. Усиленно работала нелегальная типография общества «Земля и воля», где печатались отчеты о заседаниях суда и прокламации (в частности, написанный Г. В. Плехановым проект адреса министру юстиции К. И. Палену от учащейся молодежи – протест против башибузукской расправы над социалистами)⁷⁵. Агенты III отделения сокрушались, что «распространение этих отчетов не ограничивается одним Санкт-Петербургом, значительное количество их обращается и в губерниях»⁷⁶. Особенным успехом пользовалась, наряду с речами героев процесса «50-ти» Петра Алексеева и Софьи Бардиной, речь Ипполита Мышкина⁷⁷ – каждая из них, говоря словами почетного академика Академии наук СССР Э. К. Пекарского, производила «впечатление пушечного выстрела по существующему строю»⁷⁸. Революционизирующее влияние оказал процесс «193-х» на передовых рабочих Петербурга («Мы, – рассказывал Петр Моисеенко, – ловили на лету все, что выходило из зала суда. Все это давало массу материала для пропаганды»)⁷⁹, а по некоторым данным, – и на «городских работников и крестьян» провинциальных губерний⁸⁰.

⁷³ Рusanов Н. С. На родине (1859–1882). М., 1931. С.152.

⁷⁴ Вперед! 1877. Т.5. Отд.2. С.163.

⁷⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб.1. С.381.

⁷⁶ ГАРФ, ф. 109, 3 экзп, 1874, д. 144, ч. 16, т. 2, л. 29.

⁷⁷ Народолюбец Д. Т. Будинский, учившийся тогда в Харьковском университете, свидетельствовал: «Речь Мышкина читалась в сборной зале университета толпами студентов, в аудиториях – одним словом, я не знаю, был ли хотя один студент, который не читал этой речи» (см.: РН. Т.2. С.130).

⁷⁸ Пекарский Э. К. Рабочий Петр Алексеев (из воспоминаний) // Былое. 1922. № 19. С.80.

⁷⁹ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С.22–23.

⁸⁰ Левин Ш. М. Неизвестный отклик на процесс «193-х» // Красный архив. 1928. Т.2. С.233–234.

Откликаясь на завещание осужденных по делу «193-х» редактор народнического журнала «Община» Д. А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Суждено ли нашим товарищам погибнуть в тюрьме среди пыток и мучений, удастся ли им снова попасть на вольный свет, все равно: они будут жить между нами, будут жить, пока останутся на Руси живые люди, способные понимать живое слово <...> Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей – и оно будет исполнено!»⁸¹ (Курсив мой. – Н.Т.).

⁸¹ Община. 1878. № 8-9. С.2, 4.

«С ЭНТУЗИАЗМОМ – НА ЭШАФОТ»

(дело подпоручика В. Д. Дубровина)

После разгрома массового «хождения в народ» 1874 г. в России начался судебно-карательный террор. «Политические процессы следуют одни за другими... и кончаются сплошь каторгою – excusez du peu»¹, – писал в ноябре 1876 г. из Петербурга за рубеж П. В. Анненкову М. Е. Салтыков-Щедрин¹. Царизм пытался задавить «крамолу» шквалом репрессий, о это ему не удавалось. «Крамольники» даже скамью подсудимых обращали в революционную трибуну, как это сделали Софья Бардина, Петр Алексеев, Ипполит Мышкин. Чтобы усилить карательное назначение судебных процессов и парализовать активность подсудимых, царизм 9 августа 1878 г. подчинил дела о государственных преступлениях «ведению военного суда, установленного для военного времени»².

Порядок прохождения дел через военные суды определял приказ военного министра, изданный 8 апреля 1879 г. в дополнение к военно-судебному уставу. Согласно этому приказу, любой генерал-губернатор «в тех случаях, когда преступление учинено столь очевидно, что не представляется надобности в предварительном разьяснении», мог предавать обвиняемых суду *без предварительного следствия*; военный прокурор обязан был изготовить и предложить суду обвинительный акт *в течение суток*, суд, получив от прокурора обвинительный акт, должен был начать разбирательство дела *немедленно и не позже как на следующий день*; наконец, приговор полагалось объявить *в течение 24 часов от начала суда*³.

Таким образом, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась сутубо воинская оперативность, неминуемо сопряженная в данном случае с крайней бесцеремонностью. С подсудимыми здесь обращались, как с военнопленными, и самый суд

¹ Извините, что так мало (франц.).

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Поли. собр. соч. М., 1939. Т. 19. С. 80

² Полн. собр. Законов Российской империи. Собр. 2. Т. 53. Отд. 2. С. 89-90.

³ Правительственный вестник. 1879. 10(22) апр.

вершился, как на войне, особенно в тех случаях, когда власти предполагали, что революционеры замышляют освободить подсудимых. Так, в апреле 1879 г. к началу и в дни двух крупных процессов («киевских бунтарей» и группы В. А. Осинского) «Киев имел вид города, в который только что вторгся сильный неприятель»: улицы, близкие к зданию суда, были забаррикадированы, далеко кругом стояли войска, патрулировали казачьи пикеты⁴. Впрочем, и малые процессы в безопасных для властей ситуациях тоже шли теперь по-военному. При слушании дела С. Н. Бобохова в Архангельске 12 марта 1879 г. вся местная полиция и войска блокировали здание суда⁵.

Публика в залы военных судов если и допускалась, то в малом числе, а главное, с отбором — по именным билетам. 18 января 1879 г. последовало высочайшее повеление впредь все отчеты о политических делах печатать сокращенно, «с устранением всяких неуместных подробностей, а тем более каких-либо тенденциозных выходов со стороны обвиняемого или его защиты»⁶.

Сам царь следил за усилиями военных судов и нет-нет да и вмешивался в судебные дела, стимулируя карательный пыл своей воензированной юстиции. Когда киевский генерал-губернатор М. И. Чертков подтверждал приговор суда Валериану Осинскому и двум его товарищам — к расстрелу, Александр II «изволил заметить» Черткову, что «в подобном случае соответственнее назначать повешение»⁷. Петербургского же генерал-губернатора И. В. Гурко, когда тот помиловал (вечной каторгой) осужденного на смерть Леона Мирского, царь кольнул презрительным отзывом: «Действовал под влиянием баб и литераторов»⁸.

Так выглядели судебные установления, где, начиная с 1879 г., проходила большая часть политических процессов (в 1879 г. — 22 из 30, в 1880 г. — 25 из 32 и т. д.). Естественно, что в судах, устроенных на военный манер, при малой гласности и публичности дел царские каратели чинили расправу с чисто военной жестокостью и не обременяли себя заботами о соблюдении законности, беспристрастия, состязательности сторон. Характерным эпизодом той оргии воен-

⁴ Молва. 1879. 18 мая. С. 3.

⁵ Суд над Бобоховым // Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д, 1907. С. 284.

⁶ К истории ограничения гласности судопроизводства // Былое. 1907. № 4. С. 230.

⁷ Венедиктов Д. Г. Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930. С. 27.

⁸ ГАРФ, ф. 109. Секр. архив III отд, оп. 1, д. 977, л. 10 об.

ных судов явилось дело подпоручика В. Д. Дубровина, которое до сих пор не было предметом специального и обобщающего исследования⁹.

Владимир Дмитриевич Дубровин был сыном петербургского чиновника. Родился он 14 июля 1855 г., получил обычное по тому времени домашнее образование, а в 1872 г. поступил в Кронштадтское морское техническое училище. Там он скоро обратил на себя внимание товарищей способностями, пытливостью, а также колоритной внешностью. Однокашник Владимира, будущий народоволец И. П. Ювачев, навсегда запомнил его «гигантскую фигуру». «Дубровин, – вспоминал он, – был украшением правого фланга: с розовым цветущим лицом, с вьющимися белокурыми волосами, крепкого телосложения, он славился своей силою...»¹⁰.

В Кронштадтском училище Дубровин уже был замечен в чтении запрещенной литературы (шел 1874 год, вся страна была охвачена «хождением в народ», революционная пропаганда проникала тогда повсюду). Власти сочли Дубровина неблагонадежным, хотя и не стали затевать о нем судебное дело: «дали кончить курс учения по механическому отделу, но в офицеры не выпустили»¹¹. Дубровин поступил в Рижское юнкерское училище и окончил его с правом на производство в офицеры, однако в аттестат ему записали: «Без вакансии». Тогда, в 1876 г., Дубровин начал служить вольноопределяющимся в 86-м Вильманстрандском пехотном полку, добился откомандирования из полка в пехотное училище, окончил его, вернулся в полк и 6 июля 1877 г. был, наконец, произведен в прапорщики, а 20 сентября 1878 г. – в подпоручики¹².

Тем временем революционная борьба в России разгоралась. В ответ на «белый террор» царизма русские революционеры-народники, занимавшиеся до того времени, главным образом, пропагандой среди крестьян, стали переходить к «красному террору». «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развя-

⁹ Отдельные эпизоды следствия и суда по этому делу см.: Шакол А. Т. Казнь Дубровина // Каторга и ссылка. 1929. № 5.

¹⁰ Ювачев И. Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник. 1927. № 10. С. 72.

¹¹ Там же.

¹² Шакол А. Т. Казнь Дубровина // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 69. (по-служной список В. Д. Дубровина).

зывают руки», — так объяснял этот переход вождей революционно-народнического общества «Земля и воля» А. Д. Михайлов¹³.

Сами народники сознавали моральную и политическую предосудительность террора, находя его крайним, вынужденным средством. «Террор, — ужасная вещь, — говорил С. М. Кравчинский, — есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилия»¹⁴. Именно в отпор насилиям землевольцы предпринимали террористические акты против царских агентов (Г. Э. Гейкинга, А. Г. Никонова, Н. В. Рейнштейна), сатрапов (Ф. Ф. Трепова, Н. В. Мезенцова, А. Р. Дрентельна), и самого царя. «Мы принимаем брошенную нам перчатку, — объяснили они в № 5 своего центрального органа, — мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы жертв ни погибло с нашей стороны»¹⁵.

В такой обстановке пытливый и наблюдательный Дубровин все чаще задумывался над смыслом революционной борьбы, ее возможными путями и формами, изучал материалы политических процессов, нелегальную литературу. При обыске у него нашли целую библиотеку подпольных изданий: текст речи Ишолита Мышкина на знаменитом процессе «193-х», прокламацию А. В. Долгушина «Заживо погребенные», журналы «Вперед!», «Земля и воля», «Начало», «Община» и др. По свидетельству его друга Эразма Лобойко, «настойной книгой» у Дубровина был «Капитал» К. Маркса¹⁶.

Неясно, когда Дубровин установил связь с революционерами, но, как узналась жандармская агентура, в сентябре 1878 г. он уже вел переписку с хозяйкой конспиративной квартиры землевольцев А. Н. Малиновской и был, по выражению агента-доносчика, «обожателем ее преступных идей»¹⁷. Во всяком случае, прикосновенность Дубровина к обществу «Земля и воля» летом 1878 г., когда внутри общества только обозначился крен от пропаганды к террору, установлена документально. Д. Г. Венедиктов считал его даже членом особой, наиболее тщательно законспирированной, «дезоргани-

¹³ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 157.

¹⁴ Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 354.

¹⁵ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 267.

¹⁶ Санин А. А. К ранней истории русского марксизма // Историко-революционный сборник. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 130.

¹⁷ Тютчев Н. С. Революционное движение 1870-1880-х годов. Статьи по архивным материалам. М., 1925. Ч. 1. С. 69.

заторской группы» землевольтцев-террористов¹⁸, но это мнение еще не подтверждается фактами.

Так или иначе Дубровин примкнул к революционной организации в качестве террориста, рассудив, что других, более действенных, чем террор, средств борьбы с царизмом пока нет, и одним из первых в России начал обосновывать тактику «красного террора». Об этом говорит отнятая у него при обыске рукопись под названием «Заметки русских офицеров-террористов за 1878 год» – своеобразная инструкция «для вооруженного сопротивления различным полицейским башибузукам»¹⁹.

Судя по тексту «Заметок», Дубровин к началу 1879 г. был подобно большинству землевольтцев того времени анархистом, но, как определяет В. А. Твардовская, «анархистом непоследовательным, стихийно сдающим свои позиции и тянущимся помимо сознания к политической деятельности»²⁰. Еще не понимая роли террора как формы политической борьбы с правительством, он шел именно к такому пониманию, рассматривая террор пока лишь как средство самозащиты от правительственных репрессий. Руководящую мысль «Заметок» Дубровин выразил так: «Если приходится погибать нашим дорогим товарищам-социалистам, то пусть они погибают, производя, насколько возможно, наибольший урон в рядах нашего бесчеловечного, дикого и грубого врага». Для России 1878–1879 гг., когда массовое движение оставалось еще очень слабым и горстке революционеров не на кого было опереться под градом царских репрессий, такой взгляд был в порядке вещей²¹.

Судя по всему, Дубровин замыслил устроить революционную организацию ударного назначения в среде офицерства, предваряя тем самым опыт народовольцев. И смысл (а также само название) «Заметок русских офицеров-террористов», и настойчивые попытки

¹⁸ Венедиктов Д. Г. Указ. соч. С.5-6.

¹⁹ Основной текст «Заметок» Дубровина опубликован А. Т. Шакол (см.: Каторга и ссылка. 1929. № 5. С.71-73).

²⁰ Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1969. С.20.

²¹ «Агенты правительства творят там невероятные жестокости, - писал о России Ф. Энгельс в марте 1879 г. - Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России - единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.158).

самого Дубровина заполучить офицерский чин подсказывают такое предположение.

«Народная воля» тоже создавала свою Военно-революционную организацию из офицеров без участия солдат. В 70–80-е гг. пока крестьянская масса, из которой главным образом и приходили в армию «нижние чины», оставалась крайне невежественной и забытой, расчет революционеров на офицерскую среду был исторически обусловлен. Народовольцы имели достаточные основания для того, чтобы записать в программе своей Военно-революционной организации следующий пункт: «Та тяжелая, господствующая в нашей армии дисциплина, которая уничтожает в солдате во время официального и даже частного разговора его с офицером самый человеческий образ, лишает офицеров возможности деятельной пропаганды между нижними чинами, и потому в нашу организацию могут входить только офицеры...»²². Не случайно В. И. Ленин в 1906 г. подчеркивал коренную разницу «между революционностью офицеров в эпоху Народной воли при полном почти равнодушии солдатской массы и теперешней реакционностью офицерства при могучем движении именно серой военной массы»²³.

Однако сплотить вокруг себя хоть сколько-нибудь «офицеров-террористов» Дубровин не успел. Он лишь показал пример поведения революционного офицера-террориста лично — в духе выработанной им инструкции и ценою собственной жизни.

11 октября 1878 г. в Петербурге по анонимному доносу была арестована А. Н. Малиновская²⁴. В ходе следствия обнаружилась ее переписка с Дубровиным, а также связь Дубровина с другими членами центра «Земли и воли». Вильманstrandский полк, в котором Дубровин служил ротным командиром, квартировал тогда в Старой Руссе. 16 декабря двое офицеров и трое унтер-офицеров, рослых и сильных, явились к Дубровину арестовать его. Дубровин, застигнутый врасплох, тем не менее, успел выстрелить в карателей, но промахнулся. На него набросились, схватили, обезоружили, однако он вырвался из пяти пар рук, кинулся в соседнюю комнату и взял там

²² Революционное народничество 70-х годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 197.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 356.

²⁴ Александра Малиновская оказала вооруженное сопротивление при аресте и на следствии по ее делу держалась стойко. Протоколы ее допросов лаконичны, но выразительны: «На предложенные мне вопросы отвечать не желаю. Причину сказать тоже не желаю» (см.: РГВИА, ф. 1351, оп. 2, 1880, д. 241, т. 1, л. 6-6 об., 19).

кинжал. В рукопашной схватке Дубровин ранил двух противников, но, в конце концов, был сбит с ног и связан²⁵.

Рапорт начальника Петербургского губернского жандармского управления шефу жандармов А. Р. Дрентельну с пометой Дрентельна «Доложено Его Величеству 20 декабря 1878 г.» удостоверяет, что Дубровин, как только его, арестованного и связанного, вывели на улицу, «обратился к собравшемуся народу со следующей речью: «Братцы, меня арестовали за то, что я защищаю свободу... Царей да императоров, которые податями высасывают вашу кровь, следует убивать...»²⁶.

Как «государственный преступник», оказавший при аресте вооруженное сопротивление, Дубровин подлежал военному суду. Обычно военный суд готовился наскоро. Здесь же следствие затянулось на четыре месяца: власти старались вырвать у Дубровина «признания», имена его «единомышленников» и «соучастников». В ход были пущены уговоры, угрозы, пытки – голодом, холодом, сыростью, смрадом и прочими тяготами режима в одиночном каземате Петропавловской крепости. Дубровин не поддавался. Его ответы на допросах почти сплошь состояли из отрицаний: «сказать не желаю», «не желаю объяснить», «не знаю», «не помню»²⁷.

13 апреля 1879 г. в Петербурге состоялся военный суд над Дубровиным. Поскольку судьям было ясно, что вынудить подсудимого к раскаянию или хотя бы к признанию невозможно, а приговор был заведомо предreshен, суд превратился в пустую формальность. Места для публики заняли сановные зеваки, допущенные в суд по именным билетам. Защитником, вместо близкого к революционным кругам присяжного поверенного Г. В. Бардовского (его выбрал в законном порядке Дубровин)²⁸, назначили «состоящего при суде» губернского секретаря, который был подчинен прокурору как непосредственному начальнику по службе²⁹. Свидетелей подобрали из «благонадежных» офицеров. Прокурор только для проформы зачитал обвинительную речь, циничную как по содержанию, так и по

²⁵ Листок «Земли и воли». 1879. № 5 // Революционная журналистика семидесятых годов. С.297.

²⁶ ГАРФ, ф. III отд. 3 эксп, 1878, д. 479, л. 4,5-5 об.

²⁷ РГВИА, ф. 1351, оп. 2, 1879, д. 202, т. 3, л. 13 об.-14 об. (записи показаний В. Д. Дубровина).

²⁸ Там же. Т. 2. л. 25.

²⁹ Там же. Л. 28-28 об.

своей краткости: «Гг. судьи! Ряд злодейств и покушений, повторяющихся в настоящее время и угрожающих существующему порядку вещей, заставляет меня просить суд, руководствуясь изданными законами (такими-то) и ввиду очевидно доказанного поступка Дубровина, о котором мне излишне будет говорить перед судом, применить к нему за явное сопротивление законом установленным властям и очевидное участие в социально-революционном кружке, в котором он играл не последнюю роль, высшую меру наказания, то есть смертную казнь; выбор же казни предоставляю усмотрению суда»³⁰ (выделено мной. — Н. Т.).

Дубровин сознавал, что суд над ним — всего лишь палаческая формальность, и подчеркивал всем своим поведением перед судьями презрение к ним. Он отказался принять предъявленный ему (для полагавшегося «ознакомления») список членов суда, «сказав, что никакого списка судей ему не нужно, так как для него безразлично, кто бы ни судил его»³¹. Когда его ввели под усиленным (из четырех жандармов с винтовками наперевес) конвоем в зал суда, он повернулся к судьям спиной и стал разглядывать сановную «публику». Председатель суда генерал-лейтенант де-Боа грубо прикрикнул на него, требуя встать, «как положено». Дубровин вскипел и, сжав кулаки, бросился через решетку, отделявшую судейские кресла от скамьи подсудимых, к судьям. Возник переполох. Очевидец этой сцены придворный беллетрист Б. М. Маркевич³² писал в дни суда М. Н. Каткову о Дубровине: «Это господин, одаренный страшной физической силой. На суде он неожиданно ринулся на судей и произвел бы несомненно какую-нибудь весьма серьезную... (одно слово пропущено. — Н. Т.), если бы часовые не приставили ему штыков ко груди, а затем восемь человек, которым дано было приказание связать его, едва успели справиться с ним»³³.

14 апреля 1879 г. шеф жандармов Дрентельн писал царю: «Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: вчера происходил суд над Дубровиным, и он приговорен к смертной казни

³⁰ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 299.

³¹ РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 416, л. 8 (отношение коменданта Петропавловской крепости управляющему III отделением).

³² Тот самый, кого И. С. Тургенев сделал заглавным героем своего стихотворения в прозе «Гад».

³³ РГБ РО, ф. 120, папка 33, л. 87 об.

через повешение...». «Вполне ее заслуживает!» – удовлетворенно пометил на полях этого донесения Александр II³⁴.

Казнь Дубровина доставила царским властям много хлопот. Дело в том, что с памятного дня 3 сентября 1866 г., когда на петербургской площади «Смоленское поле» был повешен Дмитрий Каракозов – первый из русских революционеров, стрелявший в царя, почти тринадцать лет «государственных преступников» в Петербурге не казнили. Теперь вдруг выяснилось, что в столице империи даже нет квалифицированного палача. Министр внутренних дел Л. С. Маков телеграфно запросил палачей из Москвы и Варшавы. Приехали и московский, и варшавский палачи. Первый из них, Иван Фролов, душегуб-виртуоз из уголовников, именно казнью Дубровина начал зловещую карьеру самого «знаменитого», если не по количеству, то по значению казненных им жертв, палача в России. За 1879–1882 гг. во исполнение приговоров царского суда он повесил 26 революционеров, среди которых были Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Александр Квятковский, Валериан Осинский, Дмитрий Лизогуб³⁵. Вешать Дубровина поручено было Фролову и его варшавскому собрату – вдвоем. Больше того, памятуя о силе и дерзости Дубровина, власти назначили «в помощь заплечным мастерам на случай борьбы преступника» еще четырех уголовников из Литовского замка в качестве «подручных палачей»³⁶. Итого против одного осужденного выставили шесть палачей. Такого «внимания» не удостоивался ни один из русских революционеров – ни до, ни после Дубровина.

Казнь была назначена на 20 апреля. В камере смертника и на эшафоте Дубровин вел себя достойно. Сохранилось в архиве Петропавловской крепости завещание, которое он написал 15 апреля ровным, уверенным почерком:

«Завещание отставного подпоручика Владимира Дмитриева Дубровина. 1) Завещаю всем честным людям поддерживать и распространять правду. 2) Завещаю всем честным людям заступаться за угнетенных. 3) Завещаю всем честным людям отомстить тем, из-за кого пролита была многих невинная кровь».

³⁴ ГАРФ, ф. III отд. 3 эксп. 1878, д. 479, л. 133.

³⁵ Подробно о Фролове см.: Венедиктов Д. Г. Указ. соч.

³⁶ Венедиктов Д. Г. Указ. соч. С. 12–13.

В 5 часов утра 20 апреля, за считанные часы до казни, тем же твердым почерком Дубровин надписал над заголовком завещания: «Прошу передать моей матушке Анне Александровне Кошкаревой на память от сына Владимира Дубровина»³⁷.

18 апреля власти устроили Дубровину свидание с матерью не без расчета морально надломить таким образом осужденного. Мать умоляла сына подать прошение о помиловании – ради нее³⁸. Дубровин, щадя чувства матери, написал коротенькое (из пяти строк), «явно формальное», как заключили власти, прошение, в котором не было ни слова раскаяния³⁹. Разумеется, такое прошение было оставлено без последствий⁴⁰.

На казнь Дубровин шел с революционной песней «возмутительного содержания», как доносил распорядитель казни в штаб военного округа⁴¹. В корреспонденции журнала «Земля и воля» сообщалось: «Проходя мимо роты, которою он командовал и которая была приведена присутствовать при его казни, Дубровин крикнул ей? «Знайте, ребята, что я за вас умираю!» – и рота машинально отдала ему честь ружьем. Оттолкнув священника и палача, он вззошел на эшафот и сам надел на себя петлю»⁴². Из официальных документов явствует, что на эшафоте Дубровин пытался обратиться с речью к солдатам, но экзекуционный наряд заглушил его голос барабанной дробью, которая уже не смолкала до окончания обряда повешения⁴³. Все это происходило в 10 час. утра 20 апреля 1879 г. на валу Иоанновского равелина Петропавловской крепости.

Дело В. Д. Дубровина вызвало отклики во всех слоях русского общества. Все – и единомышленники, и враги казненного – особенно выделяли его революционную убежденность и силу духа. Вот запись в дневнике председателя Комитета министров П. А. Валуева 20 апреля 1879 г. о казни Дубровина: «Маков сообщил, что он умер

³⁷ Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 79–80. Подлинник завещания Дубровина см.: РГИА. Ф. 1280, оп. 1, д. 416, л. 2–2 об.

³⁸ См.: Венедиктов Д. Г. Указ. соч. С. 76.

³⁹ Шакол А. Т. Указ. соч. С. 76.

⁴⁰ Заметим здесь, что после Дубровина при таких же в точности обстоятельствах и точно таким же образом поступили народолюбцы Николай Суханов в 1882 г. и Александр Ульянов в 1887 г.

⁴¹ Ушерович С. С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933. С. 163.

⁴² Революционная журналистика семидесятых годов. С. 299.

⁴³ Ушерович С. С. Указ. соч. С. 163.

замечательно стойко... Стойкость – недобрый признак»⁴⁴. Придворный генерал А. А. Киреев усматривал не только греховность, но и силу «крамолы» в том, что от святого креста «так настойчиво и с такой дикой злобой отворачиваются Дубровины, Осинские, Брандтнеры и Соловьевы»⁴⁵. Ф. М. Достоевский в письме к К. П. Победоносцеву 19 мая 1879 г. хоть и назвал Дубровина «сумасшедшим», озабоченно подчеркнул: «Между тем, у этих сумасшедших своя логика, свое учение, свой кодекс, свой Бог даже, и так крепко засело, как крепче нельзя»⁴⁶.

Больше всего толков о Дубровине было в войсках. Начальник Петербургского губернского жандармского управления обеспокоенно уведомлял шефа жандармов: «Подпоручик Дубровин пользовался особенным расположением нижних чинов, которые после заарестования его выражали свое сожаление»⁴⁷. Третье отделение завело специальное дело о «сильном неудовольствии» среди морских офицеров Петербурга казнью Дубровина⁴⁸. Петербургский военный генерал-губернатор И. В. Гурко 20 апреля 1879 г. обратился с приказом к войскам гвардии и петербургского военного округа по поводу казни Дубровина, требуя, чтобы «доблестные войска наши, страшные врагам внешним», были впредь «столь же страшны и врагам внутренним»⁴⁹.

Казнь Дубровина, однако, не устрасила «внутренних врагов» царизма. Напротив, его пример оказал на революционеров вдохновляющее воздействие. Так, в Москве, спустя три недели после казни Дубровина, началось дознание о расклейке прокламаций, которые призывали отомстить за казненного: «Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть!.. Дубровин! Дубровин! Не ты первый, не ты и последний был жертвою врагов наших, но никто из нас не боится смерти, и рано или поздно мы добьемся нашей цели. Долой монархический деспотизм!»⁵⁰.

⁴⁴ Валуев П. А. Дневник (1877-1884 гг.). Пг., 1919. С.34.

⁴⁵ Киреев А. А. Избавимся ли мы от нигилизма? СПб., 1882. С.24.

⁴⁶ Достоевский Ф. М. Письма. М., 1959. Т. IV (1878-1881). С.57.

⁴⁷ ГАРФ, ф. III отд. 3 эксп. 1878, д. 479, л. 6 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 109, Секр. архив III отд. оп. 1, д. 904.

⁴⁹ Правительственный вестник. 1879. 21 апр. (3 мая).

⁵⁰ ЦГИА Украины, ф. 385, оп. 1, д. 129, л. 163 об.

Вслед за Дубровиным в революционную борьбу включились десятки и сотни офицеров русской армии, которые уже с 1880 г. стали спланиваться в Военную организацию «Народной воли». Эта организация объединяла 50 кружков не менее чем в 41 городе с участием 400 офицеров⁵¹. Подвиг Дубровина вдохновлял их. Исполнительный комитет «Народной воли» в прокламации «Офицерам русской армии» от 24 августа 1881 г. подкрепил страстный революционный призыв — «Для вас нет другого выбора, как быть: или с народом, или против народа!» — понятным и дорогим для лучшей части русского офицерства напоминанием: «Дубровин, с энтузиазмом идя на эшафот, показал России, как геройски умеет умирать русский офицер за идею»⁵².

⁵¹ Годунова Л. Н. Военная организация «Народной воли» // Вопросы истории. 1973. № 9.

⁵² Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 241, 242.

ДЕЛО ДОКТОРА О. Э. ВЕЙМАРА

С 6 по 14 мая 1880 г. в Петербургском военно-окружном суде шел громкий политический процесс. Он приковал к себе внимание не только русской, но и европейской общественности. «В иностранных газетах за прошедшую неделю, — отмечал тогда М. Н. Катков, — мы встречаем телеграфные сообщения изо дня в день о ходе процесса»¹.

Судились на процессе десять активных участников революционной организации «Земля и воля». Главную роль среди них играли член землевольческого центра, один из авторов устава «Земли и воли» Алексей Оболенев и Адриан Михайлов (бывший кучером экипажа, на котором 4 августа 1878 г. скрылся С. М. Кравчинский, после того, как он заколол среди бела дня в центре столицы шефа жандармов Н. В. Мезенцова). Но для публики центральной фигурой процесса был одиннадцатый подсудимый — доктор медицины, надворный советник О. Э. Веймар. Его именем называли все судебное разбирательство: «Веймаровский процесс», «Дело Веймара»².

Это и понятно. Орест Эдуардович Веймар (1843–1885) был заслуженным хирургом с широчайшими знакомствами и связями. Он содержал известную на весь Петербург ортопедическую лечебницу. Дом его, в лучшей части Невского проспекта (напротив Морской улицы), считался одним из самых добропорядочных домов столицы. Доктор Веймар отличился на войне с турками в 1877–1878 гг., заведя военно-полевой госпиталь цесаревны Марии Федоровны³, получил ордена Святой Анны, Святого Станислава, Святого Владимира с мечами и другие русские и румынские знаки отличия, а главное, заслужил (и это многие знали) благоволение цесаревны,

¹ Московские ведомости. 1880. 13 мая (передовая).

² Там же; *Валуев П. А. Дневник 1877–1884 гг.* Пг., 1919. С.92; *Достоевский Ф. М. Письма*. М., 1959. Т.4. С.143. Подробно о самом Веймаре см.: *Малоземова А. И. Врач-революционер О. Э. Веймар* // Сов. здравоохранение. 1971. № 7.

³ С 1 марта 1881 г. — русская императрица, жена Александра III, мать Николая II.

которая подарила ему свой портрет с брильянтами⁴. Весть о том, что «цесаревнин доктор» — на скамье подсудимых в числе вожжаков крамолы, поразила респектабельный Петербург как громом. От знатной публики в зале суда не было отбоя. «Роздано триста билетов на этот спектакль», — отметил 7 мая 1880 г. в своем дневнике граф П. А. Валуев⁵. Здесь часами просиживали члены царской фамилии (принцы Петр Ольденбургский и Георгий Максимилианович, герцог Лейхтенбергский), бывший диктатор России граф Петр Шувалов («Петр IV», как его называли), сонмище генералов, светлейший князь М. А. Горчаков (сын государственного канцлера), английский посол, германский военный атташе и другие особы⁶.

Суд над О. Э. Веймаром и его товарищами проходил в условиях разнузданного судебно-карательного террора против революционного подполья. По указу Александра II от 9 августа 1878 г. политические дела были переданы в ведение военных судов⁷, регламент которых (крайне жесткий) был предписан приказом военного министра от 8 апреля 1879 г.⁸ В таких судах царские каратели еще меньше обременяли себя заботами о соблюдении законности, беспристрастия, состязательности сторон, чем в обыкновенных, «штатских» установлениях. С 1878 г. началась в России более чем десятилетняя непрерывная оргия военных судов по делам о государственных преступлениях. Характерными эпизодами той оргии были известные дела И. М. Ковальского, В. А. Осинского, Д. А. Лизогуба⁹. Менее известно, но более показательно для военно-судебной политики царизма дело доктора Веймара и десяти его товарищей.

Все 11 подсудимых обвинялись «в принадлежности к противозаконному сообществу, присвоившему себе название «социально-революционная партия» и совершившему ряд тяжких преступлений

⁴ Об участии Веймара в русско-турецкой войне см.: *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 202; *Буланова-Трубникова О. К.* Странички воспоминаний // *Былое*. 1924. № 24. С. 60.

⁵ *Валуев П. А.* Указ. соч. С. 92-93.

⁶ *Новое время*. 1880. 8(20) мая (судебная хроника).

⁷ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 89-90.

⁸ Правительственный вестник. 1879. 10(22) апр. Военный министр Д. А. Милютин, подписавший этот приказ, отличался сравнительно умеренными взглядами, но как верноподданный вынужден был следовать политике «белого террора».

⁹ Подробно о них см.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871-1880 гг. Саратов, 1976. Гл. 3.

с целью насильственного свержения существующего строя». Кроме того, каждому из 11 было предъявлено какое-нибудь конкретное обвинение: Веймару – в том, что он приобрел для революционной партии лошадь, на которой спасся убийца шефа жандармов, и револьвер, из которого Александр Соловьев 2 апреля 1879 г. стрелял в царя¹⁰.

Доктор Веймар действительно еще в 1876 г. купил для друзей-революционеров легендарного рысака «Варвара», который до 4 августа 1878 г., когда он спас от погони Сергея Кравчинского, принял участие в трех нашумевших делах: 30 июня 1876 г. он увез Петра Кропоткина, бежавшего из Николаевского тюремного госпиталя в Петербурге (причем именно Веймар принял беглеца и надежно укрыл его), 1 января 1877 г. в пролетке, запряженной «Варваром», укакал от последователей Василий Ивановский после его побега из тюрьмы при Басманной части в Москве, а 16 апреля 1878 г. тот же «Варвар» умчал Андрея Преснякова, отбитого друзьями у конвойных по дороге из тюрьмы III отделения, на допрос¹¹. Что касается револьвера, который землевольцы получили от Веймара, то прежде чем он попал к Соловьеву, 13 марта 1879 г. Леон Мирский стрелял из него в нового шефа жандармов А. Р. Дрентельна¹².

Веймар оказывал революционерам и другие услуги. В его доме скрывались от жандармов Вера Засулич¹³ и редактор центрального органа «Земли и воли» Дмитрий Клеменц¹⁴. В числе самых близких друзей Веймара были такие выдающиеся революционеры, как Марк Натансон, Петр Кропоткин, Герман Лопатин. Но ни к одной из революционных организаций Орест Эдуардович формально не принадлежал, хотя члены петербургской группы Большого общества пропаганды 1871–1874 гг. (чайковцы) считали его своим ближайшим сотрудником¹⁵. Когда в 1877 г. ему предложили стать членом «Земли и воли», он отказался. «Не могу я войти ни в какой кружок,

¹⁰ РГВИА, ф. 1351 (Петербургский военно-окружной суд), оп. 2, 1880, д. 241, т. 2, ч. 1, л. 82 (обвинит. акт).

¹¹ Буланова-Трубинова О. К. «Варвар» (см.: РНБ РО, ф. 110, д. 28, л. 1–10); Данилевский Г. Знаменитый рысак. См.: Собеседник. Воронеж, 1971; Каменский Ф. Повесть о легендарном «Варваре» // Неделя. 1976. № 36.

¹² Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 456.

¹³ Там же. С. 337–338.

¹⁴ Из архива Л. А. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 139.

¹⁵ Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. Саратов, 1963. С. 18.

— объяснял Веймар. — Всякое подчинение коллективному решению будет стеснять меня, а я хочу чувствовать себя всегда свободным. Подвернется какой-нибудь серьезный акт, я с удовольствием приму в нем участие. Этим пусть и ограничивается моя связь с друзьями»¹⁶. Он нисколько не кривил душой, когда в последнем слове на суде заявил, что «во всю свою жизнь ровно ни к какой партии, ни политического, ни иного характера, не принадлежал»¹⁷.

Таким образом, предъявленное ему наряду со всеми прочими подсудимыми обвинение в принадлежности к «социально-революционной партии» было юридически неправильным. Мало того, Веймар не был причастен и ни к одному из конкретных обвинений, которые инкриминировал ему суд. «Варвар» после побега Кропоткина использовался землепользователями без всякого содействия Веймара, и о покушении Кравчинского с участием «Варвара» Орест Эдуардович даже не знал. Точно также и револьвер, который землепользователи приобрели через посредство Веймара¹⁸, использовался Мирским, а затем Соловьевым без его ведома. Поскольку Веймар не был членом революционной организации, его держали в стороне от террористических замыслов, и он узнавал о покушениях уже *post factum*.

Юридически обоснованных улик против Веймара на суде не оказалось. Более того, прокурор подполковник Кессель — однофамилец известного юриста, выступившего обвинителем на процессе Веры Засулич в 1878 г., — вынужден был признать, что «относительно образа жизни и образа мыслей Веймара перед судом давала показания целая группа свидетелей, которые отозвались о нем со стороны, самой для него благоприятной»¹⁹. Так, свидетель

¹⁶ Иванчин-Писарев А. И. Побег князя П. А. Кропоткина // Былое. 1907. № 1. С. 41. Сообщение А. И. Малоземовой, будто О. Э. Веймар «в 1876 г. стал членом «Земли и воли» (см.: Малоземова А. И. Указ. соч. С. 77), ни на чем не основано.

¹⁷ ГАРФ, ф. 109 (III отделение), 3 экзп. 1878, д. 442, ч. 4, л. 69 (агентурная запись последних слов подсудимых).

¹⁸ Кто именно из землепользователей получил этот револьвер от Веймара, не установлено. А. И. Иванчин-Писарев свидетельствовал, что «револьвер был приобретен Веймаром для своего друга Г. А. Лопатина, жившего в его квартире под именем Севастьянова» (см.: Иванчин-Писарев А. И. Указ. соч. С. 41). Однако сам Лопатин оспорил это свидетельство: «Это неверно. Дружен с Веймаром я был, но никогда не проживал у него ни под именем Севастьянова, ни под каким-либо иным; также и пресловутый револьвер был приобретен им вовсе не для меня» (см.: Лопатин Г. А. К истории осуждения доктора О. Э. Веймара // Былое. 1907. № 3. С. 122).

мой для него благоприятной»¹⁹. Так, свидетель Головачев, бывший врачом при санитарном отряде цесаревны, заявил: «Ни у кого из нас не было такого страстного желания сделать так много, и мне приходилось подчас удивляться забывчивости Веймара о своих интересах. Он вообще принадлежал к числу таких людей, которые делают решительно все, о чем их ни попросят»²⁰.

Тем не менее царский суд, держась того правила, что лучше осудить девять невинных, чем оправдать одного виновного, буквально подводил каждого из подсудимых под заданное обвинение. Прокурор злобно поносил и революционную партию в целом («Это не партия, это – шайка»), и, конкретно, обвиняемых («атаманы шайки»), и деятельность партии («непрерывная оргия убийств»), и ее идеалы («смута во что бы то ни стало, смута ради смуты») ²¹. Неудивительно, что одна из подсудимых – Мария Коленкина – прервала эту речь негодующим восклицанием: «Какая наглая ложь!», за что была удалена из зала суда²². Восполняя недостаток улик палаческими измышлениями, прокурор раздувал из каждого пункта обвинения, как говорят французы, «le cas pendable»²³. Суд шел за прокурором, а что касается защиты, то ее заблаговременно «обезвредил» главный военный прокурор империи В. Д. Философов, который «пригласил защитников подсудимых в особую комнату, где «из чувства отеческой о них заботливости», как он выразился, советовал им в личных же интересах быть сдержанными в защите подсудимых и избегать слишком большой убедительности в своих возражениях»²⁴.

Правда, защитник Веймара А. И. Любимов упрямо доказывал, что обвинять его подзащитного в приобретении револьвера для Мирского и Соловьева нет никаких оснований, поскольку Веймар ни Соловьева, ни Мирского, ни их замыслов не знал и что по логике такого обвинения следовало бы «предать суду и того городского, который так любезно помогал Мирскому, когда тот свалился с лоша-

¹⁹ Правительственный вестник. 1880. 31 мая (12 июня). С. 3 (судебная хроника).

²⁰ Правительственный вестник. 1880. 22 мая (3 июня).

²¹ Новое время. 1880. 1(13) июня (судебная хроника).

²² Там же.

²³ «Висельный случай», т.е. дело, чреватое смертной казнью.

²⁴ ГАРФ, ф. 109, 3 эксп., 1878, д. 442, ч. 4, л. 64 (агентурное донесение о ходе суда над О. Э. Веймаром). Защита на процессе по делу Веймара была подобрана властями исключительно из кандидатов на военно-судебные должности, подчиненных прокурору по службе.

ди»²⁵. Но судьи не посчитались с доводами непослушного защитника.

Держась заданного обвинения, суд определил, что 6 из 11 подсудимых, и в том числе доктор Веймар, подлежат смертной казни. По отношению к Веймару решающим обстоятельством суд счел то, что револьвер, из которого Соловьев стрелял в царя, когда-то прошел через руки Ореста Эдуардовича. Лишь из «снисхождения» к герою русско-турецкой войны суд постановил смягчить ему наказание на две ступени: 15 лет каторги в рудниках. После того как царь тоже щегольнул «милосердием» и сбавил каторжный срок на одну треть, приговор в окончательной форме доктору Веймару гласил: 10 лет каторги²⁶. Так, писал много лет спустя в специальной заметке по этому поводу Г. А. Лопатин, «Веймар был осужден на каторгу за дело, в котором он не только не принимал никакого участия, но о котором он ничего не знал до самого его совершения»²⁷.

Подтасованное осуждение Веймара возмутило не только русскую, но и европейскую общественность. Даже консервативная лондонская «Таймс» порицала «свирепый юмор кривосудия» в деле Веймара²⁸. Сам же Орест Эдуардович перенес суд и приговор стоически. Для него формальная сторона дела (доказательность обвинения, наличие улик и пр.) не имела особого значения. В сущности, он знал цену своему содействию друзьям-революционерам, был предан им и давно подготовил себя к тому, чтобы разделить их судьбу.

После суда Веймар больше десяти месяцев, до марта 1881 г., содержался в Петропавловской крепости. Там он «заболел цингой, невралгиею и плевритом, вследствие чего был переведен в Дом предварительного заключения»²⁹.

²⁵ Новое время. 1880 5(17) июня. С. 4. Леон Мирский после неудачного выстрела в Дрентельна поскакал прочь. На многолюдном перекрестке он упал с лошади возле городского, однако не растерялся, подвел лошадь к городскому со словами: «Подержи-ка, братец, я пойду оправиться» и скрылся за угол. Городовой так и стоял, держа под уздцы лошадь Мирского, пока на него не наскочила погоня во главе с Дрентельном. Мирского же и след простыл.

²⁶ РГВИА, ф. 1351, оп. 2, 1880, д. 241, т. 2, ч. 1, л. 515-532 (текст приговора по делу Веймара).

²⁷ Лопатин Г. А. Указ. соч. С. 122.

²⁸ См. об этом и других откликах на дело Веймара: Кеннан Дж. Указ. соч. С. 203.

²⁹ Из архива Г. И. Успенского. Орест Эдуардович Веймар. Некролог // Былое. 1907. № 10. С. 62.

23 августа 1881 г. доктор Веймар был отправлен в злобещую каторжную тюрьму на р. Каре — своеобразное отделение Нерчинской каторги. Ранее карийский режим не был так откровенно рассчитан на последовательное умерщвление узников, как петропавловский и шлиссельбургский, но с 1880 г., как только на Кару начали поступать народовольцы, он тоже стал очень жестоким. 20 сентября 1880 г. «полуимператор» М. Т. Лорис-Меликов сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири новую инструкцию, согласно которой каторжанам запрещалась всякая переписка, все они (не только на работе, но и в камерах) должны были оставаться «всегда в оковах», а «в чрезвычайных случаях, как-то явного сопротивления, замыслов к заговорам, буде никакие благоразумные меры не будут достаточны, заведующий ссыльно-каторжными может употребить холодное и в самой крайности огнестрельное оружие, не отвечая в таком случае за убитых и раненых»³⁰. Всякое проявление протеста против каторжного режима подавлялось нещадно. В феврале 1882 г. газета «Народная воля» писала, что на Каре Наталья Армфельд «за непочтительность» была избита прикладами, а Григорий Попко, Иван Тищенко и Григорий Фомичев за попытку побега прикованы к тачке³¹.

Когда Веймар был доставлен на Кару, там уже томились десятки героев политических процессов 70-х гг. Ипполит Мышкин, Дмитрий Рогачев, Виктор Обнорский, Сергей Ковалик и многие другие. Веймар стал не только их товарищем, но и общим любимцем. Забывая по обыкновению о себе самом, он окружил каждого из них трогательной заботой, старался, как мог, поддерживать их здоровье и силу духа³². Сам он быстро слабел физически от каторжного режима³³ и болезней, но до конца остался сильным и непреклонным духовно. Показателен такой факт, о котором рассказала близкая к семье Веймара О. К. Буланова-Трубникова. Оказывается, цесаревна Мария Федоровна, став 1 марта 1881 г. императрицей, захотела спасти Веймара и направила к нему на Кару флигель-адъютанта царской свиты Норда Подлесского, дабы тот убедил «цесаревнина доктора» подать прошение о помиловании. Орест Эдуардович отказался³⁴.

³⁰ ГАРФ, ф. 109, 3 эксп, 1880, д. 701, л. 2 об., 6-6 об.

³¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 174.

³² Виташевский Н. А. На Каре // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 144-146.

³³ Достаточно сказать, что до февраля 1884 г. Веймар все время был закован в кандалы (см.: Из архива Г. И. Успенского. С. 62).

³⁴ Буланова-Трубникова О. К. Странички воспоминаний. С. 60.

Товарищи Веймара по каторге вспоминали, что Норд Подлесский уговаривал доктора написать хотя бы даже не прошение о помиловании, а заявление против «красного террора», гарантируя, что за это его «немедленно освободят». Веймар ответил: «Я на этот счет неграмотен»³⁵. Когда же царский посланец полюбопытствовал: «Что бы вы стали делать, оказавшись на свободе?», Орест Эдуардович откровенно признался: «Не могу вам сейчас сказать... Вероятно, схватил бы револьвер, чтобы воздать должное нашим угнетателям»³⁶.

31 октября 1885 г. доктор Веймар умер в каторжной тюрьме на Каре от скоротечной чахотки.

Дело доктора Веймара — многозначительный эпизод как русско-го освободительного движения, так и карательной политики царизма. Известный американский публицист Джордж Кеннан следующим образом оценил смысл этого судебного дела: «Или деспотизм в России так ужасен, что лучшие граждане ищут от него защиты в рядах революционеров, или доктор Веймар осужден несправедливо и преступно жестоко»³⁷. Верным было и то, и другое.

³⁵ Кон Ф. Я. В Минусинске // Енисейская ссылка. М., 1934. С. 57.

³⁶ Богданович Ф. Г. После побега // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927. С. 7.

³⁷ Кеннан Дж. Указ. соч. С. 203.

«СЛУЖИЛ ДЕЛУ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДА...»

(Андрей Желябов на процессе 1 марта 1881 г.)

«Первоприсутствующий. В последнее время чем занимались?»

Подсудимый Желябов. Служил делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом».

Дело 1 марта 1881 г

Процесс шел в Особом присутствии Правительствующего Сената в Петербурге с 26 по 30 марта 1881 г.

Подсудимых было шестеро, в том числе две женщины. Они представляли все сословия Российской империи: крестьянин Андрей Иванович Желябов, дворянка Софья Львовна Перовская, сын священника Николай Иванович Кибальчич, мещане Геся Мировна Гельфман и Николай Иванович Рысаков, рабочий Тимофей Михайлович Михайлов. Их судили за то, что они 1 марта 1881 г. в столице империи «среди дня, в средоточии всех властей»¹ привели в исполнение смертный приговор царю Александру II от имени революционной партии «Народная воля».

То был самый громкий судебный процесс XIX века. После 21 января 1793 г., когда французский Конвент отправил на эшафот короля Людовика XVI, мир не знал другого судебного дела, которое так взбудоражило бы народы. Европейские и американские газеты день за днем печатали подробные корреспонденции о суде над русскими цареубийцами, а публика без различия убеждений зачитывалась ими. Корреспондент петербургской газеты «Голос» сообщал в те дни из Вены: «Читатели – а такими можно теперь без преувеличения считать всю Вену, не исключая восьмилетних мальчиков и девчонок, ходящих с котомками книжек в школы, а также извозчиков, которые, сидя на козлах, считают священной обязанностью читать

¹ Московские ведомости. 1882. 1 марта (передовая статья М. Н. Каткова)

иллюстрированный «Extrablatt», — с напряженным вниманием читают и перечитывают все эти подробности»².

В России, естественно, процесс цареубийц был тогда главной злобой дня. Суд заседал в переполненном зале, благо еще допускался на политический процесс — в последний раз при царском режиме — нетитулованный люд. Все российские газеты изо дня в день публиковали стенографический отчет о процессе.

Власти сделали все для того, чтобы не только засудить, но также и опорочить подсудимых в глазах общественности — российской и зарубежной. Сам царь Александр III и его политический наставник, глава Святейшего Синода К. П. Победоносцев не просто надзирали за ходом судебного разбирательства, а корректировали его.

Первоприсутствующим на суде (председателем) был многоопытный сенатор Э. Я. Фукс. Едва он открыл процесс, как петербургский градоначальник Н. М. Баранов пожаловался Победоносцеву на «слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений». Победоносцев тотчас донес об этом царю. Царь потребовал объяснений у министра юстиции Д. Н. Набокова, министр — у Фукса. Возник скандал. Фукс потом вспоминал: «Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд». В конце концов, эту мысль оставили. Фукс получил только «высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимых», да, кроме того, Набоков (тоже не по высочайшему ли повелению?) потребовал не давать слова Желябову для защитительной речи³. Фукс, правда, слово Желябову дал, но придирчиво (19 раз!) прерывал его речь, требуя «не впадать в изложение теории». Одергивал он при случае и адвокатов (7 раз вмешивался в речь защитника В. Н. Герарда). Зато обвинительную речь прокурора Н. В. Муравьева Фукс выслушал в почтительном молчании, хотя, как он сам признал это, прокурор карикатурил программу «Народной воли» «с разными передержками»⁴.

Речь Муравьева, хотя она и была поставлена его льстецами в ряд «с наиболее известными речами знаменитых ораторов всех времен и народов»⁵, с юридической точки зрения весьмаординарна. Собст-

² Голос 1881. 2(14) апреля.

³ Воспоминания Э. Я. Фукса, цит. С М Шпицером (Суд идет! 1926. № 4. С 207-208).

⁴ Там же. С 208

⁵ Ильинский В В Адвокат против адвокатуры СПб, 1894. С. 11. В наше время заурядно-палаческую речь Муравьева по делу 1 марта и его самого как «ве-

венно, исследовать что-либо, устанавливать и аргументировать прокурор не имел нужды. Фактическая сторона обвинения была очевидна, подсудимые признали ее, в достатке имелись и вещественные доказательства. Поэтому Муравьев изложил не юридический разбор дела, а политические соображения о нем. В политическом же отношении речь его просто невежественна. Достаточно сказать, что русские революционеры в его изображении – это «исчадия», т.е. «люди без нравственного устоя и собственного (?! – Н. Т.) внутреннего содержания»; их идеалы он уподобил «геркулесовым столбам бессмыслия и наглости», а к движущим мотивам их деятельности отнес даже «предвкусение кровожадного инстинкта, почуявшего запах крови»⁶.

Обвинитель цареубийц намеренно тасовал факты и стучал краски. Оглушительно патетическая речь его была рассчитана на то, чтобы разжечь палаческое настроение (подстать своему) у судей, публики и всего общества. «Господа сенаторы, господа сословные представители! – начал Муравьев. – Призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний, когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи. Перед свежеею, едва закрывшеюся могилою нашего возлюбленного монарха, среди всеобщего плача отечества...». Так был задан тон всей растянувшейся на пять часов обвинительной речи, сладострастно ориентированной на шесть виселиц.

В такой обстановке все первомаговцы, кроме Рысакова (он после ареста стал выдавать все и вся) вели себя на суде мужественно, но главным героем процесса стал, бесспорно, Желябов – сын крепостного крестьянина, великолепный агитатор, трибун и организатор с интеллектом и крутозором первоклассного государственного деятеля, прирожденный вождь, общепризнанный лидер партии «Народная воля»⁷.

На процесс цареубийц Желябов попал добровольно, по собственному требованию. Арестованный еще 27 февраля 1881 г., он мог бы

ликого юриста» буквально воспел адвокат А. Г. Кучерена (см.: Независимая газета. 2000. 31 окт. С. 8).

⁶ Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906. С. 284-285, 287-288, 292, 294.

⁷ «Слушать его было жутко и радостно, – вспоминали о Желябове народо-вольцы. – Он умел наполнять всех бодростью, верой и необычайной ясностью мысли. Железная воля и сила духа чувствовалось в каждом его жесте, звуке голоса» (см.: Анзимиров В. А. Крамольники. М., 1907 С. 109).

избежать участи первомартовцев, но как только он узнал о событиях 1 марта и об аресте одного Рысакова, тотчас направил из тюрьмы прокурору судебной палаты следующее заявление с пометкой на конверте «очень нужное»: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, — было бы вопиюще несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения.

Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов. 2 марта 1881 г. Д[ом] П[редварительного] закл[ючения]».

Опасаясь отказа властей и как бы подзадоривая их принять его заявление, Желябов приписал в постскриптуме: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две»⁸.

Это заявление Желябов написал, видимо, сразу после очной ставки с Рысаковым, устроенной ему в ночь с 1 на 2 марта. Он узнал тогда о казни царя и, обращаясь к Рысакову и присутствовавшим при этом жандармским чинам, сказал, «что теперь на стороне революционной партии большой праздник и что совершилось величайшее благодеяние для освобождения народа»⁹. Тогда же он заключил, что для столь громкого процесса «Народной воли», как процесс о цареубийстве, Рысаков (19-летний юнец без должного опыта, политической закалки и силы характера) — фигура слишком ненадежная, хотя о предательстве Рысакова Желябов еще не знал. Исполнительный комитет «Народной воли», по-видимому, отлично понял смысл заявления Желябова. Во всяком случае, Софья Перовская, как только узнала о нем, определила: «Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным»¹⁰.

Власти готовились наскоро, уже 3 марта предать Рысакова военно-полевому суду, а 4 марта — казнить¹¹. Но 2 марта последовало заявление Желябова, 3 марта были арестованы Тимофей Михайлов и Гельфман, а затем — Перовская (10-го) и Кибальчич (17 марта). Решено было судить их всех вместе в ОППС.

⁸ 1 марта 1881 г. по неизданным материалам. Пг., 1918. С. 279.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Степняк-Кравчинский С. М. Соч. М., 1958. Т.1. С. 512 (из рассказа Анны Эпштейн, встречавшейся с Перовской в мартовские дни 1881 г. в Петербурге).

¹¹ Валк С. Н. Вокруг 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1930. Т.3. С. 180.

Защитниками на процессе 1 марта 1881 г. выступили пять корифеев отечественной адвокатуры: Перовскую, Кибальчича, Гельфман, Михайлова и Рысакова защищали соответственно присяжные поверенные Е. И. Кедрин, В. Н. Герард, А. А. Герке, К. Ф. Хартулари и А. М. Унковский. Желябов отказался от услуг адвокатуры и защищал себя сам, чтобы использовать скамью подсудимых для программно-революционного выступления. Как подсудимый, он использовал все свои процессуальные права (делал заявления суду, участвовал в допросе свидетелей, оспаривал выводы прокурора, выступал с защитительной речью и последним словом) исключительно в интересах своей партии, нисколько не заботясь о себе лично. Для него судебный процесс был очередным актом единоборства «Народной воли» с царизмом, и Желябов, презрев уготовленный ему смертный приговор, считал своим долгом выиграть этот процесс политически и морально, подчеркнуть перед лицом России и Европы, что «Народная воля» отстаивает правое дело, а царизм — неправо.

Прежде всего Желябов поднял вопрос о том, что ОППС, учрежденное для разбирательства особо важных политических дел, юридически неправомерно решать такие дела. 25 марта (за день до начала процесса) он подал в суд заявление:

«Принимая во внимание, <...> что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение Особого присутствия Сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство как сторона пострадавшая должно быть признано заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьей в собственном деле; что Особое присутствие как состоящее из правительственных чиновников обязано действовать в интересах своего правительства, руководствуясь при этом не указаниями советов, а правительственными распоряжениями, произвольно именующимися законами, — дело наше не подсудно Особому присутствию Сената». Между революционной партией и царским правительством, указывал далее Желябов, «единственным судьей может быть лишь русский народ в лице Учредительного собрания», но так как эта форма суда пока неосуществима, он требовал «суда присяжных в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оправдательный приговор, как Вере Засулич, но и выразит нам признательность Отечества за деятельность особенно полезную»¹².

¹² «Народная воля» перед царским судом М., 1930. С. 63-64.

Безусловно, Желябов не рассчитывал на удовлетворение своих требований. Они имели характер обличения и протеста. Однако власти не могли просто отмахнуться от желябовского заявления, а должны были принять его, рассмотреть и удостоить ответом. Ответ, как следовало ожидать, был отрицательным («оставить без последствий»), и это саморазоблачение властей Желябов предал огласке на суде, в присутствии публики. Он попросил «удостоверить подлинность» отказа в его требованиях (повторив при этом свое заявление). Суд был вынужден это сделать¹³.

По ходу суда Желябов то и дело вступал в юридическую полемику с обвинением, разоблачая натяжки царского «правосудия». Суд отказал ему в просьбе вызвать свидетелями по его делу народовольцев А. И. Баранникова и Н. Н. Колодкевича на том основании, что «по общему смыслу законов, относящихся до свидетелей, к числу их не могут быть отнесены такие лица, которые совместно преследуются за одно и то же деяние». Желябов тут же обратил это основание против свидетельских показаний предателя Григория Гольденберга, которые фигурировали как важный, а в ряде случаев главный источник сведений в обвинительных актах не только по делу 1 марта, но и по другим делам. «Обвиняемый Гольденберг, — заявил Желябов, — находится в том же положении, как Кошурников (нелегальная фамилия Баранникова. — Н. Т.) и Колодкевич, т. е. состоит обвиняемым по одному со мной делу. Спрашивается, дух русского закона, распространяющийся на Кошурникова и Колодкевича, не должен ли распространяться и на Гольденберга?»¹⁴.

Судьи попали в щекотливое положение. Отказаться от показаний Гольденберга значило бы лишить фактической основы внушительную часть обвинения по трем крупным процессам, один из которых (дело «16-ти» в 1880 г.) уже завершился пятью смертными приговорами. Суд не мог пойти на это. Оставалось наспех изыскать для Гольденберга какое-то новое толкование «общего смысла законов, относящихся до свидетелей». Сенаторы прервали судебное разбирательство, удалились на совещание и выработали там новую мотивировку, которую по возвращении в зал и предъявили Желябову: Гольденберг, мол, «за смертью» (повесился в тюрьме от угрызений совести после предательства) находится в ином положении, нежели лица, указанные Желябовым¹⁵.

¹³ См.: Дело 1 марта 1881 г. С. 4-6.

¹⁴ Дело 1 марта 1881 г. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 12.

Просто и веско опроверг Желябов традиционную уловку царских юристов подгонять взгляды подсудимых под те «вещественные доказательства» (книги, письма и пр.), которые находили у них при обысках, хотя бы тот, у кого нашли полученное им письмо или прочитанную книгу, не был согласен с прочитанным. «Все эти вещественные доказательства, – иронизировал Желябов, – находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждений, потому у него и находятся?»¹⁶.

Желябов мог обратиться в пользу своей партии даже, казалось бы, мелочи судебного разбирательства. Так, показание свидетеля Самойлова о том, что народоволец Ю. Н. Богданович где-то был якобы «выпивши», Желябов горячо оспорил, подчеркнув: «Наша деятельность такова, что перерождает людей, и пьянству мы не предаемся»¹⁷, а показание другого свидетеля (очевидца царевубийства) Павлова так же горячо поддержал, чтобы опровергнуть версию обвинительного акта, будто «метательный снаряд был брошен (в Александра II. – Н. Т.) сзади»¹⁸.

Сознавая юридическую пристрастность и политическую невежественность обвинения, Желябов потребовал на суде, «чтобы речь прокурора была опечатана с точностью; таким образом, она будет отдана на суд общественный и суд Европы»¹⁹. Собственную же защитительную речь он целиком употребил на разъяснение в противовес наветам прокурора истинных целей и средств борьбы «Народной воли».

«Господа судьи, дело всякого убежденного деятеля ему дороже жизни, – так начал Желябов свою речь. – Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность по возможности представить цель и средства партии в настоящем их виде (...). Я желал бы предпослать маленький исторический очерк, следуя тому пути, которым шел прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и чем сложнее и серьезнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к какой прибегает партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем партии, а это прошедшее имеется – немногочисленно оно годами, но

¹⁶ Дело 1 марта 1881 г. С. 336.

¹⁷ Там же. С. 194.

¹⁸ Там же. С. 104, 124.

¹⁹ Там же. С. 338.

очень богато опытом. Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною»²⁰.

С фактами в руках Желябов доказывал, что поначалу народническое движение развивалось в форме «мирной пропаганды социалистических идей». Но правительство обрушилось на мирных пропагандистов 1873–1874 гг. с жестокими репрессиями. «Движение, крайне безобидное по средствам своим, и чем оно окончилось? – обращался к суду Желябов. – Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок». После этого мирная пропаганда оказалась невозможной – «пришлось от слова перейти к делу», т. е. к прямой борьбе с правительством, отвечать на правительственный «белый» террор революционным «красным» террором²¹.

Желябов мыслил свою защитительную речь на суде как программную. Первоприсутствующий понял это с первых слов подсудимого и старался не допустить такого казуса, чтобы в стенах царского судилища прозвучала революционная программа. Стоило Желябову сказать: «Мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем...», как первоприсутствующий остановил его: «Вы излагаете теоретические воззрения!» Едва Желябов заявил: «Основные положения нашей программы таковы: политический строй...», как первоприсутствующий вновь прервал его: «Подсудимый, я решительно лишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение теории!»²².

Под «теорией» многодумный сенатор Э.Я. Фукс разумел именно революционную программу. Но, кроме теории, был для суда в речи Желябова еще один жупел – слово «партия». Судьи не хотели мириться с тем, что подсудимый выступает от имени революционной партии. Первоприсутствующий старался сбить Желябова к частным объяснениям, одергивал, требовал говорить только о себе лично.

²⁰ Дело 1 марта 1881 г. С. 332, 336–337.

²¹ Там же. С. 337, 339.

²² Там же. С. 333, 340.

*«Первоприсутствующий. Вы опять говорите о партии...
Подсудимый Желябов. Я принимал участие в ней!
Первоприсутствующий. Говорите только о себе»²³.*

Постоянные ссылки Желябова на идеи и дела партии нервировали судей, поскольку создавали у них и у публики впечатление внушительности революционных сил. Стремление выставить перед врагами мощь партии в ее истинном и даже несколько преувеличенном виде²⁴ вообще было свойственно Желябову и на следствии, и на суде. Прокурор Муравьев злобно, но пронизательно подметил его «желание и порисоваться значением партии и, отчасти, попробовать запутать»²⁵.

Требую соблюдения узаконенного судебными уставами принципа состязательности и равенства сторон на суде, Желябов утверждал свое право очищать революционную программу от клеветы прокурора. «Ввиду того, – говорил он, – что прокурор пять часов употребил на извращение того самого вопроса, который я уже считал выясненным, мне приходится считаться с этим фактом, и я полагаю, что защита в тех рамках, какие вы мне теперь определяете, не может пользоваться тою свободою, какая была предоставлена прокурору»²⁶.

Можно только удивляться тому, как много «в тех рамках» успел сказать Желябов в защиту целей и средств борьбы своей партии. Он в особенности подчеркивал, что средства борьбы «Народной воли» отнюдь не сводятся к террору, к покушениям на царя: «отдельные террористические акты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни». «Намечена была задача не такая узкая, как говорит прокурор: повторение покушений и – в случае неудачи – совершение удачного покушения во что бы то ни стало <...> Основное положение было такое, что социально-революционная партия должна уделить часть своих сил на политическую борьбу. Намечен был и практический путь: это путь насильственного переворота посредством заговора, и для этого – организация революционных сил в самом широком смысле»²⁷.

²³ Дело 1 марта 1881 г. С. 340.

²⁴ Например, Желябов заявил на суде, что для цареубийства по призыву Исполнительного комитета «Народной воли» сразу вызвались 47 добровольцев (см.: Дело 1 марта... С. 94), что маловероятно.

²⁵ См.: Дело 1 марта 1881 г. С. 275.

²⁶ Там же. С. 335.

²⁷ Там же. С. 336, 342.

Определяя место террора в программе и деятельности «Народной воли» лишь как одного из многих средств борьбы (не единственного и не главного), Желябов отмежевался от брошюры своего товарища по членству в Исполнительном комитете Н. А. Морозова «Террористическая борьба». Исполнительный комитет отверг ставку Морозова на террор (борьбу «по способу Вильгельма Телля», «теллизм») как главное средство осуществления революции, и в начале 1880 г. отправил его в «бессрочный отпуск» за границу, что сам Морозов справедливо признал «отставкой»²⁸. Поскольку же теперь прокурор Муравьев взялся судить о тактике «Народной воли» по брошюре Морозова, Желябов подчеркнул: «к ней как партия мы относимся отрицательно» и далее пояснил: «нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства»²⁹.

«Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благо, — так Желябов заканчивал свою речь. — Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т.е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен, от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия...»³⁰.

В этом месте официальная стенограмма речи Желябова оборвана. Но мы знаем, что условия, при которых народовольцы готовы были отказаться от террора, сформулированы в письме Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III от 10 марта 1881 г.: 1) «общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга»; 2) «созыв представителей от всего русского народа» при всеобщем избирательном праве «для пересмотра

²⁸ Подробно об этом см.: Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 99-107.

²⁹ Дело 1 марта 1881 г. С. 336.

³⁰ Там же. С. 343.

существующих форм государственной и общественной жизни и перераспределения их соответственно с народными желаниями»³¹.

В. И. Ленин в 1901 г. так – вполне оправданно – оценил это письмо: «Деятели «Народной воли» «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия»³².

Сознание правоты того дела, которое он отстаивал, придавало Желябову на суде избыток сил, так удивлявший (а то и восхищавший) очевидцев даже из враждебного лагеря. Держался он гордо, выступал красноречиво и с такой уверенностью в себе, какой недоставало ни прокурору, ни судьям³³. Зная, что его ждет виселица, он был полон неистощаемого оптимизма, который сквозил и в том, как оживленно он переговаривался с товарищами, – особенно, с Перовской, сидевшей рядом³⁴, и в том, как деловито вмешивался в допрос свидетелей и как последовательно вел свою программную речь сквозь 19 окриков первоприсутствующего, и в том, с каким достоинством одернул он взглядом сановную публику, когда она зашикала на его слова «я русский человек». Очевидец этой сцены граф Р. фон Пфейль навсегда запомнил, как Желябов «выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока опять не водворилась тишина»³⁵.

Только великий оптимист мог чуть ли не с веревкой на шее посмеяться над злобой своих палачей. Когда прокурор, наращивая

³¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1965. Т.2. С. 195.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.5. С. 56.

³³ Враги по неразумению видели в этой уверенности Желябова какую-то фанатическую рисовку. «Желябов рисуется героем своих доктрин», – записывал в дневнике 28 марта 1881 г. граф П. А. Валуев (см.: Дневник 1877-1884 гг. Пг., 1919. С. 159). Как «наглость» и «нахальство» фанатика воспринял поведение Желябова на процессе М. Н. Катков (см.: Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898. С. 162, 163).

³⁴ К. П. Победоносцев в дни суда уведомлял царя: «Желябова оставили сидеть рядом с Перовской, так как уже считают их за ответных людей» (см.: Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т.1. С. 324).

³⁵ Пфейль фон Р. Последние годы императора Александра II // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1908. № 4. С. 56. Р. фон Пфейль оставил здесь выразительный портрет Желябова: «Высокого роста, стройный, сильный, с удивительным лицом: высокий лоб, густые, слегка выющиеся волосы, довольно длинная борода, смуглый цвет лица, к которому отлично подходили темные, сильно блестящие глаза. Никто не мог поверить, что это – крестьянин» (см.: Там же. С. 51).

мстительную патетику своей речи, сказал: «Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц...», — Желябов в тот момент рассмеялся. Прокурор смолк, судьи и публика оцепенели, пораженные громким смехом «мрачного облика». И хотя через минуту внешне все вновь встало на свои места, а Муравьев сумел даже вернуть в речь ловкий верноподданический экспромт («когда люди плачут — Желябовы смеются»)³⁶, смех Желябова все-таки смазал эффект разглагольствований прокурора о клейме мрака на душах и лицах борцов за свободу, а в значительной степени и эффект всей обвинительной речи.

Поведение Желябова перед царским судом в мартовские дни 1881 г., естественно, привлекло к себе особое внимание и современников, и потомков. Ведь процесс по делу 1 марта был для подсудимых более трудным испытанием, чем любой из других политических процессов за всю историю царской России. Во-первых, беспрецедентное обвинение (убийство царя!) не оставляло им никаких шансов на сохранение жизни. При таком обороте дел для них, казалось бы, теряли всякий смысл отличия законности от беззакония. Избранная (за малым исключением) публика была настроена враждебно к подсудимым. Трудно было им рассчитывать и на сочувствие общества, шатнувшегося с перепугу после 1 марта вправо. Народные массы слишком плохо знали и еще хуже понимали мотивы убийства царя, слывшего «Освободителем»³⁷, чтобы оценить героизм цареубийц перед судом и стать для них хотя бы моральной опорой. К тому же прокурор Муравьев произнес едва ли не самую трескучую в истории царского суда обвинительную речь, дабы очернить и еще более изолировать подсудимых от общества.

Правда, с чисто юридической точки зрения, как подметил известный в XIX веке публицист Г. К. Градовский, в деле 1 марта 1881 г. «немало было оснований к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием»: Желябов был арестован еще до цареубийства, Перовская, Кибальнич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, даже Рысаков (бросивший первую бомбу в царскую карету) его не убил; непосредственным убийцей был

³⁶ Этот инцидент запечатлен и в официальном отчете о процессе: Дело 1 марта 1881 г. С. 210-211.

³⁷ Жесточайшие репрессии 1870-х годов (от ареста до виселицы) против тысяч и тысяч инакомыслящих, доставившие Александру II титул «Вешателя», в народных «низах» были тогда мало известны.

И. И. Гриневицкий, но он сам погиб от второй бомбы, которая поразила царя³⁸. Эти юридические тонкости на сугубо политическом (в самом полном смысле слова) процессе судьи не стали даже рассматривать, тем более, что царское Уложение о наказаниях одинаково карало и совершение цареубийства, и всего лишь «голый умысел» на него³⁹. Желябов и его сопроцессники это знали.

Поведение Желябова на суде возвысило перед общественным мнением не только партию «Народная воля», но и его самого как лидера партии. Даже враги признали это. Прокурор Муравьев почувствовал в нем вожака и возразил против попытки Желябова представить себя всего лишь агентом Исполнительного комитета⁴⁰: «Я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность и что если существует соединение, присваивающее себе название «Исполнительный комитет», то в рядах этого соединения почетное место принадлежит подсудимому Желябову»⁴¹. Составители официальной «Хроники социалистического движения в России» князь Н. Н. Голицын и жандармский генерал Н. И. Шебеко выделили Желябова из всех русских революционеров, дав ему характеристику, в которой сквозь ненависть проскальзывает невольное уважение к личности вождя «Народной воли»: «Имя великого организатора стало популярным. То был страшный Желябов, великий организатор новых покушений в местностях и условиях самых разнообразных и неслыханных. Он обладал удивительной силой деятельности и не принадлежал к числу дрожащих и молчащих. Невозможно допустить, чтобы хотя тень раскаяния коснулась его сердца в промежутке между организацией преступления и часом его искупления»⁴².

Действительно, из числа не только первоапрельцев, но и всех вообще народовольцев, прошедших через горнило царского суда, Желябов был самой значительной фигурой. На каждом крупном процессе «Народной воли» один-два подсудимых всегда выделялись

³⁸ Градовский Г. К. Итоги (1862-1907). Киев, 1908. С. 85.

³⁹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 313.

⁴⁰ Желябов здесь следовал уставу ИК, который обязывал членов Комитета в случае ареста называть себя всего лишь агентами. Народовольцы использовали это правило для того, чтобы внушить правительству даже в тех случаях, когда оно судило вождей партии (Желябова, Перовскую, Александра Михайлова), будто у него в плену лишь второстепенные деятели, а главные — все еще на свободе.

⁴¹ Дело 1 марта 1881 г. С. 274.

⁴² Хроника социалистического движения в России (1878-1887 гг.). М., 1906. С. 160.

своей политической активностью: в деле «16-ти» – А. А. Квятковский и С. Г. Ширяев, «20-ти» – Александр Михайлов, «17-ти» – М. Ф. Грачевский и Ю. Н. Богданович, «14-ти» – Вера Фигнер, «21-го» – Г. А. Лопатин, «Второго 1 марта» – Александр Ульянов. Но никто из них не становился в такой степени героем процесса, как Желябов. Больше того, вся история политических процессов в царской России, столь богатая образцами революционной доблести подсудимых (достаточно назвать еще имена Петра Алексеева, Ипполита Мышкина, лейтенанта Шмидта), не знает примера, равного примеру Желябова.

Резонанс, вызванный как в России, так и за границей, процессом по делу 1 марта 1881 г. и, особенно, поведением на нем Желябова, оказался прямо противоположным тому, на что рассчитывали каратели. Российское общество – частью явно, частью же тайно – гордилось народовольцами, молодежь готова была следовать их примеру. «Имена Желябова, Перовской, Кибальчича не сходили с уст, а Желябов заполнял все сердца молодежи, имя его было полно обаяния и восторга, – вспоминала о 80-х годах курсистка О. Г. Райс (Каллистратова). – Речь, сказанная на суде Желябовым, заучивалась наизусть»⁴³. Подобные свидетельства оставили не только народовольцы, но и социал-демократы – меньшевик Ю. О. Мартов (Цедербаум)⁴⁴, большевик С. И. Мицкевич⁴⁵, редакция газеты «Искра»⁴⁶. Великий артист Л. В. Собинов вспоминал: «Имена Желябова, Перовской, Кибальчича были для меня именами героев»⁴⁷.

Уважительно оценила силу духа и благородство первомартовцев мировая общественность. «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические», – писал о них К. Маркс дочери Женни⁴⁸. Даже консервативная «Times», которая за считанные дни до процесса злобствовала против народовольцев как «политических изуверов» и «головорезов»⁴⁹, о процессе писала в сдержанном тоне, не без симпатии к подсудимым, будь то «утонченно воспитанная леди» Перовская или «чеканный тип гордого и непреклонного демагога», каким показался англичанам Же-

⁴³ РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 87, л. 2.

⁴⁴ Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 40-41.

⁴⁵ Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1937. С. 26.

⁴⁶ Искра. № 1-52 / Под ред. П. Н. Лепешинского. Л., 1926-1928. Вып. 5. С. 95.

⁴⁷ Л. В. Собинов. М., 1970. Т. 2: Статьи, речи, высказывания. С. 9.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 147.

⁴⁹ The Times. 1881. 22 March (передовая статья).

лябов⁵⁰. 14 апреля 1881 г. «Times» добросовестно пересказала речь Желябова⁵¹, а в передовой статье от 16 апреля признала, что в требованиях «Народной воли» нет «ничего недопустимого и неосновательного».

Царизм вынужден был признать, что судилище над первомазговцами политически и нравственно он проиграл и после этого лишил (по закону от 14 августа 1881 г.) все следующие процессы до конца почти всякой гласности, отменив допуск нетитулованной публики на судебные заседания и запретив публикацию стенографических отчетов о процессах. Но революция в России надвигалась, и царизм не мог ни отменить ее, ни запретить.

⁵⁰ Дело 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 246-247.

⁵¹ The Times. 1881. 14 April. P.5.

ПРОЦЕСС «20-ти»

Процесс «20-ти» был самым представительным из всех (более чем 80) судебных процессов над членами героической партии «Народная воля»: суду были преданы 11 членов¹ и 9 агентов² первого состава Исполнительного комитета, который современники называли «Великим ИК». Среди них выделялись такие корифеи «Народной воли», как: А. Д. Михайлов – идеальный конспиратор, один из лучших организаторов и главный администратор партии, который во все вникал, всему давал ход, все оберегал и даже, по признанию ренегата Л. А. Тихомирова, «мог бы, при иной обстановке, быть министром»³, а пока за неусыпные заботы о порядке в революционном подполье получил от товарищей кличку «Дворник»⁴; Н. А. Морозов – редактор центрального органа партии, энциклопедически образованный публицист и ученый, который лично информировал о народо-довольческих делах К. Маркса⁵, а впоследствии стал почетным членом АН СССР; Н. Е. Суханов – глава Военной организации «Народной воли», человек столь исключительного мужества, благородства и обаяния, что Вера Фигнер сказала о нем: «Счастлива та партия, к

¹ А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Н. Е. Суханов, М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колод-кевич, А. И. Баранников, Г. П. Исаев, М. Н. Тригопи, Т. И. Лебедева, А. В. Яки-мова, М. В. Ланганс.

² Н. В. Клеточников, Л. Д. Терентьева, Л. С. Златопольский, М. В. Тетёрка, И. П. Емельянов, А. Б. Арончик, Г. М. Фриденсон, Ф. О. Люстиг, В. А. Меркулов. В обвинительном акте фигурировали также народо-довольцы Е. Н. Оловенникова и П. В. Тычинин, которые не были привлечены к суду по болезни. Поэтому со-временники говорили о процессе «22-х».

³ Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 94.

⁴ Н. К. Крупская вспоминала о В. И. Ленине: «Вообще у него чувствовалась хорошая народо-довольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народо-довольце Михайлове, получившем за свою конспиративную вы-держку кличку «Дворник» (см.: Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 228).

⁵ См.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 318.

которой пристаю́т Сухановы!»⁶; М. Ф. Фроленко – образцовый народовец-практик, артистически выполнявший самые трудные и рискованные поручения, удивляя при этом даже своих товарищей предприимчивостью, отвагой, самообладанием; Н. В. Клеточников – первый контрразведчик русской революции, который был заслан народовольцами в «святая святых» царского сыска (Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии) и больше двух лет служил там революционному подполью щитом и громоотводом, обезвреживая полицейские козни.

В обвинительном акте все подсудимые по делу «20-ти» (как, впрочем, и вся их партия) изображались почти исключительно террористами: из 12 его пунктов в 11-ти инкриминировались обвиняемым террористические акты, включая 8 покушений на царя⁷. Здесь уместно сказать, что и поныне иные историки отождествляют деятельность «Народной воли» целиком или большей частью с террором⁸. Между тем специальные исследования доказывают, что террор не только не исчерпывал собою деятельности «Народной воли», но и не занимал ни в ее программе, ни в практике главного места. К террору прибегала очень малая часть сил партии: Исполнительный комитет плюс полтора десятка рядовых боевиков, известных нам поименно. Но тот же Исполнительный комитет и вся подведомственная ему многоотраслевая, невиданная до тех пор в России по масштабам и мощи сеть революционных организаций (не менее 80–90 местных, 100–120 рабочих, 50 военных, 30–40 студенческих, 20–25 гимназических по всей стране от Гельсингфорса до Тифлиса и от Ревеля до Иркутска) вели активную пропагандистскую, агитационную, организаторскую деятельность во всех слоях населения⁹. Царские каратели изображали «Народную волю» «террористическим сообществом»¹⁰ отчасти по неведению о других сторонах ее деятельности, а большей частью намеренно, чтобы усугубить тяжесть обвинения в принадлежности к такому сообществу и кары за все им со-

⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 239.

⁷ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 11.

⁸ Левандовский А. А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4; Кан Г. С. «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997; История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 2000. Гл. 21 (автор главы – П. Н. Зырянов).

⁹ Подробно см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. М., 1978. Гл. 3.

¹⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 11.

деянное. Главное же, народовольцы (террористы или не террористы) были для них врагами самодержавия.

Процесс «20-ти» слушался с 9 по 15 февраля 1882 г. Тогда еще не была исчерпана сложившаяся к 1879 г. вторая революционная ситуация в России, хотя ее кульминационная точка уже миновала (после царевубийства 1 марта 1881 г.). Царизм собирал силы для решающего контрудара и продолжал – с марта 1881 г. до июня 1882 г. – политику отступления к прямой реакции. Острием революционного натиска был тогда, по выражению Энгельса, «нож деятелей («Народной воли». – Н. Т.), приставленный к горлу правительства...»¹¹. Как раз в дни процесса «20-ти» Энгельс писал о народовольцах: «В России наши товарищи превратили царя прямо-таки в пленника, дезорганизовали правительство... Словом, это такая чудесная революционная ситуация, какой еще не бывало»¹². В такой обстановке царизм судил главных, самых опасных своих врагов. Разумеется, он стремился покарать их как можно беспощаднее – виселицей и каторгой. Но, с другой стороны, учитывая силу антиправительственного возбуждения в стране и еще не обретя должной устойчивости, он вынужден был соблюдать хотя бы видимость правосудия.

Судебные уставы 1864 г. царизм к 1882 г. в значительной мере изуродовал еще в 1871 г.: передал дознание по политическим делам в руки жандармов; в 1872 г. учредил для разбирательства этих дел холопски зависимое от правительства и палачески жестокое к подсудимым Особое присутствие Правительствующего сената; в 1878–1879 гг. частично военизировал свою судебно-карательную систему, а по так называемому Положению об охране от 14 июня 1881 г. свел до минимума публичность и гласность судопроизводства на политических процессах.

Дело «20-ти» слушалось в Особом присутствии Сената при закрытых дверях, под усиленной охраной¹³. Публику составляли лишь сановные особы (фактический глава правительства Н. П. Игнатьев, министр юстиции Д. Н. Набоков, князь П. П. Демидов Сан-Донато и др.), три-четыре близких родственника подсудимых и редактор

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.36. С. 105.

¹² Там же. Т.35. С. 234.

¹³ «Вводят подсудимых, каждого между двумя жандармами, - читаем в записи очевидца. - Кроме того, в зале их ожидает еще внушительный караул, полиция, жандармы, даже казаки. Недостает только артиллерии!» (см.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 58).

«Правительственного вестника» Г. П. Данилевский – известный писатель, автор исторических романов «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва». Печатать не только отчет о процессе, но и вообще какие-либо сведения о нем, кроме официальной информации в «Правительственном вестнике», было запрещено.

Сенаторы теперь норовили лишить подсудимых даже такой крайне стесненной возможности защищаться, какая годом ранее была предоставлена судившимся по делу 1 марта цареубийцам. Председательствовал здесь первоприсутствующий сенатор П. А. Дейер – «безобразный гном»¹⁴, в тщедушном тельце которого невесть как умещались исполинские ресурсы желчи и ненависти к революционерам, тот самый Дейер, который до процесса «20-ти» судил одиозного «нигилиста» Нечаева, а после – народовольца Александра Ульянова и эсера Ивана Каляева. Прокурором был Н. В. Муравьев. Друг детства Софьи Перовской (!), он впервые громко заявил о себе именно на процессе цареубийц, где с изуверским вдохновением требовал для Перовской и всех ее товарищей виселицы. В десятом из «Писем к тетеньке» М. Е. Салтыкова-Щедрина сатирически изображен «надворный советник Сеничка», мастер «щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы и случайно попавшихся («на то война-с!»)¹⁵. Внимательным современникам мудрено было бы не узнать в «Сеничке» надворного советника Муравьева, который в феврале 1882 г., когда печаталось десятое «Письмо к тетеньке», вновь азартно «щипал людскую корпию» на процессе «20-ти». Позднее (при Николае II) он был уже министром юстиции¹⁶.

И судьи, и прокурор вели процесс «20-ти» с подчеркнутой наглостью. Дейер откровенно злобствовал, часто прерывал обвиняемых, а то и лишал их слова; Муравьев изошрялся в оскорблениях. Узнав, что подсудимый М. В. Тетёрка – рабочий, Дейер стал язвить: «Какой же работой ты занимался?» – «Всякой работой, какой придется» – «А убивать можешь?» Тетёрка ответил спокойно: «Я еще, собственно, никого не убил». Когда подсудимый Г. П. Исаев заявил, что его в канцелярии градоначальника били, прокурор рассмеялся, а первоприсутствующий под смех прокурора прикрикнул на Исаева: «Это к

¹⁴ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 217.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1936. Т. 14. С. 50, 431, 433.

¹⁶ В личном архиве А. Ф. Кони сохранился конверт с газетными вырезками о жизни и смерти Н. В. Муравьева. На конверте рукой Кони написано: «Мерзавец Муравьев» (ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 441).

делу не относится!»¹⁷. «Вертеп палачей» – так назвал это судилище А. Д. Михайлов¹⁸.

Палаческий тон задал процессу «20-ти» сам царь Александр III, который не просто поощрял, а как бы подзадоривал в самых циничных формах жестокость и произвол карателей. Так, на докладе о допросах Г. П. Исаева с повторяющимся, словно рефрен, уведомлением «никаких объяснений давать не желает», он пометил: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить»¹⁹.

Сенаторы из Особого присутствия играли роль судей, но прежде всего они были чиновниками, состоявшими на службе у царского правительства. Карательным инстинктом они сознавали, что перед ними на скамье подсудимых – опаснейшие враги, и хотя как судьи они должны были бы проверить юридическую доказательность каждого обвинения, их как чиновников юридическая сторона дела интересовала лишь формально. Правда, непременно членами такого суда были, в дополнение к сенаторам, и так называемые сословные представители (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина), но они старались только ни в чем не мешать чинам Сената. «Как известно, – писал о них в 1901 г. В. И. Ленин, – эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам...»²⁰. Что касается Н. В. Муравьева, то он делал тогда карьеру, «грыз удила, как скаковой жеребец, поставленный в оглобли закона»²¹, и ради карательного эффекта обходил или пренебрегал любыми формальностями. Обвинительный акт по делу «20-ти» он смонтировал главным образом из предательских показаний В. А. Меркулова – малограмотного рабочего, который не блистал ни умственно, ни нравственно и был принят народовольцами в партию, очевидно, по недостатку в людях (особенно «из народа»). Показания эти изобиловали клеветническими домыслами и несообразностями, но прокурор охотно полагался на них, хотя бы потому, что они позволяли обвинять народovolьцев (искусных конспираторов) «документально» и не злоупотреблять обычным среди царских обвинителей способом,

¹⁷ Процесс 20-ти народovolьцев в 1882 г. С. 64, 92, 96.

¹⁸ Письма народovolьца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 216.

¹⁹ ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 537, л. 1.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 407.

²¹ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 318.

который адвокат А. И. Урусов определил так: «Данных нет, улики нет, надо прибегнуть к соображениям»²².

Обвиняемые по делу «20-ти» решительно оспаривали утрирование их террора – не потому, что старались смягчить свою вину и судебную кару, а в интересах исторической справедливости. Кроме Меркулова, каждый из них заботился отнюдь не о самом себе. Честь партии, которую они защищали, демонстрация ее идеалов, дел и людей на царском суде, но перед судом истории в истинном свете – вот что было их общей и главной заботой. Даже прокурор Муравьев оценил это: «Им надо отдать дань уважения, – они и в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат»²³.

Вообще народовольцы ко времени процесса «20-ти» имели уже большой опыт и своеобразный кодекс поведения на суде, который предписывал им блюсти партийную и революционную этику, но не регламентировал их тактику. Сама жизнь подсказывала народовольцам различные способы поведения без ущерба для революционного достоинства партии. В зависимости от характера и доказуемости обвинения, меры процессуальных ограничений, а также от прочих условий они либо признавали себя членами партии, но отказывались от каких бы то ни было показаний (как это делали на процессе «20-ти» Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова), либо – в тех случаях, когда обвинению недоставало улик, – отрицали даже свою принадлежность к партии (так поступали М. В. Ланганс, Л. С. Златопольский, А. Б. Арончик)²⁴, но чаще всего открыто (даже в нарушение устава, если удавалась революционная демонстрация перед судом) провозглашали себя членами партии и мотивировали ее требования. Так вели себя в деле «20-ти» А. Д. Михайлов, Н. Е. Суханов, Н. Н. Колодкевич, Г. П. Исаев, А. И. Баранников, Т. И. Лебедева, М. Н. Тригони, Л. Д. Терентьева.

Все они подчеркивали, что «Народная воля» – это не «террористическое сообщество», не «шайка убийц», как называл ее прокурор, а политическая партия, борющаяся за «народоправление, пере-

²² Правительственный вестник. 1871. 12 июля. С. 5.

²³ Цит. по : Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 211.

²⁴ Те и другие действовали согласно требованиям народовольческого устава. Между прочим устав обязывал членов Исполнительного комитета называть себя после ареста не членами («Комитет должен быть невидим и недосыгаем»), а только агентами комитета. Это требование все члены комитета выполняли неукоснительно.

ход верховной власти в руки народа»²⁵. По настоянию защиты на процессе «20-ти» было оглашено историческое «Письмо Исполнительного комитета Александру III» от 10 марта 1881 г., которое высоко ценили Маркс, Энгельс и Ленин²⁶. «Письмо» ставило царизм перед выбором: «или революция, совершенно неизбежная, ...или добровольное обращение верховной власти к народу», «общая амнистия» по всем политическим делам и созыв Учредительного собрания с «полной свободой» слова, печати, сходов, избирательных программ²⁷. В согласии с этим документом подсудимые на процессе «20-ти» провозглашали от имени своей партии демократические, а не социалистические требования. Они считали, что политический переворот в России — первоочередная и реальная задача, которая к тому же делает «Народную волю» центром притяжения для широких слоев общества. Естественно, что со скамьи подсудимых в условиях какой-то, хотя бы и весьма ограниченной, гласности и в расчете на гласность они обосновывали главным образом именно эту задачу, но отнюдь не скрывали и своих социалистических убеждений, тем самым давая понять, что их демократическая программа есть программа социалистов. Такая тактика была наиболее целесообразной, ибо она ставила в порядок дня действительно назревшие в России буржуазно-демократические преобразования, временно отодвигая на второй план социалистические требования, являвшиеся тогда чистой утопией. «Все отдаленное, все недостижимое, — читаем в конспиративном письме А. Д. Михайлова с процесса «20-ти», — должно быть на время отброшено»²⁸.

Что касается средств борьбы, то подсудимые указывали на их многообразие в арсенале «Народной воли». «Средствами, — объяснял А. Д. Михайлов, — признаны были: пропаганда партийных идей, агитация среди рабочих и народа, разрушительная террористическая деятельность, удаление более вредных для народа людей, организация тайных обществ вокруг одного центра, усиление связей в обществе, войске, народе, организация и совершение переворота

²⁵ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 68, 86–87, 93, 96, 99; РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3. Л. 1–4.

²⁶ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 202; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 56.

²⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 194, 195.

²⁸ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 217.

при достижении обществом известной силы»²⁹. Признавая «красный» террор не единственным и не главным, а лишь одним из многих средств борьбы, народовольцы подчеркивали его обусловленность. А. Д. Михайлов выразился таким образом: «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки»³⁰. О том же говорили на процессе «20-ти» Н. Е. Суханов, Т. И. Лебедева, Г. П. Исаев. Все они так или иначе подтверждали вывод, который афористически сформулировал на первом же крупном процессе «Народной воли» (по делу «16-ти», в октябре 1880 г.) один из основателей партии С. Г. Ширяев: ««Красный» террор Исполнительного комитета был лишь ответом на «белый» террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого»³¹.

Царизм народовольцы объявляли ответственным и за возможное обострение национального кризиса. На процессе «20-ти» об этом стал говорить Г. П. Исаев, но суд лишил его слова. Исаев, однако, сумел передать на волю текст своей речи, который был гектографирован и ходил по рукам. В нем сказано, что если царизм отвергнет «скромные требования партии», изложенные в «Письме Исполнительного комитета Александру III», то «ударит час, и он уже близко, когда кровь, вместо того, чтобы литься по каплям, как это было до сих пор с той и другой стороны, прольется ручьями... Но кто будет в ответе за это?»³². Н. Н. Колодкевич в показаниях на следствии, а Н. Е. Суханов, Т. И. Лебедева, А. Д. Михайлов прямо со скамьи подсудимых предрекали неотвратимость победы революции, доказывая, что по мере того как царизм тщится искоренить «крамолу», она наперекор всем репрессиям вовлекает в себя все больше и больше людей. «Если не изменятся наши порядки, — говорил Суханов, обращаясь к судьям, — то на этой скамье подсудимых часто будут сидеть и ваши, господа, дети — дети лиц обеспеченных, дети, получившие самое строгое и нравственное воспитание»³³.

Юридической стороной судебного разбирательства народовольцы всегда, и на процессе «20-ти» в частности интересовались мало. Во-первых, они отвергали законность царского судопроизводства в принципе, а, кроме того, видели, что по отношению к ним царизм

²⁹ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 87.

³⁰ Цит. по: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. М.; Л., 1925. С. 157.

³¹ Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 227.

³² РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3, л. 4.

³³ Там же. Д. 391, л. 10.

попирает и существующую законность, – видели и при случае разоблачали это со скамьи подсудимых. «Где же залог беспристрастного правосудия? – допрашивал судей А. Д. Михайлов. – Где посредник, к которому мы могли бы апеллировать? Где общество, где гласность, которая могла бы выяснить отношения враждующих? Их нет, и двери закрыты. И мы с вами, господа судьи, наедине?»³⁴. Понимая, что юридическая полемика с обвинением в таких условиях бесплодна, подсудимые почти не прибегали к ней, хотя иной раз и ставили царских юристов в неловкое положение. Когда, например, П. А. Дейер, злоупотреблявший ссылками на показания умерших или даже казненных свидетелей, попытался запутать подсудимого И. П. Емельянова подтасованными «свидетельскими» показаниями Н. И. Кибальчица и Н. И. Рысакова, Емельянов предложил вызвать свидетелей в суд для допроса. «Они не могут быть приведены: они повешены!» – вспыхнул Дейер. Емельянов отпарировал: «Это не я их вешал!»³⁵.

Кроме Меркулова, все подсудимые на процессе «20-ти» держались мужественно, хотя иные из них – и недостаточно активно. «Некоторая пассивность, – отметил А. Д. Михайлов в письме к друзьям, – выражалась в безучастном отношении к суду, в нежелании объясняться с ним»³⁶. Но и те из подсудимых, кто не проявлял на процессе революционной активности, сохраняли стойкость и верность своей партии, тем самым поддерживая ее авторитет в ущерб авторитету царизма. Так, контрразведчик «Народной воли» Н. В. Клеточников, показавший на дознании, сразу после ареста (из боязни жандармского самосуда), что он помогал революционерам за деньги, на суде нашел в себе силы загладить свою вину перед товарищами и постоять за чистоту знамени, которому служил. Со скамьи подсудимых перед «вертепом палачей» он обвинял Третье отделение и наследовавший ему Департамент полиции как «отвратительное учреждение». «Вы не можете себе представить, что это за люди! – говорил Клеточников об агентах и чиновниках Третьего отделения, – Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду». «Я, – заявил он, – решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность...». Здесь П. А. Дейер прервал объяснения Клеточникова и, чтобы сбить

³⁴ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 72.

³⁵ Бурцев В. Л. Процесс 20-ти // Былое (Лондон). [1902]. № 2. С. 120.

³⁶ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 200.

его на другой тон, вступил с ним в диалог, привлекий к себе общее внимание.

«Председатель (с иронией): Кому же вы служили? Этому отвратительному учреждению (Набоков в волнении встает) ..., т. е., по вашим словам, отвратительному, или кому-нибудь другому?»

Клеточников: Я служил обществу.

Председатель (с иронией): Какому же такому обществу? Тайному или явному?»

Клеточников: Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России».

Тогда Дейер сделал заранее отрететированный выпад, который должен был сразить подсудимого: «Сколько платили вам революционеры за информацию?» Клеточников твердо ответил: «Нисколько». Дейер вскипел: «На дознании вы показали, что брали от революционеров деньги!» Клеточников объяснил: «На дознании я находился совсем в исключительных условиях, не таких, в каких обыкновенно находятся обвиняемые хотя бы и в политических преступлениях. Я находился под тяжелым давлением. Я был весь в руках своего начальства, всемогущего, озлобленного за то, что я так жестоко его обманул. В таком положении можно было и не то наговорить. На самом же деле я действовал, глубоко убежденный в том, что все общество, вся благомыслящая Россия будут мне благодарны за то, что я подрывал деятельность Третьего отделения»³⁷.

К самым мужественным из подсудимых относились женщины процесса «20-ти». Все они были безупречно стойкими, а Т. И. Лебедева (жена М. Ф. Фроленко, прототип Тани Репиной в романе С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов») — и очень активной: приветствовала грядущую революцию и оправдывала царевубийство, подчеркивая, что она «вполне сознательно и совершенно добровольно принимала в нем участие»³⁸. А. Д. Михайлов так писал друзьям из тюрьмы о женщинах своего процесса: «Терентьева — розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева — сильная, решительная и самоотверженная натура. Якимова — простой цельный человек, до конца отдавший делу»³⁹.

Отщепенец и предатель Меркулов тщетно старался очернить бывших своих товарищей в глазах суда и главное перед обществен-

³⁷ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 62–63.

³⁸ Там же. С. 102.

³⁹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 204.

ным мнением, которое узнавало о процессе из официальных и нелегальных источников, а также по слухам. Он «свидетельствовал», будто народовольцы «всеми путями старались привлечь рабочих и простолюдинов к участию в предприятиях партии; с этой целью для них устраивали пирушки, угощали водкой, давали денег, приглашали женщин и т.п.»⁴⁰. Боясь своих сопроцессников, Меркулов перед началом суда даже подал на имя прокурора особое прошение о том, чтобы на суде «во время перерывов» (когда подсудимые ведут себя свободнее) его не сажали рядом с другими подсудимыми. Это ему не помогло. Подсудимый М. В. Тетёрка (тоже рабочий), энергично опровергнув инсинуации предателя, заклеил его прямо на заседании суда увесистой пощечиной⁴¹.

Этот поступок Тетёрки символически обозначил целую пропасть между Меркуловым и остальными девятнадцатью подсудимыми. Таких бойцов, как А. Д. Михайлов и Н. Е. Суханов, М. В. Фроленко и А. И. Баранников, Т. И. Лебедева и Н. Н. Колодкевич, ничто не могло ни сломать, ни утратить, — даже смертная казнь. Идя на смерть, они не жалели о своей судьбе, а напротив, гордились ею. Михайлов так и написал родным перед объявлением ему неизбежно-смертного приговора: «Прекрасна смерть в сражении!»⁴². Баранников после суда писал друзьям, оставшимся на воле: «С глубокой верой в свое святое дело, с твердым убеждением в его близком торжестве, с полным сознанием, что по мере слабых своих сил служил ему, схожу со сцены... Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»⁴³. Столь самоотверженная преданность революционному делу и вера в его грядущее торжество позволяли народовольцам и перед лицом смерти не беспокоиться о себе лично. «Насчет себя, — читаем в перехваченной записке Н. Е. Суханова из тюрьмы к товарищу, — я совершенно спокоен. Тут праздников уже не приходится ждать никаких: повесят и все тут, да на то и пошел». Зато о деле своем, о партии тот же Суханов, как и другие народовольцы, и перед смертью хотел узнать как можно больше, волнуясь за исход борьбы, которой он сам отдал все силы. «Спасибо за новости, — радовался он в цитирован-

⁴⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 81.

⁴¹ Там же. С. 81, 120; Фроленко М. Ф. Процесс «20-ти» // Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 2. С. 143.

⁴² Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 199.

⁴³ Народовец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 133.

ной записке. – Насчет Киева – очень хорошо. Идет волной, когда-то придет девятый вал?»⁴⁴.

Именно идея революции, осознанная и взятая на вооружение, была источником мужества героев процесса «20-ти». Более того, она давала тогда, по словам А. Д. Михайлова, «десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение: идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди «Народной воли», как самая их идея, не знают страха и преград»⁴⁵. Это народовольцы и доказывали на процессе «20-ти», превращая скамью подсудимых в политическую трибуну, а самый процесс – в акт революционной борьбы. Помогала им в этом защита.

Защитниками по делу «20-ти» выступали 16 присяжных поверенных (в том числе такие звезды русской адвокатуры, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, В. Н. Герард, Е. И. Кедрин, А. Н. Турчанинов) и помощник присяжного поверенного Е. Ф. Королев. Никто из них не был революционером, но почти все находились в либеральной оппозиции к самодержавию. Держались они, несмотря на притеснения со стороны суда и прокурора, смело, отчасти даже солидарно с подсудимыми. Прежде всего защита отстаивала свои процессуальные права и на первом же заседании суда выиграла острую схватку с первоприсутствующим, который запретил адвокатам встречаться с их клиентами во время судебного разбирательства. Когда адвокаты выразили протест, сославшись на то, что ст. 569 Устава уголовного судопроизводства не запрещает им «объясняться наедине с подсудимыми, содержащимися под стражею», ни до, ни во время суда⁴⁶, П. А. Дейер объявил, что ст. 569 можно толковать и применительно лишь ко времени до суда, а потом добавил: «Вызвано же мое распоряжение слухом, дошедшим до меня о том, что присяжные поверенные при своих свиданиях с подсудимыми сообщают им о том, что происходит на суде в их отсутствие. Находя подобные действия неблагоприятными, я для сохранения чести сословия присяжных поверенных и притом, стоя, как я уже

⁴⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 82, д. 9124, л. 5–5 об.

⁴⁵ Цит. по: *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. С. 136.

⁴⁶ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883. С. 96.

сказал, на законной почве, и сделал указанное распоряжение». Дейер еще не окончил монолога, когда поднялся присяжный поверенный Герард. «Я, г. первоприсутствующий, — заявил он, — всю жизнь свою забочусь о сохранении чести нашего сословия. Она мне, конечно, гораздо ближе, чем вам. Поэтому я и позволю себе сказать несколько слов. Меня крайне удивляет прежде всего, каким образом до первоприсутствующего могли дойти слухи о том, что говорят присяжные поверенные с подсудимыми. Ведь свидания эти происходят наедине...». Дейер стал в тупик и вынужден был отменить свое распоряжение⁴⁷.

Понимая, что «суд защищен двойной броней как от юридических доводов защиты, так и от воззвания к чувству человечности» (по выражению В. Д. Спасовича), адвокаты на процессе «20-ти» акцентировали не столько юридическую, сколько политическую сторону дела, а именно тщетность карательного террора. Е. Ф. Королев и С. С. Соколов прямо говорили, что избранный царизмом «путь твердости и суровых мер оказался негодным»⁴⁸, причем Королев после ряда замечаний от первоприсутствующего «был судебным приставом выведен из залы суда»⁴⁹. Е. И. Кедрин предостерегал «верхи» от смертных приговоров по политическим делам, указав на то, что «кровь смывается кровью» (здесь первоприсутствующий оборвал речь адвоката)⁵⁰.

Конечно, адвокаты не могли открыто вступить за политические убеждения подсудимых (в чем, кстати, и не было надобности, поскольку сами подсудимые бесстрашно отстаивали свои убеждения). Но они смело, а зачастую и вдохновенно, превозносили моральные качества своих подзащитных, привлекая к ним симпатии общества⁵¹. Спасович подчеркивал, что необходимо смотреть на подсудимых не только со стороны нарушения закона, но и со стороны нравственной: «Конечно, не с точки зрения нравственности Департамента государственной полиции, а нравственности общечело-

⁴⁷ См.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. С. 75, 79.

⁴⁸ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 14 об.

⁴⁹ Бурцев В. Л. Процесс 20-ти // Былое (Лондон). [1902]. № 2. С. 125.

⁵⁰ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 14.

⁵¹ С чувством особой симпатии говорил на суде о «благородной натуре» Н. Е. Суханова его защитник С. С. Соколов (см.: РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 14 об.).

веческой»⁵². «Политические дела, – гордо заявил П. А. Александров, – не из таких, о которые мог бы замарать свои руки адвокат»⁵³.

Обвиняемые по делу «20-ти» тепло отзывались о своих адвокатах. «Как блестяще защищал Спасович Тригони, Александров – Емельянова и многие другие! – писал А. Д. Михайлов товарищам на волю сразу после суда. – После их блестящих речей ничего не хотелось говорить». Своему защитнику Е. И. Кедрину Михайлов написал, месяц спустя, из Петропавловской крепости: «Вы сделали все, что могли... До последнего момента жизни буду с самой горячей признательностью вспоминать о вас»⁵⁴. Кедрин, со своей стороны, в письме к отцу Михайлова от 23 марта 1882 г. преклонился перед «светлым нравственным образом» своего подзащитного, перед «его умом и характером», «мужеством, энергией и непоколебимой твердостью воли»⁵⁵.

15 февраля 1882 г. суд объявил приговор: 10 человек (Михайлов, Суханов, Фроленко, Колодкевич, Исаев, Лебедева, Клеточников, Тетёрка, Якимова, Емельянов) – к смертной казни через повешение; 5 (Морозов, Баранников, Ланганс, Арончик, Меркулов) – к вечной каторге и еще 5 (Тригони, Терентьева, Златопольский, Фриденсон, Люстиг) – к различным срокам каторжных работ, вплоть до 20 лет. Меркулов, которого посадили на скамью подсудимых для вида, милостью царя был освобожден от всякого наказания, а 10 приговоренных к виселице больше 4 недель ждали исполнения приговора в камерах смертников. Вместе с Якимовой все это время содержался в такой камере ее 4-месячный сын (от гражданского брака с Лангансом)⁵⁶.

Трое из осужденных, которые обвинялись без достаточных улик, после суда подали прошения на имя царя: Фриденсон – «о помиловании», Арончик и Люстиг – о смягчении наказания. Такой, хотя и юридически оправданный, шаг был не в правилах народовольцев. Просил о смягчении наказания и Суханов, однако его прошение так оговорено (по просьбе и «ради просьбы матери») и столь сдержанно по тону (ни слова раскаяния), что оно, как и поданное 5 лет спустя,

⁵² Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 186.

⁵³ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 428, л. 31.

⁵⁴ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 210–211, 261–263.

⁵⁵ Цит. по: *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. С. 76.

⁵⁶ *Сергеев В. Д.* А. В. Якимова. Киров, 1970. С. 111–112.

тоже ради матери, прошение Александра Ульянова, не пятнает репутацию подсудимого.

Тем временем русская и европейская общественность тревожилась за судьбу жертв процесса «20-ти». «Что о приговоренных? — писал родным 4 марта 1882 г. Лев Толстой. — Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство»⁵⁷. Пресса Европы осуждала каннибальский приговор по делу «20-ти». Возмущались и социалистические органы, как женеvский «*Revolte*», и радикально-буржуазные, как миланский «*Il Secolo*», и даже консервативные, вроде лондонских «*Таймс*» и «*Дейли Ньюс*». Патриарх европейской литературы Виктор Гюго обратился к правительствам и народам с «Призывом», который был опубликован в газетах разных стран и распространялся в списках по России. «Цивилизация должна вмешаться! — требовал Гюго. — Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!... Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁵⁸.

Царизм вынужден был уступить. 17 марта Александр III заменил виселицу пожизненной каторгой 9 смертникам, и только Николай Суханов как офицер (лейтенант флота), изменивший присяге, 19 марта был расстрелян. Военно-морской министр адмирал И. А. Шестаков записал в своем дневнике: «Суханов вел себя с достоинством. Мертвые сраму не имут»⁵⁹. Все «помилованные» царем смертники, а также «вечники», как называли тогда осужденных на вечную каторгу, были замурованы без срока в одиночные казематы Петропавловской (с 1884 г. — Шлиссельбургской) крепости. Там они большей частью погибли уже в первые 6 лет⁶⁰. Не зря об Александре III говорили, что он заменял смертную казнь через повешение смертной же казнью через пожизненное одиночное заключение. Только трое из жертв процесса «20-ти» — Н. А. Морозов, М. В. Фроленко и А. В. Якимов — дожили до падения царизма. Все они при-

⁵⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., М. 1938. Т. 83. С. 326.

⁵⁸ Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 15. С. 684.

⁵⁹ РГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 17.

⁶⁰ В 1882 г. умерла Терентьева; в 1883 г. — Клеточников, Баранников, Ланганс, Тетёрка; в 1884 г. — Михайлов и Колодкевич; в 1886 г. — Исаев; в 1888 г. — Арончик. В 1887 г. умерла и Лебедева на Кариийской каторге, куда она была переведена в 1884 г. из Петропавловской крепости.

они приветствовали обе революции 1917 г. с надеждой на то, что восторжествуют их социалистические идеи. Фроленко умер в 1938 г., Якимов – в 1942, а Морозов (последним из народовольцев) – 30 июля 1946 г., на 93-м году жизни.

Процесс «20-ти» был многозначным эпизодом русского освободительного движения. Политические процессы в России 1879–1882 гг., т.е. времени второй революционной ситуации, почти все отличались героическими схватками плененных борцов с карательной мощью самодержавия. Процесс «20-ти» достойно увенчал этот ряд процессов. Выступления его героев со скамьи подсудимых и документы, которые они сумели передать на волю (особенно «Завещание» А. Д. Михайлова от 16 февраля 1882 г.)⁶¹, стали действенным оружием борьбы против самодержавия. Правда, эта борьба велась тогда еще под знаменем утопического, крестьянского социализма, но служила необходимым предшествованием социал-демократии. На процессе «20-ти» судились ведущие деятели «Народной воли», которые очень помогли своей партии поднять авторитет русского освободительного движения именно в 1879–1882 гг. на небывалую ранее высоту. Как раз в день открытия процесса, 5 февраля 1882 г., увидел свет № 8–9 нелегальной газеты «Народная воля», где впервые было опубликовано предисловие Маркса и Энгельса ко 2-му русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» с такими словами: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»⁶².

⁶¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 239–240. Первыми словами «Завещания» названа книга об А. Д. Михайлове в серии «Пламенные революционеры» (см.: Давыдов Ю. Завещаю вам, братья... Повесть об Александре Михайлове. 2-е изд. М., 1975).

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

ПРОЦЕСС «17-ти»

Одним из выдающихся политических процессов в России второй половины XIX в. был процесс «17-ти». Он шел в Петербурге с 28 марта по 5 апреля 1883 г. Суду были преданы 7 членов и 2 агента Исполнительного комитета партии «Народная воля» и еще 8 рядовых народовольцев.

Историческая обстановка. К 1883 г. в России уже была исчерпана вторая революционная ситуация и началось засилье реакции. Российская социал-демократия еще не родилась, а «Народная воля», бывшая главной силой освободительного движения, гибла под ударами самодержавия. Царская охранка, во главе которой стоял виртуоз сыска и провокации Г. П. Судейкин, завербовала к себе агенты члена Военного центра «Народной воли» С. П. Дегаева, раскрыла с его помощью чуть ли не всю систему подпольных и легальных связей партии и последовательно уничтожала ее. Именно Судейкин, после того как его агенты выследили динамитную лабораторию «Народной воли», устроил в Петербурге в ночь с 4 на 5 июня 1882 г. облаву, арестовав сразу больше 100 человек, из которых и отбирались жертвы для скамьи подсудимых по делу «17-ти».

Царизм мстительно усиливал «белый» террор против «крамольников», но предпочитал расправляться с ними без суда, в административном порядке, поскольку формальности судопроизводства все же затрудняли месть и расправу. Однако совсем отказаться от политических процессов царизм в 80-е гг. не мог. С одной стороны, это значило бы для правительства афишировать свою реакционность, т. е. поправление собственной судебной реформы 1864 г., которая узаконила преимущественное разбирательство политических дел именно в судах. С другой стороны, административный порядок не допускал наказаний, больших, чем ссылка. Ни повесить революционера, ни отправить его на каторгу, ни заточить в Шлиссельбург административным порядком было нельзя. Между тем иные, «особо важные» революционеры уличались в таких преступлениях, за которые следовало, на взгляд карателей, и каторга, и даже виселица. «Особо

важными» царизм признал и обвиняемых по делу «17-ти». Показательно, что за арест М. Ф. Грачевского Г. П. Судейкин получил 15 тыс. руб.¹ Поэтому царизм продолжал (хотя и гораздо реже, чем до 1883 г.) время от времени устраивать то один, то другой процесс, стараясь покарать «важных» преступников с наибольшей жестокостью и тем самым утратить и деморализовать их единомышленников.

Суд. Судило 17 народовольцев Особое присутствие Правительствующего сената. Оно снискало себе репутацию судилища, холопски зависимого от правительства и палачески жестокого к подсудимым. Составляли Особое присутствие первоприсутствующий и 5 сенаторов, т. е. правительственные чиновники, которых назначал сам царь по своему усмотрению², разумеется, из числа наиболее одаренных карательными способностями. П. Л. Лавров еще в 1875 г. так определил их функции: «судьи-лакеи» и «судьи-палачи»³. На процессе «17-ти» первоприсутствующим был матерый каратель Д. С. Синеоков-Андреевский. Непременными членами Особого присутствия были, в дополнение к сенаторам, так называемые сословные представители: губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина. Эти «делегаты от общества», как именовала их рептильная печать, тоже отбирались строжайшим образом и утверждались царем, а играли, по выражению В. И. Ленина, «жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства»⁴. На процессе «17-ти» выделялся из сословных представителей верноподданнической жестокостью волоколамский уездный предводитель дворянства Д. С. Сипягин – будущий министр внутренних дел, убитый в 1902 г. эсером С. В. Балмашевым⁵.

Особое присутствие всегда судило революционеров с крайним (иной раз даже демонстративным) пристрастием, являя собой живописную иллюстрацию к народной поговорке: «Вершено уставом, да верчено неправом». После того как 14 августа 1881 г. вступило в действие Положение об охране, резко, до минимума ограничившее

¹ ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1894, д. 240, л. 291–292.

² См.: Учреждение Правительствующего сената. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 2. С. 5, 13.

³ Лавров П. Л. Избр. соч. М., 1935. Т. 4. С. 39.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 407.

⁵ Инициалы Сипягина (Д. С.) обыватели, даже далекие от политики, расшифровывали как «Дикая свинья» (см.: Памяти С. В. Балмашева. Женева, 1902. С. 18).

гласность суда, сенаторы стали чинить судебную расправу еще более пристрастно и беспардонно, ибо при закрытых дверях легче было ущемлять такой обязательный принцип пореформенного судопроизводства, как состязательность сторон. Правда, на процессах 1881–1882 гг. (героев 1 марта 1881 г., «20-ти»), пока еще не была исчерпана вторая революционная ситуация и царизм не обрел должной устойчивости, сенаторы несколько осторожничали, проявляли терпимость к процессуальному ритуалу судопроизводства, но с 1883 г. в условиях торжества реакции судебные процессы над революционерами теряют почти все приметы законности. Первым из таких процессов в стенах Особого присутствия стал процесс «17-ти».

Символичной для политических процессов в России 1880-х гг. оказалась фигура прокурора по делу «17-ти». Это был тот самый В. А. Желеховский («судебный наездник», «воплощенная желчь»)⁶, который приобрел скандальную известность предвзятостью, цинизмом, подлогами на знаменитом процессе «193-х» в 1877–1878 гг., затем на время отошел в тень как личность излишне одиозная даже для царского суда и теперь вновь пришелся к стати. Он и в деле «17-ти» остался верен себе, прибегнув к очередному подлогу, а именно: агентурный донос, на который по закону нельзя было опереться, выдал за показания подсудимого А. С. Борейши и, таким образом, попытался заодно скомпрометировать Борейшу в глазах его товарищей⁷.

К услугам суда на процессах «Народной воли» всегда было достаточное число свидетелей – преимущественно из полицейских, шпионов, дворников. На процессе «17-ти» поддерживали обвинение 72 таких свидетеля и только 4 были вызваны от защиты⁸. Зато публика как таковая на процессе фактически отсутствовала. Допускались в зал по именным билетам почти исключительно «высокие» особы из правительства, суда, жандармерии: министр юстиции Д. Н. Набоков, директор департамента полиции В. К. Плеве, прокурор Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев и др. «Прочую» публику представляли только допущенные в порядке исключения матери двух подсудимых – А. В. Буцевича и Р. Л. Прибылевой⁹.

При закрытых дверях судьи могли обходиться с обвиняемыми, а также с доказательствами обвинения без особых церемоний. Но в деле «17-ти» царизм считал судебное разбирательство уже настолько

⁶ Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 59, 64.

⁷ Борейша А. С. К процессу «17-ти» // Былое. 1907. № 1. С. 296–298.

⁸ ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 544, л. 1.

⁹ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 20 об.

формальным, а жесточайшие (каторжные и смертные) приговоры – столь предпрешенными, что позволил себе бесцеремонность даже по отношению к судьям, лишив их возможности ознакомиться с материалами предварительного следствия. «Подлинное производство дела, – рассказывал после суда член Особого присутствия И. И. Глазунов известному историку М. И. Семеvскому, – не было дано для прочтения ни одному из судей. Они судили... только на основании того, что видели перед своими глазами»¹⁰. Видели же они перед собой врагов, которых прокурор изображал слепыми разрушителями, маньяками террора, отделенными «зияющей бездной» «от всех честных и порядочных людей»¹¹.

Обвинение. Система обвинения на процессе «17-ти», как и на большинстве других народовольческих процессов, строилась по готовому штампу: «Народная воля» получила ярлык партии разрушителей и убийц; ей как юридическому субъекту инкриминировалось – не по закону, а по традиции, – цареубийство 1 марта 1881 г., и принадлежность к такой партии сама по себе делала подсудимого причастным к цареубийству и ответственным за него перед законом. Фиксировать же принадлежность подсудимого к «Народной воле» было просто, во-первых, потому, что народовольцы, как правило (на процессе «17-ти» – все, кроме А. С. Бореvши, М. А. Юшковой и Р. Л. Прибылевой), сами заявляли о своей партийности, а если подсудимый не признавал себя народовольцем, следовательно и далее прокурор могли объявить его таковым на основании подтасованных или же выдуманных, а иногда и полученных от предателей «данных». Так и по делу «17-ти» обвинение во многом опиралось на предательские оговоры В. А. Меркулова и Г. Д. Гольденберга¹².

Все 17 народовольцев обвинялись в принадлежности к «тайному преступному сообществу», «имеющем целью ниспровергнуть существующий в империи государственный и общественный строй» (т. е. к партии «Народная воля»), а кроме того, каждый из них – в осуществлении конкретных революционных актов, включая 4 покушения на царя, или в содействии таким актам. Особенно тяжелым было положение М. Ф. Грачевского: он обвинялся сразу в 4 «злодеяниях», за любое из которых подлежал смертной казни (участие в покушении на Александра II летом 1880 г. и в цареубийстве 1 марта 1881 г.,

¹⁰ ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 548.

¹¹ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 21 об.

¹² См.: Процесс 17-ти народовольцев в 1883 г. // Былое. 1906. № 10. С. 201, 203–206, 209, 212.

руководство динамитной лабораторией и типографией «Народной воли»). Прямое или косвенное участие в царевубийстве инкриминировалось также Ю. Н. Богдановичу, П. А. Теллалову, С. С. Златопольскому и П. С. Ивановской. Остальным подсудимым были предъявлены самые разнообразные обвинения: Я. В. Стефановичу – в организации Чигиринского заговора 1877 г. с попыткой поднять крестьян на восстание при помощи подложного манифеста, якобы от имени царя; М. Ф. Клименко – в причастности к убийству военного прокурора генерала В. С. Стрельникова; А. И. Лисовской – в содействии подкопу под Кишиневское губернское казначейство с целью экспроприации его капитала на революционные нужды, и т. д. Все эти обвинения с фактической стороны были верными. Однако прямых доказательств судьям не доставало. Поэтому суд охотно следовал за прокурором в злоупотреблении любыми (хотя бы и вздорными, фальшивыми) косвенными уликами.

Итак, все, казалось бы, предвещало карателям легкий выигрыш процесса «17-ти» – и торжество реакции в стране, и палаческая репутация суда, и чуть ли не узаконенная простота доказательств заданного обвинения, и санкционированная сверху процессуальная бесцеремонность. Но процесс неожиданно для них принял такой оборот, что они вновь, как и на предыдущих процессах «Народной воли», политически и морально проиграли. Главную роль в таком исходе процесса сыграли подсудимые.

Подсудимые. Центральными фигурами процесса «17-ти» были герои народовольческой «старой гвардии», имена которых к тому времени уже знала по материалам предыдущих судебных процессов вся читающая Россия: Михаил Федорович Грачевский – воспитанник Саратовской семинарии, распорядитель штаб-квартиры, типографии и динамитной лаборатории Исполнительного комитета, «министр финансов» партии, организатор студенческих, рабочих и военных кружков в разных концах страны, фанатик революционного дела, живое воплощение силы, энергии, стойкости; Юрий Николаевич Богданович – хозяин знаменитой «сырной лавки» на Малой Садовой улице в Петербурге, из-под которой народовольцы провели минную галерею для убийства царя, создатель первого в России революционного общества «Красный Крест», человек исключительной смелости, выдержки и находчивости; Петр Абрамович Теллалов – организатор и глава отделения «Народной воли» в Москве, «народовольческий московский генерал-губернатор», как его называли, трибун партии, равно впечатлявший красноречием и обаянием;

Александр Викентьевич Буцевич – самый авторитетный (после ареста Н. Е. Суханова в апреле 1881 г.) из руководителей Военного центра «Народной воли», офицер, блестящий по уму и образованию и беззаветно преданный революции. Почти половину обвиняемых составляли женщины. Из них выделялись член Исполнительного комитета, революционерка, блиставшая красотой и разнообразными (организаторским, конспиративным, литературным) талантами, Анна Павловна Корба и агент комитета Прасковья Семеновна Ивановская – представительница славной семьи Ивановских, из которой вышли четверо революционеров, свояченица В. Г. Короленко. Вообще, судились на процессе «17-ти» в основном молодые люди. Самым старшим (Грачевскому, Богдановичу, Буцевичу и Корба) было по 33 года, самой молодой (Юшковой) – 22. Одиннадцать из 17-ти подсудимых были моложе 30 лет.

Если царизм ко времени процесса «17-ти» считал себя безоговорочным победителем и рассчитывал на этом процессе мстить уже побежденному врагу, то сами народовольцы из дела «17-ти» оценивали соотношение политических сил в стране иначе. Арестованные большей частью еще до середины 1882 г., а некоторые (П. А. Теллалов, А. С. Борейша) – даже в 1881 г., они хотя и знали о начавшемся упадке «Народной воли», но недооценивали глубину упадка (декабрьщина и к марту 1883 г., когда начался процесс «17-ти», еще не обнаружилась). С другой стороны, обвиняемые по делу «17-ти» переоценивали затруднения правительства в единоборстве с «Народной волей». «Несмотря на наше крушение, – писала А. П. Корба из тюрьмы на волю до начала процесса, – никогда политические условия не были столь благоприятны для борьбы, как в настоящий момент: это – почти междоусобица. Отложив осенью (1882 г. – Н. Т.) коронацию, они пали столь низко, что никогда более им не подняться»¹³. И далее: «Настроение хорошо, когда видишь безвыходное положение правительства, и скверно, когда думаешь о наших потерях...»¹⁴. Настроенные таким образом подсудимые на процессе «17-ти» уже не могли вести себя так наступательно, как это делали герои предыдущих процессов (в условиях революционного

¹³ А. П. Корба имеет в виду тот факт, что Александр III после убийства Александра II (1 марта 1881 г.) бросил столицу и надолго затаялся в Гатчине, не смея выехать оттуда даже на коронацию. В январе 1882 г. Маркс и Энгельс назвали его «военнопленным революции» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305).

¹⁴ ГАРФ, ф. 1762, оп. 5, д. 59, л. 1 об. – 2.

подъема 1878–1882 гг.), но они еще и не хотели уходить в «глухую оборону».

Свою принадлежность к партии «Народная воля» обвиняемые по делу «17-ти» признавали по-разному. Одни – из числа наиболее опытных и влиятельных революционеров демонстративно, с заведомым расчетом апеллировать к обществу (хотя бы через посредство адвокатов) излагали свою революционную биографию, непременно оговариваясь, что никаких показаний о других лицах, привлеченных к следствию и суду вместе с ними, они давать не желают. Другие – менее опытные и, как правило, более молодые народолюбцы – не имели ни дарований трибунов, ни свойственной вожакам веры в силу агитационного слова и поэтому действовали проще: заявив о своей принадлежности к партии, отказывались объяснять даже собственную (а не только своих товарищей) деятельность.

Важно, что и те, и другие оказались достаточно стойкими для того, чтобы поддержать завоеванную народолюбцами ранее, на судебных процессах 1880–1882 гг., репутацию борцов, которых ничто, даже угроза смерти, не может сломить. Следуют примеру А. И. Желобова и Н. Е. Суханова, казненных по вердиктам предыдущих процессов, М. Ф. Грачевский и П. А. Теллалов на процессе «17-ти» обосновывали закономерность, правоту и неодолимость революционного движения. Особенно впечатляло силой духа последнее слово М. Ф. Грачевского: «Нет, я не могу признать себя виновным при настоящем отношении государственной власти к народу и обществу, при котором ни семейный очаг, ни личность граждан не гарантированы от произвола правительственных тайных и явных агентов, когда по одному простому подозрению в так называемой политической неблагонадежности сотни лиц бросают в тюрьмы, подвергают всем ужасам одиночного заключения, доводящего до быстрой смерти или сумасшествия... При означенных условиях я не только считаю себя вправе защищаться с оружием в руках при нападениях на меня правительственных агентов, я считаю даже нравственно обязательным для себя защищать точно так же и других от их произвола»¹⁵.

Вместе с тем тот же Грачевский и другие герои процесса «17-ти» (Ю. Н. Богданович, П. А. Теллалов, А. П. Корба, С. С. Златопольский) решительно протестовали против «крайней односторонности» в понимании направления «Народной воли» и оценки ее как

¹⁵ Речи подсудимых в процессе «17-ти» // Былое. 1906. № 12. С. 240.

оценки ее как исключительно террористической фракции»¹⁶. Все они — отнюдь не из желания облегчить свою участь, а в интересах истины, справедливости — доказывали, что революционная деятельность «Народной воли» разнообразна и что она включает террор лишь в качестве одного из многих средств борьбы. Всякий раз, когда заходила речь о терроре, народовольцы, судившиеся по делу «17-ти», по примеру своих, ранее осужденных и казненных предшественников, подчеркивали, что «красный» террор обусловлен «белым» террором царизма¹⁷.

Более того, народовольцы на процессе «17-ти» разъясняли, что обусловленность «красного» террора является преходящей, выражали не только от себя лично, но и от имени всей партии готовность отказаться от террора, если царизм допустит в России политические свободы. «Всякое вооруженное действие против правительства и его агентов, — заявил М. Ф. Грачевский, — я считал бы для себя безусловно преступным при существовании в России свободно избранного законного представительства, действительной, а не фиктивной гласности, независимости суда, свободы слова, веротерпимости и личной неприкосновенности граждан...»¹⁸.

Ставить перед царизмом от имени революционной партии свои условия было общим правилом народовольцев на всех политических процессах до 1883 г. После 1 марта 1881 г., когда, с одной стороны, достиг апогея кризис самодержавия, но, с другой стороны, Исполнительный комитет «Народной воли» увидел, что у него нет сил для решающего удара по царизму, народовольцы из тактических соображений некоторое время пытались склонить правительство к согласию на такие требования, которые представляли собой нечто вроде программы-минимум, призванной подготовить условия для реализации программы-максимум. Самым ярким выражением этой тактики явилось историческое «Письмо Исполнительного комитета к Александру III» от 10 марта 1881 г., которое высоко ценили Маркс, Энгельс и В. И. Ленин¹⁹. Именно в духе этого письма народовольцы, судившиеся и по делу «20-ти» в 1882 г., и по делу «17-ти», провозглашали от имени своей партии демократические, а не социалистические требования. Алеллируя со скамьи подсудимых —

¹⁶ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 25 об., 35, 39, 41, 42.

¹⁷ Речи подсудимых в процессе «17-ти». С. 245.

¹⁸ Там же. С. 240, 255.

¹⁹ См.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 202; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 56-57.

через головы судей – к русскому и мировому общественному мнению, они учитывали, что в России политический переворот – первоочередная и реальная задача, которая к тому же делает «Народную волю» центром притяжения для широких слоев общества, тогда как социалистические преобразования остаются пока делом неопределенно далекого будущего. Под таким углом зрения народовольцы на процессе «17-ти» (вслед за героями процесса «20-ти») провозглашали тот минимум демократических преобразований, к которому, по их мнению, «Народная воля» могла бы в данный момент принудить царизм. И Грачевский, и Богданович, и Теллалов, и Корба (а все они были членами Исполнительного комитета – центральными фигурами процесса) требовали от имени партии лишь народного представительства в лице Учредительного собрания и элементарных политических свобод: слова, вероисповедания и т. д.²⁰. «Обвиняемые, – рассказывал М. И. Семевскому член суда И. И. Глазунов, – тщательно скрывали в своих объяснениях коммунистические и анархические свои затеи..., а беспрестанно вдавались в рассуждения о необходимости дарования России конституции»²¹.

При этом почти никто из подсудимых на процессе «17-ти» (исключая отчасти Я. В. Стефановича и М. А. Юшкову) не умалял своего личного участия в революционных актах, даже самых «преступных». А. В. Буцевич, которому инкриминировалась «измена России и ее царственному вождю», как явствует из обвинительного акта, еще на следствии «объяснил, что считает себя обязанным в качестве русского офицера защищать интересы России и ее представителя государя императора до тех пор, пока интересы России и ее государя солидарны между собою, но что когда означенные интересы окажутся несовместимыми, то он, Буцевич, признает своим долгом стать на сторону народа»²². М. Ф. Грачевский старался даже взять на себя чужую вину. «Раскаяния не было видно и не было слышно ни в одном из этих преступников», – такое впечатление составил судья И. И. Глазунов обо всех «17-ти»²³.

Пожалуй, только Я. В. Стефанович и М. А. Юшкова держались на скамье подсудимых несколько по-особому. Они тоже не раскаивались и никого не выдавали, но не по-народовольчески лавировали

²⁰ См.: Речи подсудимых в процессе «17-ти» // Былое. 1906. № 12. С. 240, 245, 247–248; РГИА. Ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 26 об.

²¹ ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 545–545 об.

²² Процесс 17-ти народовольцев в 1883 г. // Былое. 1906. № 10. С. 224.

²³ ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 548 об.

между признанием и отрицанием своего участия в делах «Народной воли». Стефанович произнес на суде довольно путаную речь, в которой объявил, что если выбирать, кто с большей пользой для народа мог бы взять на себя почин «пересоздания к лучшему существующих государственных форм» – общество, верховная власть или революционная партия, он, Стефанович, предпочел бы верховную власть²⁴. Здесь не надо забывать, что Стефанович был черноперельцем, в «Народную волю» вступил лишь за несколько месяцев до своего ареста и ко времени процесса «17-ти» «не слился с нею всеми силами ума и сердца, как большинство из нас, в его глазах деятельность, значение, самые принципы партии не имели той громадной цены, которую мы им придавали», – писала А. П. Корба²⁵.

Чисто юридической стороной судебного разбирательства обвиняемые на процессе «17-ти», как и на предыдущих процессах «Народной воли», интересовались мало, понимая, что в условиях, когда гласность и состязательность судопроизводства низведены почти до нуля, юридически полемизировать с обвинением бесполезно. П. А. Теллалов так отреагировал на обвинительную речь В. А. Желеховского: «Он не только отказывает нам в чувстве человечности, но и в делах наших он видит одну лишь утоловщину, а в нас самих – воплощение злой воли и закоснелость в преступлениях. На последнее ему я и не возражу, так как это не обвинение по существу, это оскорбление, это простая брань, а я дорожу своим временем...». Здесь з негальном издании отчета в процессе «17-ти» следует ремарка: «Первоприсутствующий прерывает»²⁶. Оба юридических демарша, предпринятые подсудимыми перед Особым присутствием Сената (заявление И. В. Калюжного об отводе из состава суда П. К. Жерве, по распоряжению которого Калюжный в свое время был уволен из Харьковского университета²⁷, и протест А. С. Борейши против навета, мошеннически приписанного ему прокурором В. А. Желеховским), были отклонены.

На судебных процессах «Народной воли» главной всегда была не юридическая, а политическая сторона дела. Так и на процессе «17-ти» главное заключалось в том, что революционеры, судившиеся по этому делу, своими программными заявлениями, антиправительственной апелляцией к обществу, всем своим поведением превращали

²⁴ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 485, л. 3 об.

²⁵ Прибылева-Корба А. П. Указ. соч. С. 254.

²⁶ РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 38 об.

²⁷ Текст заявления И. В. Калюжного см.: ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 544, л. 239.

судебный процесс над ними в арену борьбы против царизма, а скамью подсудимых — в трибуну для разоблачения царского режима и для пропаганды революционных идей. Существенно помогли им в этом адвокаты.

Защита. Защищали подсудимых по делу «17-ти» 12 присяжных поверенных, в том числе такие выдающиеся адвокаты, как В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, С. А. Андреевский, Н. П. Карбачевский, Н. И. Холева, Е. И. Кедрин. Все они уже давно находились в либеральной оппозиции к самодержавию и вновь не без успеха противостояли суду, хотя и защищали подсудимых менее энергично и вдохновенно, чем на предыдущих процессах, в годы демократического подъема. Слывший тогда «королем адвокатуры» В. Д. Спасович опроверг и высмеял юридическую базу обвинения. «Ошибка обвинения, — говорил он, — заключается в том, что сообщество, по его понятиям, — дело, окончательно решенное по прежним приговорам, которые уже вырыли глубокую и большую яму, имеющую готовое отверстие («шахту»), как выразился Спасович далее в этой же речи. — Н. Т.), и в это готовое отверстие надлежит только уложить всех нерешенных еще сообщников. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и где-либо приходили с сообществом в соприкосновение, то и баста, то и придется укладывать их в эту рамку. Она составлена по статье 242 Уложения, а статья 242 допускает одну только меру для сообщников — смертную казнь». Спасович осудил и манеру царских юристов на каждом процессе «Народной воли» выставять исходным пунктом обвинения царевубийство 1 марта 1881 г.: «Не для настоящего процесса, так для будущего пойдет впрок, если практика перестанет производить все будущие процессы от царевубийства 1881 г., как не производятся... все дела об убийстве от убийства Авеля Каином»²⁸.

К судьям и прокурору адвокаты на процессе «17-ти» не проявляли должного почтения, а присяжный поверенный. П. А. Александров (прославившийся еще в 1878 г. блестящей защитой Веры Засулич) позволил себе дерзкий выпад против В. А. Желеховского, который вызывал брезгливость не только у революционеров. Когда прокурор в ответ на вопрос первоприсутствующего сказал, что он ничего не имеет против отклонения заведомой лжи одного из свидетелей обвинения, Александров громко, хотя и будто бы в сторону,

²⁸ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин, 1900 С 88–89, 106.

заметил: «Еще бы имел что-нибудь этот мерзавец!». «Нам казалось, – вспоминал об этом инциденте А. В. Прибылев, – что суд и сам прокурор должны были слышать эту резкую реплику, но никто не поднял голоса по этому поводу, и все прошло благополучно, отчасти позабавив нас»²⁹.

Зато к подсудимым адвокаты относились с нескрываемой симпатией. Присяжный поверенный Е. И. Кедрин (ранее защищавший Софью Перовскую на процессе по делу 1 марта 1881 г. и Александра Михайлова – на процессе «20-ти») сказал о своем подзащитном А. В. Бутевиче такую речь, которую один из подсудимых сравнил с «художественной поэмой в защиту чистой и красивой молодой погибающей жизни»³⁰. Показателен и такой факт: уже после приговора защитник Н. И. Холева принес в камеру своей подзащитной П. С. Ивановской несколько алых роз, спрятав их у себя в шляпезе. Главное же – адвокаты косвенно оправдывали молодое поколение революционеров («недовольное настоящим, как мы все, но, кроме того, демонстрирующее свое неудовольствие, чего мы, старые и искусившиеся, не делаем») и предостерегали карателей от смертных приговоров: «Излечение не достигается казнями!»³².

Серьезно повлиять на приговор суда по делу «17-ти» защитники не могли. Даже Спасович, который ради облегчения участи своих клиентов, супругов Прибылевых, умалаял – к неудовольствию всех подсудимых – силу революционной партии, внушая судьям, что Исполнительный комитет «Народной воли» – это «только миф, совершенно похожий на Священную Римскую империю, которая не была ни священной, ни римской, ни империей»³³, даже он не смог вывести хотя бы Р. Л. Прибылеву из-под каторжного приговора. Но не в смягчении приговора главным образом выразилась та услуга, которую оказали адвокаты подсудимым по делу «17-ти» и всему революционному движению, а в том, что они дискредитировали юридическую базу обвинения, поддержали нравственную и политическую репутацию врагов царизма и ударили по официально-бывательским представлениям о них как о «злодеях».

Приговор. Приговор по делу «17-ти» был объявлен 5 апреля 1883 г.: М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, П. А. Теллалов, А. В. Бу-

²⁹ Прибылева А. В. Записки народовольца. М., 1930. С. 74.

³⁰ «Народная воля» перед царским судом. М., 1930. С. 137.

³¹ Карабчевский Н. Л. Что глаза мои видели? Берлин, 1921. Ч. 2. С. 42.

³² Спасович В. Д. Указ. соч. С. 97, 109.

³³ Там же. С. 98.

цевич, С. С. Златопольский и М. Ф. Клименко³⁴ — к смертной казни через повешение; П. С. Ивановская — к вечной каторге, А. П. Корба — к 20 годам каторги, остальные 9 человек — к различным срокам каторжных работ, от 8 до 15 лет. Через два месяца, в течение которых «смертники» со дня на день ждали исполнения приговора, Александр III «помиловал» их вечной каторгой, а также заменил М. А. Юшковой, А. С. Бореише и Х. Г. Гринберг каторгу ссылкой в Сибирь.

Из всех осужденных только юная Мария Юшкова просила о смягчении наказания. Но не столько она, сколько Я. В. Стефанович представил собой исключение среди «17-ти» по тому, как он вел себя в царской неволе. Он ни о чем не просил карателей после суда, но еще в предварительном заключении затеял сомнительные переговоры с директором департамента полиции В. К. Плеве, подтвердив при этом часть сыскных данных. Поэтому и приговор ему был вынесен удивительно мягкий по сравнению с другими членами Исполнительного комитета: 8 лет каторги.

У большинства же осужденных по делу «17-ти» судьба сложилась трагично. Все шестеро приговоренных к смерти и «помилованных» вечной каторгой были загублены тюремщиками Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей в течение 1883–1888 гг. Михаил Грачевский 27 октября 1887 г. в Шлиссельбурге сжег себя, чтобы ценой своей гибели добиться облегчения невыносимого шлиссельбургского режима для своих товарищей. В 1889 г. в каторжной тюрьме на р. Каре в Забайкалье покончили с собой в знак протеста против изверства карателей И. В. Калужный и Н. С. Смирницкая. На каторге погибла и А. И. Лисовская.

Процесс «17-ти» был последним, где судились сразу несколько (семь) членов Исполнительного комитета «Народной воли». В дальнейшем из членов комитета предстали перед царским судом только Вера Фигнер по делу «14-ти» и (как член Распорядительной комиссии, заменившей ИК) Герман Лопатин по делу «21-го». В числе «17-ти» выходили из строя «последние могикане» Исполнительного комитета. Расправа с ними фактически обезглавила «Народную волю». Но судившиеся на процессе «17-ти» народовольцы своим героическим поведением засвидетельствовали непрерывность революционной традиции в России, еще раз показали, что

³⁴ Рядовой народоволец, рабочий М. Ф. Клименко был поставлен вровень с главными обвиняемыми за причастность к убийству прокурора В. С. Стрельникова.

русское освободительное движение, несмотря на всю тяжесть его идейных заблуждений, практических неудач, людских потерь, преодолимо.

Была у судебных процессов «Народной воли», начиная с процесса «17-ти», и еще одна сторона. Все они как бы подтверждали в глазах карателей старую истину, что главным, наиболее опасным врагом царизма являются народовольцы, причем каратели долго не замечали, как эта истина обращается в иллюзию. Сосредоточив основное внимание на борьбе с народовольцами, с их террористическими умыслами, царизм тогда явно недооценивал социал-демократическую пропаганду и агитацию. Тем временем, пока «Народная воля» вызывала на себя огонь царских репрессий и гибла под ударами самодержавия, русская социал-демократия росла, набирала сил. Отбросив народнические заблуждения, социал-демократы унаследовали опыт и героизм борьбы «Народной воли», а также ее (оставшиеся нерешенными) политические задачи, которые так настойчиво провозглашали со скамьи подсудимых герои процесса «17-ти». «...Ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, — подчеркнул в 1899 г. В. И. Ленин, — социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»»³⁵.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.4. С. 176.

24-28 сентября 1884 г. в Петербурге проходил один из крупнейших политических процессов того времени – по делу «14-ти». Суду были преданы член Исполнительного комитета партии «Народная воля» В. Н. Фигнер, 6 членов Военно-революционной организации «Народной воли» и 7 «штатских» народовольцев.

Своеобразие процесса. Главной особенностью этого процесса было предание суду группы военных революционеров – офицеров армии и флота, представлявших невиданную в России по масштабам и мощи со времен декабристов Военно-революционную организацию «Народной воли». Эта организация объединяла не менее 50 кружков более чем в 40 городах с участием 400 офицеров¹, имела обширные связи, вплоть до высших военных сфер (М. Д. Скобелев, начальник Академии генерального штаба М. И. Драгомиров), и готовила к восстанию крупные силы: только в Кронштадте она рассчитывала «на два морских экипажа (около 8 тыс. человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизоны девяти крепостных фортов»².

Однако в критический момент, когда Военно-революционная организация уже готовилась восстать, она была выдана провокатором. Артиллерийский штабс-капитан С. П. Дегаев, бывший членом Военного центра «Народной воли», в декабре 1882 г. попал в руки жандармов. Возглавлявший тогда жандармскую охранку виртуоз сыска и провокации Г. П. Судейкин морально выпотрошил Дегаева и заставил служить себе, прельстив его иезуитским планом: Дегаев должен был при содействии охранки устранить старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором он стал бы диктатором; затем Судейкин и Дегаев вдвоем, чередуя убийства правителей России (руками террористов) и расправу с

¹ Годунова Л. Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 123.

² Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924. С. 97.

убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, держа в повиновении правительство террором, а террористов – охранкой³.

Дегаев, движимый таким планом, старался изо всех сил. Он выдал Военный центр «Народной воли» и все ее местные военные группы. Были арестованы 200 офицеров, а уцелевшие разуверились в народовольчестве и разбрелись. От Военно-революционной организации не осталось камня на камне. 10 февраля 1883 г. по указанию Дегаева в Харькове была схвачена В. Н. Фигнер – последний член Исполнительного комитета, еще действовавший в России на свободе. Сохранилось лишь заграничное представительство комитета в Париже. Рядовые народовольцы были деморализованы. Партия оказалась на краю гибели.

Царизм, естественно, радовался столь очевидному разгрому «крамолы». Но вместе с тем он был и напуган самим фактом (не говоря уже о масштабах) революционной пропаганды в войсках, еще недавно казавшейся почти невозможной. Ведь в 1879 г. военный министр уверял царя, что среди политических «злоумышленников» «военнослужащие составляют едва заметное исключение»⁴. Теперь же, когда были арестованы сотни офицеров, подвизавшихся в десятках революционных кружков, карателям было над чем задуматься. «Крамola» проникла в армию – царизм увидел здесь для себя смертельную опасность, ибо армия была его главной опорой. Следовало бы нещадно покарать всех военных «крамольников», но невыгодно было возбуждать толки, излишний «шум» вокруг столь прискорбного для правительства факта, как революционная организация в армии. Что делать?

Власти избрали такой ход. С одной стороны, они в некотором роде «замыли» дело, подвергнув абсолютное большинство арестованных офицеров умеренным наказаниям без суда (ссылка, разжалование, полицейский надзор). Директор департамента полиции В. К. Плеве сожалел, что поневоле придется быть снисходительным ввиду такого значительного числа преступников из военных. Под суд из них были отданы по делу «14-ти» только шестеро. Зато судебный процесс «14-ти», т. е. фактически дело Военно-революционной организации «Народной воли», власти обставили для острастки военных революционеров с подчеркнутой жестокостью, тем более, что

³ См.: Дегаевщина (Материалы и документы) // Былое. 1906. № 4. С. 31–32; Троицкий Н. А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3.

⁴ РГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 49

реакция, воцарившаяся в России с 1881 г., и ужесточение законодательства по политическим делам способствовали этому. Еще по указам от 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г. политические дела большей частью были переданы военным судам, а Положение об охране от 14 августа 1881 г. свело к минимуму гласность судопроизводства, стимулируя тем самым произвол судебных властей.

К делу «14-ти» привлекались не только военные, но и сугубо штатские лица, среди них: грузинский писатель И. Г. Чавчавадзе, корифей украинского театра М. Л. Кропивницкий и И. К. Карпенко-Карый, педагог С. Г. Рубинштейн. Все они были освобождены, поскольку их причастность к «Народной воле» и ее Военной организации не была доказана. Те же, кто был уличен в этом (таких оказалось 8 человек), заняли место на скамье подсудимых рядом с шестью офицерами.

Обвинение. Всем «14-ти» было предъявлено традиционное (и тягчайшее) для того времени обвинение – в принадлежности к «Народной воле»⁵. Поскольку же «Народная воля» уже получила на судебных процессах 1881–1883 гг. ярлык партии царевубийц и ей инкриминировалось – не по закону, а по традиции – царевубийство 1 марта 1881 г., то принадлежность к такой партии сама по себе делала подсудимого причастным к царевубийству и ответственным за него перед законом. Даже принадлежность к Военно-революционной организации здесь мало что значила. Тем не менее каждому из «14-ти» предъявлялось еще какое-нибудь конкретное обвинение (а то и ряд обвинений): Вере Фигнер – в неоднократных покушениях на жизнь царя, Людмиле Волкенштейн – в причастности к убийству харьковского генерал-губернатора Д. Н. Кропоткина, Дмитрию Суворову – в устройстве нелегальной типографии и т. д.

Сбором улик обвинители и на предыдущих процессах «Народной воли» не очень утруждали себя. Теперь же они охотно положились на предательские оговоры С. П. Дегаева. Сами народовольцы считали даже, что процесс «14-ти» «был весь создан предательством Дегаева»⁶. Действительно, обвинительный акт почти целиком был смонтирован из дегаевских показаний, иной раз вполне голословных. И. П. Ювачев, к примеру, обвинялся в совместных действиях с В. Н. Фигнер и главой Военно-революционной организации А. В. Буцевичем, тогда как он до суда «ни Буцевича, ни Фигнер ни-

⁵ Обвинительный акт по делу «14-ти» см.: Вестник «Народной воли». 1885. № 4. С. 119–149.

⁶ Чуйко В. И. К процессу «14-ти» // Народовольцы. М., 1931. Сб. 3. С. 185.

когда не видел, даже по фотографии, и никаких сношений с ними не имел» и вообще из всех «14-ти» был знаком только с М.Ю. Ашенбреннером⁷.

Правда, здесь обвинители попали в затруднение, поскольку ссылаться на Дегаева они не могли. Дело в том, что Дегаев еще летом 1883 г., страшась разоблачения, покаялся в своем предательстве перед заграничными представителями Исполнительного комитета «Народной воли». Те гарантировали ему жизнь при условии, что он организует убийство Г. П. Судейкина. 16 декабря 1883 г. Дегаев заманил своего шефа к себе в квартиру, где Судейкин и был убит подстерегавшими его народовольцами. Дегаев же после этого скрылся за границу. Царизм отправил в погоню за ним сыщиков и не терял надежды вытребовать его у любого правительства. В случае же, если бы на суде подверглась огласке деятельность Дегаева как провокатора, рассчитывать на его выдачу из-за границы было бы юридически невозможно. Поэтому царские юристы, опираясь на показания Дегаева, его самого ни в обвинительном акте, ни на суде не называли.

Более того, судебная власть цинично отрицала всякую связь обвинения с наветами Дегаева. Фигнер сделала суду прямой запрос, почему Дегаев не фигурирует ни среди подсудимых, ни в числе свидетелей и «нужно ли смотреть на Дегаева как на предателя, агента департамента полиции?». Суд ответил, что ему ничего о каких-либо показаниях Дегаева неизвестно⁸.

Судьи. Дело «14-ти» рассматривал Петербургский военно-окружной суд. Его составляли председательствующий генерал-лейтенант В. М. Цемиров (тесть старшего брата художника К. А. Сомова) и пять полковников. Отличительной чертой военно-судебного разбирательства политических дел в царской России всегда была крайняя бесцеремонность. С. М. Кравчинский имел основания заявить, что военные суды «являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги»⁹. Таким был и военный суд по делу «14-ти». Заседания суда проходили при закрытых дверях. «Публику» изображали лишь несколько высших чиновников, отличавшихся, как заметил С. М. Кравчинский, «сверхъестественной верноподанностью»; среди них были министры внутренних дел (граф

⁷ См.: Ювачев И. П. В Шлиссельбургской тюрьме // Исторический вестник. 1906. № 2. С. 464.

⁸ Чуйко В. И. Указ. соч. С. 193.

⁹ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964. С. 131.

Д. А. Толстой) и юстиции (Д. Н. Набоков). Не допускались в зал даже родственники подсудимых. На всех процессах «Народной воли» суд предвзято использовал свидетелей. Их всегда подбирали главным образом из «казенной» публики: дворников, полицейских, филеров. На процессе «14-ти» даже таких свидетелей было всего 2-3 (дворники домов, где жила Фигнер), да еще «на пять минут показавшийся запуганный эксперт»¹⁰. Судьи не нуждались ни в свидетелях, ни в экспертах, все заменяли оговоры Дегаева.

Печатать что-либо о процессе было запрещено. Только через две недели после суда, 12 октября «Правительственный вестник» обнародовал суть дела и приговор (к тому времени уже приведенный в исполнение). Понятно, что при отсутствии гласности военные судьи не церемонились ни с обвиняемыми, ни с адвокатами, ни с процедурой суда. Генерал Цемиров, солдафонски неучливый, по словам очевидцев, «вел себя, как полицейский», нервировал подсудимых грубыми окриками, то и дело прерывал их объяснения, грозил лишить слова. В агентурном донесении для департамента полиции зафиксировано, что он четырежды прерывал короткую речь подсудимого Н. Д. Похитонова, а другому подсудимому – А. П. Штротбергу – вообще не дал говорить.

К обвиняемым-офицерам судьи относились палачески. Подводя каждого из них под смертный приговор, они не посчитались даже с тем, что подпоручик А. П. Тиханович в тюрьме стал душевнобольным, отклонили требование защиты о психиатрической экспертизе Тихановича и осудили его на виселицу¹¹.

Вера Фигнер. Центральным лицом процесса была Вера Николаевна Фигнер – одна из самых выдающихся женщин-революционерок в России. Она отличалась умом и красотой, после гибели А. И. Желябова и С. Л. Перовской была высшим авторитетом в партии, производила неотразимое впечатление на всех, кто с ней сталкивался (включая даже врагов), цельностью, силой и благородством характера. Даже бурбон Цемиров, обращаясь к ней на суде, вдруг вместо «подсудимая Фигнер» уважительно произносил «Вера Николаевна».

Еще до процесса «14-ти» имя Веры Фигнер получило широкую известность как в революционных, так и в правящих кругах по ма-

¹⁰ Ашенбреннер М. Ю. Указ. соч. С. 109.

¹¹ «Милостью» царя А. П. Тиханович был заточен навечно в Шлиссельбургскую крепость и там спустя каких-нибудь 3 месяца (в декабре 1884 г.) покончил с собой.

териалам всех предыдущих процессов «Народной воли». В день ее ареста Д. А. Толстой донес царю об этой удаче, и Александр III на полях донесения радостно пометил: «Наконец, попалась!»¹². Естественно, что революционерка с такой репутацией оказалась на процессе «14-ти» главной «преступницей» и героиней, как бы олицетворением «Народной воли». Вела она себя на дознании, следствии и суде так, как принято было между членами первого состава Исполнительного комитета («Великого ИК», по выражению современников). Собственную деятельность Фигнер не скрывала. В первом же показании она признала свою принадлежность к «Народной воле» и к Исполнительному комитету и перечислила все свои «государственные преступления» — от участия в Казанской демонстрации 1876 г. до устройства одесской типографии «Народной воли» в 1882 г., не преминув отметить, что она «знала и одобрила замысел Александра Соловьева» на царевубийство, что бомбы, которыми был убит Александр II, изготовлялись в ее квартире и что она «принимала участие в убийстве» жандармского проконсула Юга России В. С. Стрельникова (без оговорок о косвенном характере этого участия). С 19 февраля по 3 апреля 1883 г. в Петропавловской крепости Фигнер писала обширные (30 страниц бисерным почерком) автобиографические показания¹³, в которых она, подобно осужденным ранее членам «Великого ИК» Александру Михайлову, Степану Ширяеву, Михаилу Грачевскому и др., мотивировала историческую обусловленность революционного пути для партии в целом и каждого из ее членов в отдельности.

Разумеется, Фигнер, как и ее предшественники, не задавалась целью распропагандировать своими показаниями царских чиновников¹⁴, но расчет на то, чтобы лишний раз подчеркнуть перед карателями неотвратимость и неодолимость революционного движения, у нее, видимо, был. К тому же не исключалась возможность огласки таких показаний в обществе. Государственный секретарь А. А. По-

¹² РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 335, л. 184.

¹³ Подлинник см.: РГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1-2, л. 15-44. Опубликовано: Былое. 1917. № 2-4.

¹⁴ Любопытно, что Д. А. Толстой, пожелав после ареста Фигнер лично допросить ее, долго разглагольствовал перед ней о бесплодности «крамолы» и в заключение сказал: «Жаль, нет времени, а то я убедил бы вас». Фигнер на это в тон министру ответила: «Я тоже жалею. Надеюсь, я обратила бы вас в народо-вольца» (см.: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 362).

ловцов 23 марта 1883 г. записывал в дневнике со слов Д. Н. Набокова: «Государь читает дневник (т.е. автобиографические показания. — Н. Т.) Веры Филипповой¹⁵ и очень им интересуется»¹⁶. Однако все попытки следователей выведать у нее хоть что-нибудь о «сообщниках» Фигнер решительно пресекала. В материалах процесса «14-ти» сохранилось несколько ее показаний с отказом отвечать на такие вопросы. Вот одно из них, от 16 июня 1883 г.: «Никаких объяснений по поводу лиц, арестованных в последнее время в г. Харькове, и вообще обстоятельств дознаний, возникших там после моего ареста, я сделать не могу. Вера Фигнер»¹⁷. В речи на суде Фигнер сделала упор на том, что «в России нет политической свободы» и что поэтому главной задачей русских революционеров является «уничтожение абсолютистского образа правления», причем сама жизнь диктует революционерам суровую истину: «единственный путь, которым данный порядок может быть изменен, есть путь насильственный». «Раз приняв это положение, — заявила Фигнер, — я пошла этим путем до конца»¹⁸.

Для других подсудимых Фигнер была общепризнанным лидером: с нее брали пример, к ней в трудную минуту обращались за советом. Когда некоторые офицеры решили было подать прошения о помиловании, лейтенант А. П. Штромберг, человек безупречного мужества, захотел узнать, что думает об этом Фигнер. Вера Николаевна ответила: «Никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама»¹⁹. После этого не только Штромберг, но и вообще никто из «14-ти» не подал прошений о помиловании.

Другие подсудимые. Из других подсудимых особое внимание привлекали к себе, естественно, офицеры: подполковник Михаил Юльевич Ашенбреннер, кавалер пяти боевых орденов, который имел выдающуюся репутацию и широкие связи в армейских кругах, что позволяло «Народной воле» использовать его как эmissара в сношениях Военного центра партии с местными кружками; члены Военного центра — артиллерийский поручик, с умом философа,

¹⁵ Фамилия В. Н. Фигнер по мужу.

¹⁶ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 71.

¹⁷ РГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1-2, л. 133.

¹⁸ Речь В. Н. Фигнер на процессе «14-ти» впервые была опубликована в Листке «Народной воли» (1886. № 3). Полностью воспроизведена в кн.: Фигнер В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 381-388.

¹⁹ Фигнер В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 390.

сердцем ребенка и внешностью былинного богатыря, Николай Михайлович Рогачев и лейтенант флота, аристократ по крови и народолюбец по убеждениям, барон Александр Павлович Штромберг; штабс-капитан Николай Данилович Похитонов, сын генерала, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., кавалер шести орденов, близкий друг семьи академика В. И. Вернадского; прапорщик Иван Павлович Ювачев и подпоручик Александр Пахомович Тиханович.

Все они вели себя на процессе достойно, хотя и по-разному. Больные Тиханович и Ювачев держались пассивно, но никого и ничего не выдавали, ни в чем не раскаивались. Ашенбреннер и Штромберг принципиально отказывались от показаний, чтобы не повредить товарищам по делу, парируя в то же время явные натяжки обвинения. Так как Ашенбреннеру инкриминировали конспиративное свидание в его доме на Надеждинской улице столицы, он, естественно, возражал, поскольку его дом был на улице Пушкинской. «Это все равно, – отмахнулся прокурор. – Пушкинская или Надеждинская улица: они параллельны». «Г. прокурор, – заявил Ашенбреннер, – в Петербурге все улицы параллельны и перпендикулярны. Я не юрист, но знаю, что для установления алиби достаточно, если в момент моего предполагаемого свидания я находился не в той же комнате!»²⁰.

Похитонов выступил на суде с яркой обличительной речью, не взирая на все попытки председателя остановить его. «Я был отправлен в Болгарию во время оккупации²¹, – говорил он. – Что же я там встретил? Полную свободу, постоянные сходки, на которых свободно обсуждались всевозможные вопросы политического характера... Вернувшись в Россию из освобожденной Болгарии, что я встретил? Полнейшее бесправие, произвол и казни, словом – страшный контраст. Я решил, что всему причиной – существующий строй, и потому вступил на путь революции»²².

Оригинально повел себя в деле «14-ти» Рогачев. Он дал подробнейшие показания о Военно-революционной организации «Народной воли», рисуя эту организацию в крайне преувеличенном виде, с очевидным для историка расчетом припутнуть правительство. Так, сообщив о том, что «во всяком большом городе» «Народная воля» уже имеет один или несколько военных кружков и, кроме того, «во

²⁰ Ашенбреннер М. Ю. Указ. соч. С. 108.

²¹ Имеется в виду пребывание русских войск в Болгарии по условиям Берлинского конгресса 1878 г.

²² ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 30–31.

всех частях войска есть масса офицеров, готовых немедленно вступить в партию», Рогачев заявил: «Мне, разумеется, неизвестно, какие сведения имеются в руках власти относительно Военной организации, но, судя по предъявленным мне карточкам, я смело утверждаю, что открыта лишь ничтожнейшая часть. Правда, систематические аресты последнего времени доказывают, что в наших рядах появился шпион, но если бы их было даже несколько, то и тогда они не могли бы выдать всю партию»²³.

Судившиеся по делу «14-ти» еще 7 «штатских» народовольцев (Л. А. Волкенштейн, В. Г. Иванов, А. А. Спандони, Д. Я. Суровцев, В. И. Чуйко, А. И. Немоловский, Л. В. Чемоданова) тоже вели себя мужественно, отказываясь, как правило, от каких-либо объяснений перед судом, причем Немоловский дерзко предложил: «Прошу суд приговорить меня к смертной казни»²⁴.

Адвокаты. Защищали подсудимых на процессе «14-ти» 8 присяжных поверенных, в том числе такие корифеи адвокатуры, как В. Д. Спасович, В. Ф. Леонтьев, П. В. Макалинский. Военный суд, всегда прибегавший к стеснению узаконенных прав защиты, и в деле «14-ти» остался верен себе: по данным С. М. Кравчинского, адвокаты «получили доступ к материалам следствия только за два часа до начала суда»²⁵. На суде они вели себя неодинаково. Спасович вновь, как и на предыдущих процессах «Народной воли», вскрывал юридическую несостоятельность обвинения всех вообще народовольцев «задним числом» в актах террора, независимо от того, кто и когда их совершал от имени партии. Но он не отказался и от привычки умять (ради облегчения участи своих подзащитных) силу и значимость революционной борьбы²⁶. Солидарно с подсудимыми выступали на процессе только защитник Веры Фигнер В. Ф. Леонтьев и П. В. Макалинский, защищавший А. П. Штромберга²⁷. Остальные адвокаты, отрицательно относившиеся к «крайно-

²³ Революционное народничество 70-х годов XIX в. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 292, 299.

²⁴ ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 28.

²⁵ Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч. С. 127.

²⁶ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин, 1900. С. 123–124.

²⁷ См.: Спандони А. А. Страница из воспоминаний // Былое. 1906. № 5. С. 32–33. Макалинский сам участвовал в революционном движении 60-х годов (см.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 391–392), а Леонтьев подвергался репрессиям за связь с революционным подпольем в 70-е годы (см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 206, 219, 414).

стям» революционного террора, который теперь, в условиях торжества реакции, как им казалось, не столько устрашал, сколько раздражал правительство, излишне лавировали: чуть ли не каждый из них пытался доказать, что его клиент – социалист (даже народоволец!), но не террорист. Защитник Н. Д. Похитонов Л. А. Веселовский даже начал было чернить революционную партию, в которой, мол, преобладают «недоучки» и «сумасброды», а такие люди, как Похитонов, оказываются случайно и заслуживают снисхождения. Возмущенный Похитонов потребовал от адвоката, чтобы тот «прекратил свою защиту».

В целом защита на процессе «14-ти» выступала менее энергично и сплоченно, а главное, в меньшем согласии с подсудимыми, чем на предыдущих процессах, в годы демократического подъема (1878-1882). Тем не менее проникнутые сочувствием к революционерам защитительные речи Леонтьева и Макалинского, а также подкуп под юридическую базу обвинения со стороны Спасовича помогли героям процесса «14-ти» одержать над царским судом политическую и нравственную победу.

Приговор. Приговор по делу «14-ти» был объявлен 28 сентября 1884 г.: В. Н. Фигнер, Л. А. Волкенштейн и все 6 офицеров – к смертной казни через повешение; В. Г. Иванов и А. И. Немоловский – к вечной каторге; В. И. Чуйко – к 20-ти, А. А. Спандони и Д. Я. Суворовцев – к 15-ти и Л. В. Чемоданова – к 4-м годам каторжных работ²⁸. 10 октября в Шлиссельбургской крепости были повешены Н. М. Рогачев и А. П. Штротберг. Остальных смертников царь «помиловал» вечной (Волкенштейн и Ювачева – даже 15-летней) каторгой. Немоловскому вечная каторга была заменена 20-летней, а Чемоданова вместо каторги была сослана на поселение в Сибирь. Трое (Немоловский, Тиханович и Похитонов) погибли в казематах Шлиссельбургской крепости. Волкенштейн была убита царскими карателями уже после освобождения из Шлиссельбурга, в 1906 г.

Отклики. Процесс «14-ти», вопреки попыткам царизма замолчать его, вызвал много откликов в России и за границей. Революционный лагерь обнародовал ряд материалов процесса (включая речь Веры Фигнер) на страницах «Вестника» и «Листка» «Народной воли», а также отдельными прокламациями – все это служило оружи-

²⁸ После оглашения приговора в зале суда «один из защитников довольно громко проговорил: «Какой варварский приговор!» (см.: *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 156).

ем борьбы против царизма. Русское общество выражало свои симпатии героям процесса. Г. И. Успенский, вдохновленный образом Фигнер, написал очерк «Выпрямила», в котором восславил три высочайшие гармонии: наряду с красотой труда и красотой искусства, олицетворенной в образе Венеры Милосской, красоту революционного подвига, тоже символизированную в образе женщины. В подготовительных материалах к очерку назван прототип этой женщины: «В. Н.» и «Ф.» (т. е. В. Н. Фигнер)²⁹. С. Я. Надсон под впечатлением процесса «14-ти» написал стихотворение «По смутным признакам, доступным для немногих» с такими строками:

И все-таки иди — и все-таки смелее
Иди на тяжкий крест, иди на подвиг твой.

Лев Толстой хлопотал о смягчении участи арестованной по делу «14-ти» народоволки З. Г. Ге (племянницы знаменитого художника Н. Н. Ге). И. Е. Репин, ранее написавший портрет Зои Ге, после процесса «14-ти» создал картину «Революционерка перед казнью», которую молодежь 80–90-х годов без обиняков называла: «Вера Фигнер в тюрьме»³⁰.

За границей не только радикальная пресса (например, бухарестская газета «Romanulu» 26 октября 1884 г.), но и консервативные органы (к примеру, лондонский «Таймс» 15 октября 1884 г.) осуждали царский суд за насилие над гласностью в деле «14-ти». Царизм даже запретил ввоз ряда иностранных газет в Россию за сочувственную к подсудимым информацию об этом деле.

Конечно, процесс «14-ти» причинил тяжелый урон «Народной воле» и, в ее лице, всему русскому революционному движению. Но, с другой стороны, он ударил не только по авторитету, но и по самым надежным, как считалось всегда, устоям царизма, показав, в частности, что «даже сама армия ускользает из рук царей...»³¹. Именно поэтому идеолог реакции М. Н. Катков назвал дело «14-ти» «возмутительным» и «потрясающим»³².

²⁹ Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10, кн. 1. С. 595.

³⁰ См.: Репин. Художественное наследство. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 176–177.

³¹ Энгельс Ф. Вере Ивановне Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 318.

³² Московские ведомости. 1884. 14 октября. С. 3.

Подобно другим судебным процессам «Народной воли», которые шли в условиях засилья реакции, процесс «14-ти», хотя он и засвидетельствовал упадок народолюбия, будил в современниках протест против царского деспотизма, стремление к борьбе, готовность на подвиг, продолжая тем самым антисамодержавную тенденцию русского освободительного движения.

ПРОЦЕСС 1 МАРТА 1887 г.

15–19 апреля 1887 г. в Петербурге проходил один из самых громких политических процессов XIX века – по делу так называемого «Второго 1 марта». Центральной фигурой процесса был А. И. Ульянов, старший брат В. И. Ленина. Вместе с ним судились еще 14 народовольцев.

«Второе 1 марта». В воскресенье 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале близ Невского проспекта в Петербурге по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» был казнен революционерами царь Александр II. Спустя шесть лет, в тот же день 1 марта (вновь было воскресенье), народовольцы попытались убить на самом Невском проспекте Александра III, но были схвачены с оружием в руках. Попытка цареубийства 1 марта 1887 г. вошла в историю как «Второе 1 марта»...

За 6 лет, с 1881 до 1887 г., в России укрепилась реакция, которую Лев Толстой оценил как попытку «вернуть Россию к варварству времен начала столетия»¹. Главой и олицетворением реакции был тогда Александр III, «царь-удав», как его называли. Революционное движение переживало глубокий спад. «Народная воля» была разгромлена. Но революционеры не опускали рук: одни пытались возродить «Народную волю», а другие переходили от народничества к социал-демократии. «Именно в эту эпоху, – писал В. И. Ленин об «эпохе Александра III», – всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов»².

В таких условиях возникала и подготовила «Второе 1 марта» Террористическая фракция партии «Народная воля», которую основал в декабре 1886 г. П. Я. Шевырев, а с февраля 1887 г., после отъезда Шевырева по болезни на юг, возглавил А. И. Ульянов.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Юб. изд. М., 1953. Т. 69. С. 134.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 331.

В нашей литературе есть стремление отделить группу Ульянова от «Народной воли». Так, И. А. Альтман утверждает, будто группа сделала «значительный шаг в сторону марксизма» и лишь не смогла «полностью порвать с прежними народническими и народолюбивыми взглядами»³. В программе группы (ее автор – Ульянов) действительно просматривалось влияние марксизма, но поверхностное и непоследовательное, тогда как народнические основы выглядели еще ортодоксально, зачастую в дословном воспроизведении с «Программы Исполнительного комитета» старой «Народной воли» 1880 г.

Программные требования группы Ульянова (8 пунктов, как и в программе ИК) точно те же самые, совпадающие местами дословно, с той лишь разницей, что два пункта (1-й и 7-й) Ульянов объединил и один пункт добавил: «Даровое начальное обучение»⁴. Обусловленность и продуктивность «красного» террора в ответ на «белый» террор царизма мотивируется теми же словами, что и в программе ИК. Отказаться же от террора группа Ульянова соглашалась при тех же (почти в дословной формулировке) условиях, которые предъявил Александру III ИК «Народной воли» 10 марта 1881 г.⁵ Группа и взяла себе название «Террористическая фракция партии «Народная воля», подчеркивая тем самым свою преемственность от старой «Народной воли» и народолюбивую сущность.

Трагедия группы Ульянова заключалась в том, что группа, хотя и шагнула теоретически от народничества к марксизму, практически осталась на позициях «Народной воли» и решила действовать

³ Альтман И. А. Программа группы А. И. Ульянова // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 42–44. О том же: Волк С. С. «Народная воля». М.; Л., 1966. С. 151; Побегайло Э. Ф. Политические взгляды А. И. Ульянова // Правоведение. 1970. № 6. С. 44–45.

⁴ Ср.: А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 378–379; Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 172. По мнению ряда историков, пункт о «даровом обучении» Ульянов заимствовал «из благоевского проекта программы русских социал-демократов» (Альтман И. А. Указ. соч. С. 42; Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 117; Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. С. 124–125). Однако этот пункт есть в желябовской «Программе рабочих, членов партии «Народная воля» 1880 г. (см.: Революционное народничество 70-х годов... Т. 2. С. 189).

⁵ Ср.: Революционное народничество 70-х годов... Т. 2. С. 173, 195; А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 380.

по-народовольчески, предприняв последнюю в XIX веке (с 1866 г. – двенадцатую⁶) попытку цареубийства.

Разумеется, Ульянов и его товарищи, как и деятели старой «Народной воли», не были только террористами. Они, как явствует из их программы, планировали и «пропагандаторскую», и организационную, и просветительскую деятельность, успели завести революционные связи в Москве, Вильно, Харькове, стараясь, подобно народо-вольцам первого призыва, «привлечь к своей организации всех недовольных»⁷. Но ближайшую свою задачу они усматривали в цареубийстве, что должно было, по их мнению, дезорганизовать правительство и поднять «революционный дух народа»⁸. По примеру первоапрельцев 1881 г. деятели «Второго 1 марта» подготовили особые группы сигнальщиков (С. А. Волохов, М. Н. Канчер, П. С. Горкун) и метальщиков (В. С. Осипанов, П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов). Первые должны были выследить маршрут передвижений царя и дать сигнал о появлении его кареты, последние – пустить в ход метательные снаряды (бомбы). Три таких снаряда изготовили И. Д. Лукашевич и Ульянов.

Начиная с 26 февраля, сигнальщики и метальщики с бомбами каждый день стерегли царя на Невском проспекте. 28-го за ними началась слежка, а 1 марта около 11 часов утра, когда царь (как свидетельствовала придворная дама А. П. Арапова – дочь вдовы А. С. Пушкина от второго брака) уже готовился к выезду из Аничкова дворца через Невский проспект в Петропавловский собор, все они были схвачены в разных местах Невского⁹.

Только после ареста метальщиков выяснилось, что раскрыта не рядовая «крамола», а попытка цареубийства. «Верхи» пришли в ужас. Начальнику охраны царя Л. И. Ширинкину «сделалось дурно». «Боже, помилуй нас, грешных, и спаси бедную Россию!» – восклицал идейный поводырь самодержца К. П. Победоносцев¹⁰. «О, Боже! Какое счастье, что это миновало!» – вторил ему наследник

⁶ Предыдущие 11 покушений были направлены против Александра II.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135.

⁸ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 380.

⁹ См.: Новые данные о деле 1 марта 1887 г. // Каторга и ссылка. 1930. № 10. С. 138–139; Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. // Красный архив. 1925. Т. 2.

¹⁰ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., Пг., 1923. Т. 1, ч. 2. С. 652.

престола (будущий Николай II)¹¹. Сам царь меланхолически отметил на полях доклада об аресте метальщиков: «На этот раз Бог нас спас, но надолго ли?»¹².

Дознание. В крайнем раздражении против новоявленных «цареубийц» власти повели дело «Второго 1 марта» с редким даже для того времени пристрастием. Всех подозрительных хватали без разбора — в Петербурге и на Дону, в Москве и на Кубани, в Харькове и в Крыму. Ульянов попал в засаду на квартире Канчера в тот же день 1 марта, а 7 марта — по телеграмме из Петербурга: «Необходимо перевернуть весь город вверх дном и все местности, где может находиться Шевырев, и арестовать его»¹³, — в Ялте был схвачен и Шевырев. К дознанию привлекли около 200 человек¹⁴. Жандармский бум вокруг этого дела даже иных карателей нервировал излишествами. Товарищ обер-прокурора Сената Н. А. Хвостов 21 марта опасливо предостерегал К. П. Победоносцева: «Аресты делаются зря, забирает, кто хочет <...> Если бы кто захотел нарочно избрать такой способ действий, который может создать и для будущего запас горючего материала, то лучше трудно придумать»¹⁵.

Более того, чтобы форсировать расправу с террористами, на этот раз в обход закона «актам жандармского дознания была придана сила актов предварительного следствия»¹⁶. При этом чины жандармерии и «наблюдавшей» за нею прокуратуры не гнушались ни запугиванием, ни подлогами. Прокурор М. М. Котляревский угрожал обвиняемому И. Д. Лукашевичу пытками: «мы вздергивали на дыбу, вытягивали жилы»¹⁷. У 14-летнего сына обвиняемой М. А. Ананьиной жандармы выпытали искомое «свидетельское» показание, после того как директор Департамента полиции (по его собственному выражению) «пострашал» мальчика¹⁸. «Страшали», по-видимому, и еще более юного «свидетеля», 10-летнего брата обвиняемого М. В. Новорусского¹⁹. Получив донос о самом Новорусском от преда-

¹¹ К истории покушения А. И. Ульянова и др. 1 марта 1887 г. // Красный архив. 1926. Т. 2. С. 222.

¹² 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927. С. 362.

¹³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 122.

¹⁴ Свободная Россия. Упенёв, 1889. № 1. С. 60.

¹⁵ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, ч. 2. С. 740.

¹⁶ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 123.

¹⁷ Лукашевич И. Д. 1 марта 1887 г. Пб., 1920. С. 34.

¹⁸ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 122.

¹⁹ Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919. С. 46.

теля А. П. Остроумова, но не имея улик против Новорусского, следователи изготовили эти улики: всунули в одну из книг Новорусского бумагу, которой террористы оклеивали бомбы²⁰. В результате, для скамьи подсудимых были отобраны 15 наиболее «уличенных».

Суд. «Верхи» не сразу решили, какому суду предать деятелей «Второго 1 марта» – военному или Особому присутствию Правительствующего Сената²¹. Военный суд импонировал им своей оперативностью и узаконенной бесцеремонностью, ОППС – помпезностью и силой традиции (в нем слушалось дело 1 марта 1881 г.). Выбор пал на ОППС. Его составили 5 сенаторов и 4 сословных представителя, среди которых оказался московский городской голова Н. А. Алексеев – двоюродный брат К. С. Станиславского²². Первоприсутствующим был сенатор П. А. Дейер – «бездушный и услужливый холоп» царизма и «палач», который «приобрел привычку после каждого дела со смертными приговорами получать из министерства юстиции крупную сумму для поправления своего драгоценного здоровья», а потому буквально «лез на стену», чтобы засудить обвиняемых²³. До 1887 г. он палачески отличился на процессах С. Г. Нечаева и «20-ти» народовольцев, позднее – на процессе И. П. Каляева.

В качестве обвинителя выступил обер-прокурор Сената Н. А. Неклюдов. В молодости он посидел в Петропавловской крепости (за участие в студенческих волнениях 1861 г.), но изловчился из «красного» стать самым черным и карьеру свою, так нескладно начатую в тюремной камере, благополучно завершил в кресле товарища министра внутренних дел. Учившийся когда-то (до 1857 г.) в Пензенском дворянском институте у Ильи Николаевича Ульянова и питавший к нему особую любовь²⁴, прокурор Неклюдов на процессе 1 марта 1887 г. азартно чинил расправу над сыном своего любимого учителя, требуя для него и вообще для всех подсудимых только одного наказания – смертной казни.

²⁰ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933. С. 28–30.

²¹ 18 марта 1887 г. А. Ф. Кони отметил: «До сих пор не решен вопрос, где разбирать это дело, – в Сенате или в военном суде» (см.: Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 8. С. 91).

²² 1 марта 1887 г. С. 13, 345.

²³ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 216–217, 313. Две тысячи рублей «для лечения» Дейер получил и «за пять голов» осужденных на виселицу по делу 1 марта 1887 г. (см.: Там же. С. 315).

²⁴ Там же. С. 314.

Суд заседал при закрытых дверях. «Публику» представляли только сановные тузы: министры, сенаторы, члены Государственного совета. Среди них был крупнейший юрист сенатор Н. С. Таганцев, тоже, как и Неклюдов, ученик И. Н. Ульянова, очень сочувственно относившийся к семье Ульяновых в дни процесса²⁵. Он помог Марии Александровне Ульяновой получить свидание с Александром Ильичем после приговора. Не были допущены в зал суда даже близкие родственники подсудимых. Исключение власти сделали только для М. А. Ульяновой, допустив ее на то заседание суда, где ее сын выступал с защитительной речью²⁶. Закрытый характер процесса был подчеркнут тем, что царизм позволил дать о нем необычно краткое «правительственное сообщение» лишь 9 мая, видимо через силу, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве три проекта сообщения, *отвергнутые* с характерной пометой: «Государь император неоднократно высказывал, чтобы сообщение было как можно короче»²⁷.

Обвинение. 14 из 15-ти подсудимых обвинялись в принадлежности к Террористической фракции партии «Народная воля» и в сговоре «посягнуть на жизнь священной особы государя императора». Только А. А. Сердюковой было предъявлено отдельное обвинение – в знании и недонесении «о задуманном посягательстве»²⁸.

После 1 марта 1881 г. участие кого бы то ни было в «Народной воле» само по себе влекло за собой смертный приговор, поскольку «Народная воля» на всех судебных процессах с того времени рассматривалась – не по закону, а по традиции, – как партия царубийц²⁹. При таком способе обвинения требовалось доказать только одно: принадлежность подсудимого к «Народной воле» (даже если не подтверждались доказательств участия в царубийстве, или сговор о нем, или просто умысел).

Американский просветитель XVIII века Итен Аллен говаривал: «Доказать можно все, что угодно. Трудность лишь в том, чтобы знать, что именно ты хочешь доказать». Обвинители «Народной воли» такой трудности не испытывали. Ведь характер преступления и степень участия в нем того или иного подсудимого не имели большого значения, ибо российское Уложение о наказаниях «валило в

²⁵ См. об этом: Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 31–32.

²⁶ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 123; А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 122.

²⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 353 и сл.

²⁸ 1 марта 1887 г. С. 39.

²⁹ См. об этом: Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900. С. 88–89, 106, 248–249.

одну кучу и совершение, и голый умысел по государственным преступлениям, наказывая их одинаково»³⁰. Поэтому «совершение» цареубийства 1 марта 1881 г. и «голый умысел» на него первоапрельцев 1887 г. одинаково подлежали смертной казни. Фиксировать же принадлежность обвиняемого к «Народной воле» было нетрудно. Народовольцы обычно сами заявляли о своей партийности (на процессе 1 марта 1887 г. из активных революционеров отрицали свою принадлежность к партии только Шевырев и Лукашевич). Если же обвиняемый не признавал себя народовольцем, следователь и далее прокурор могли объявить его таковым на основании подтасованных или же выдуманных, а нередко и полученных от предателей «данных». Так и по делу 1 марта 1887 г. обвинение было построено главным образом на показаниях М. Н. Канчера и П. С. Горкуна³¹.

Прокурор Неклюдов в обвинительной речи объявил всех подсудимых участниками «все той же партии» (т.е. «Народной воли»), которая осуществила цареубийство 1 марта 1881 г., а «единственным мотивом» их злоумышления — «один слепой террор», без разума и смысла³². Подчеркнув таким образом, что все без исключения обвиняемые подлежат смертной казни, прокурор, тем не менее, классифицировал их по разрядам виновности: Шевырев — «душа злодеяния, его зачинщик и руководитель»; Ульянов — один из «зачинщиков-руководителей» и «приготовитель динамита»; Осипанов, Андреюшкин, Генералов — «три главных физических виновника»; Канчер, Горкун, Волохов — «разведчики»; Сердюкова — «недоносительница»; остальные шестеро — «пособники»³³.

Суд шел за прокурором, отклоняя возражения защиты, которая, как увидим далее, попыталась было оспорить исходный тезис прокурора об ответственности деятелей «Второго 1 марта» за содеянное цареубийцами 1 марта 1881 г. Подсудимые же не оспаривали юридический аспект обвинения, ограничиваясь разбором или отрицанием лишь подтасованных улик, либо выдвигая на первый план (как это делали Ульянов, Осипанов, Андреюшкин, Генералов) политическую сторону дела, обусловленность и оправданность их революционных акций.

Александр Ульянов. В день ареста ему не было еще 21 года. Старший сын И. Н. Ульянова, он в 1883 г. окончил с золотой меда-

³⁰ Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 313.

³¹ См.: 1 марта 1887 г. С. 20–25.

³² 1 марта 1887 г. С. 239, 246.

³³ Там же. С. 233–234, 251, 254.

лю (как и Владимир Ильич 4 года спустя) Симбирскую гимназию и блестяще учился в Петербургском университете, где на 3 курсе получил свою вторую золотую медаль – за победу на конкурсе лучших студенческих работ. Все, кто знал Александра Ильича, восхищались его «буйноблестящими способностями», «изумительными и разносторонними знаниями»³⁴. Перед ним открывалась яркая научная карьера: на него уже обратили внимание академик А. М. Бутлеров и профессор Н. П. Вагнер³⁵, а великий Д. И. Менделеев «сожалел, что революция отняла у него двух выдающихся учеников – Кибальчича и Ульянова»³⁶.

В составе Террористической фракции «Народной воли» Ульянов еще до отъезда Шевырева выделялся особым авторитетом. Хорошо сказал об этом их товарищ по делу Е. И. Яковенко: «Шевырев был инициатором, вдохновителем и собирателем кружка. Ульянов – его железной скрепой и цементом. Без Шевырева не было бы организации, без Ульянова не было бы события Второго 1 марта, организация распалась бы, дело не было бы доведено до конца»³⁷. Возглавив организацию, Ульянов сделал все возможное для того, чтобы она завершила приготовления к цареубийству, а после ареста достойно представил ее перед врагами, на дознании и суде.

В царском плену Ульянов вел себя так, как принято было у корифеев старой «Народной воли». Собственную деятельность он не скрывал. «Что касается моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, – читаем в его показании о попытке цареубийства, – то оно было полное, т.е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений». Царь отчеркнул эти слова и снабдил их резолюцией: «Эта откровенность даже трогательна!!!» На полях же программы Террористической фракции, которую Ульянов восстановил по памяти и приложил к своим показаниям, Александр III выругался: «Эта записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота»³⁸. Зато уличать в чем-либо своих товарищей Ульянов отказался наотрез. «Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю», – заявил он в показании 4 марта и дальше не изменял этому правилу.

³⁴ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 204, 214, 256, 278, 285.

³⁵ Там же. С. 241.

³⁶ В. И. Ленин. Биография. Т. 1. (1870–1917). М., 1985. С. 10.

³⁷ Яковенко Е. И. О Втором 1 марта // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 8.

³⁸ 1 марта 1887 г. С. 373.

13 марта Александр III оставил на очередном его показании проникательную резолюцию: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься»³⁹.

Так же вел себя Ульянов и на суде. Готовый, по выражению его сопроцессницы М. А. Ананьиной, «дать повесить себя 20 раз, если бы мог этим облегчить судьбу других», он на первом же заседании суда, пожимая руку мало уличенному И. Д. Лукашевичу, сказал: «Если вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня»⁴⁰. Прокурор Неклюдов вынужден был признать благородство и самоотверженность Александра Ильича: «Я даю полную веру показаниям подсудимого Ульянова, сознание которого если и грешит, то разве в том отношении, что он принимает на себя даже то, чего он не делал в действительности»⁴¹. Неклюдов даже спросил Ульянова, «что могло побудить его, кандидата в профессора, пойти на такое страшное преступление». Ульянов ответил: «Пусть господин обер-прокурор вспомнит свою молодость, вспомнит то, что привело его в Петропавловскую крепость, тогда он, может быть, сам ответит на поставленный вопрос»⁴².

Александр Ильич отказался от защитника и сам выступал с защитительной речью, которая стала центральным событием процесса⁴³. Указав на «ненормальность существующего строя», он подчеркнул, что его «изменение <...> не только возможно, но даже неизбежно». Правда, он прогнозировал не народную революцию, а «борьбу всей интеллигенции с правительством», но — как «выражение народной борьбы». «Белому» террору царизма он противопоставил «красный» террор — «единственный» в тех условиях и «неизбежный» способ защиты революционеров от «озлобления правительства». «Среди русского народа, — заявил Ульянов, — всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-либо».

Другие подсудимые. Так же героически вели себя на процессе «три главных физических виновника» — метальщики «Второго 1

³⁹ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 369, 371.

⁴⁰ Лукашевич И. Д. Указ. соч. С. 46; Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928. С. 159.

⁴¹ 1 марта 1887 г. С. 252.

⁴² Поссе В. А. Пережитое и передуманное. Т. 1. Л., 1933. С. 104.

⁴³ Полный текст ее см.: 1 марта 1887 г. С. 289-293.

марта». Первым из них в обвинительном акте назван Василий Степанович Осипанов – сын отставного солдата. Сибиряк, человек исключительной энергии, выдержки, силы характера (в подражание Рахметову спал на досках, подбитых гвоздями), «идеальный тип борца боевой дружины»⁴⁴. Он демонстративно объявил себя народо-довольцем и еще до суда представил карателям заявление, которое гласило: «Пока будет продолжаться настоящая система внутренней политики, в людях, способных на цареубийство, недостатка не будет. Система эта и порождает таких людей»⁴⁵. Донской казак Василий Денисович Генералов – самый юный из всех подсудимых (ко дню ареста не имел и 20 лет), но не по годам серьезный, увлекавшийся «Капиталом» Маркса, и казак с Кубани Пахомий Иванович Андреюшкин – пылкий, романтически настроенный, бесстрашный, гордо признавали, что они намеревались «совершить цареубийство» по «здравом размышлении» и «согласно со своею совестью»⁴⁶. Андреюшкин особо подчеркнул: «В качестве члена партии «Народной воли», делу которой я служил, должен сказать, что я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении, потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил»⁴⁷.

Петр Яковлевич Шевырев – брат профессора-энтомолога И. Я. Шевырева, «очень энергичный, предприимчивый и талантливый организатор» и вообще, по мнению академика В. И. Вернадского, «увлекающийся и превосходный юноша»⁴⁸, – еще до ареста избрал для себя тактику абсолютного отпирательства, мотивируя ее таким образом: «Нет нужды при каждой стычке, при всякой схватке с правительством излагать свое *credo*. Это тем более излишне, что суд негласный <...> Как бы ни были явны улики, практичнее всего отрицать свое участие в деле. Этим избегается опасность сказать что-нибудь лишнее, что может повредить кому-либо из товарищей»⁴⁹. Этой тактике Шевырев и следовал в ходе всего процесса, очень озлобив тем самым царя. На полях подготовленной для Александра III записки последнего перед судом допроса Шевырева со-

⁴⁴ Лукашевич И. Д. Указ. соч. С. 45. Подробно об Осипанове см.: Зильберман Е. Г., Холявин В. К. Покушение. Казань, 1965.

⁴⁵ 1 марта 1887 г. С. 369.

⁴⁶ Там же. С. 284.

⁴⁷ 1 марта 1887 г. С. 369.

⁴⁸ Лукашевич И. Д. Указ. соч. С. 5; Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 55.

⁴⁹ Лукашевич И. Д. Указ. соч. С. 29.

хранилась царская помета с удостоверением начальника корпуса жандармов П. В. Оржевского: «Собственной Его Величества рукой начертано «Подлец», в Гатчине 20 марта 1887 г.»⁵⁰.

Достоинство вели себя на процессе и другие подсудимые: И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский, Т. И. Пашковский, М. А. Ананьина, Р. А. Шмидова, А. А. Сердюкова. Только Б. И. Пилсудский (родной брат будущего диктатора буржуазной Польши Юзефа Пилсудского⁵¹, каляся в «легкомысленности и необдуманности своих поступков»⁵², а Канчер, Горкун и, отчасти, Волохов давали предательские показания⁵³.

Защита. Защищали подсудимых 8 присяжных поверенные, в том числе такие корифеи адвокатуры, как А. Н. Турчанинов, К. Ф. Хартулари, А. А. Герке, Г. Г. Принтц. Обвинение и суд жестко стесняли их возможности. Тем не менее, защита старалась сохранить хотя бы свое профессиональное достоинство и не была такой беспомощной, какой рисует ее М. М. Выдря, по словам которого защитники «даже не реагировали на грубые нарушения процессуальных прав подсудимых»⁵⁴. Из стенографического отчета о процессе видно, что Турчанинов заявил протест против формулировки первого вопроса о виновности подсудимых, будто все они – члены того самого «тайного сообщества», которое убило Александра II. Протест Турчанинова поддержали еще 5 адвокатов (Герке, Принтц, Леонтьев, Михайлов, Соколов). Защитник Соколов возражал и против использования обвинением свидетельских показаний, которые были вытребованы на жандармском дознании, но от которых на суде свидетели отказались⁵⁵.

Больше того. Перед оглашением приговора Турчанинов сделал весьма ответственное заявление: «Я бы не исполнил своей обязанности до конца, если бы не повторил перед вами те соображения, которые имел честь представлять Верховному уголовному суду по другому делу – о покушении Соловьева на жизнь в бозе почившего

⁵⁰ Поляков А. С. Указ. соч. С. 50.

⁵¹ Ю. Пилсудский значился под № 1 в списке лиц, «обвиняемых в оказании содействия участникам злоумышления 1 марта 1887 г.» и был выслан без суда в Восточную Сибирь на 5 лет (см.: РГИА. Ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 338).

⁵² 1 марта 1887 г. С. 118, 336.

⁵³ Там же. С. 25, 40–68.

⁵⁴ Выдря М. М. Суд над А. Ульяновым // Советская юстиция. 1957. № 9. С. 76.

⁵⁵ 1 марта 1887 г. С. 219, 341–342.

государя императора (2 апреля 1879 г. – Н. Т.). Тогда я имел честь излагать, что дела подобного рода явно и в течение долгого времени происходят из одного источника – из идеи, которою руководствуется подсудимые, совершающие преступления <...> Против идей есть только одна сила – это тоже такая идея, и в таких случаях уголовным судом едва ли возможно применение смертной казни». К этому заявлению Турчанинова присоединились защитники Леонтьев, Михайлов, Принц⁵⁶.

Защитительные же речи адвокатов действительно выглядели бесцветно. Департамент полиции удовлетворенно констатировал, что они «были кратки и весьма приличны»⁵⁷.

Приговор. 19 апреля 1887 г. суд объявил приговор – всех 15 подсудимых «подвергнуть смертной казни через повешение», – правда, с ходатайством перед царем о замене виселицы каторгой Канчеру, Горкуну, Волохову и Ананьиной – на 20 лет, Пилсудскому – на 15, Пашковскому – на 10 лет; ссылкой на поселение в Сибирь – Шмидовой и заключением в тюрьму на 2 года – Сердюковой. Это ходатайство мотивировалось в тексте приговора рядом обнаруженных судебным следствием обстоятельств: от «чистосердечного раскаяния и содействия к раскрытию преступления, а равно участников оно» (Канчер, Горкун, Волохов) до такого смягчающего вину обстоятельства, как «отдаленность участия в преступлении» (Пашковский).

Александр III удовлетворил ходатайство суда, причем Волохову, Горкуну и Канчеру сократил срок каторги до 10 лет. Заменил он казнь пожизненной каторгой Лукашевичу и Новорусскому. Смертный приговор остался в силе для пятерых: Ульянова, Шевырева, Осипанова, Андреюшкина и Генералова⁵⁸.

Как явствует из подлинной переписки ОППС с министерством юстиции, подали прошения о помиловании 11 осужденных, т.е. все, кроме Осипанова, Андреюшкина, Генералова и Пашковского⁵⁹. Но прошение Ульянова, поданное по настоятельной просьбе матери и только ради нее⁶⁰, не содержит ни слова раскаяния. Царь оставил его (как, впрочем, и прошение «подлеца» Шевырева) без последствий. Прощения же остальных 9 осужденных были приняты во вни-

⁵⁶ 1 марта 1887 г. С. 343–344.

⁵⁷ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 124.

⁵⁸ 1 марта 1887 г. С. 359–360.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 340–344.

⁶⁰ Текст его см.: А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 346.

мание, и судебный приговор каждому из них смягчен (Лукашевичу и Новорусскому – даже без ходатайства суда).

Казнили пятерых на рассвете 8 мая 1887 г. во дворе Шлиссельбургской крепости. Андреюшкин и Генералов поднялись на эшафот с возгласами «Да здравствует Народная воля!» «То же самое, – докладывал царю министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, – намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинута мешок <...> Так же бодро и спокойно вошли на эшафот» Ульянов и Шевырев, причем последний «оттолкнул руку священника» с крестом⁶¹.

Остальные первомартовцы 1887 г. пережили каторгу, ссылку, тюрьму. Канчер на сахалинской каторге в 1891 г. застрелился. Четверо (Лукашевич, Новорусский, Пилсудский и Шмидова) дожили до победы Советской власти. Шмидова погибла (по некоторым данным, была повешена фашистами) в декабре 1942 г. в оккупированном Харькове⁶².

Отклики. Дело «Второго 1 марта» вызвало международный резонанс. Противники самодержавия выражали сочувствие «царевубийцам». Студенты Петербургского университета 6 марта 1887 г. устроили антиправительственную манифестацию, в которой участвовали бывшие тогда студентами видный деятель российской социал-демократии, друг В. И. Ленина Виктор Курнатовский, первый советский нарком юстиции Петр Стучка, великий поэт Латвии Ян Райнис, русский писатель В. В. Вересаев⁶³. Распространялись не только в Петербурге, но и по стране листовки, прославлявшие казненных («Мы скажем всем: преклонитесь перед этими виселицами – это современная Голгофа России!»), списки посвященных им стихотворений, одно из которых написал студент Н. А. Рубакин – знаменитый впоследствии библиограф и популяризатор книги⁶⁴.

За границей социалисты и демократы усмотрели в событии 1 марта 1887 г. доказательство неодолимости российского освободительного движения, вопреки засилью реакции. «Революционная мысль носится неуловимо выше тюрем и виселиц», – писала в те

⁶¹ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 350–351.

⁶² См.: Шмидова Р. А. 1 марта 1887 г. // Простор. 1967. № 4. С. 60.

⁶³ Вересаев В. В. Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 280–281; Волчек Г. Ф., Войнов В. В. Виктор Курнатовский. М., 1961. С. 28.

⁶⁴ «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. // Красный архив. 1927. Т. 2. С. 228; Прокопенко В. А. Николай Рубакин и Александр Ульянов // Дружба народов. 1966. № 6. С. 226–229.

дни о России французская рабочая газета «*Cri du Peuple*»⁶⁵. Даже буржуазная пресса заговорила о скорой гибели царизма, полагая, что «при настоящем положении вещей, т.е. *danser sur un volcan* (танцевать на вулкане. – Н. Т.), Россия оставаться не может». За 11 дней после «Второго 1 марта» царская цензура задержала в иностранных газетах 517 статей с антицаристскими комментариями к этому событию⁶⁶.

Преклонившись перед героизмом А. И. Ульянова и его товарищей, русские революционеры, однако, не идеализировали их способ борьбы. Напротив, они уже трезво оценили издержки этого способа («у нас красный террор красен больше от собственной крови»⁶⁷) и еще решительнее стали переходить от народничества к социал-демократии. Одним из первых встал на этот путь юный В. И. Ленин. Сразу после гибели брата он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»⁶⁸.

⁶⁵ К истории покушения А. Ульянова и др. 1 марта 1887 г. С. 223.

⁶⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 1, 1887, д. 692, л. 3-5. Подробно см.: Троицкий Н.А. Европейская печать о деле Александра Ульянова // Советские архивы. 1971. № 3.

⁶⁷ «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. С. 228.

⁶⁸ В. И. Ленин. Биография. Т. 1. С. 10.

ПРОЦЕСС «21-го»

Этот процесс завершил собою длинный ряд крупнейших политических процессов в России XIX века. Он проходил в Петербурге с 26 мая по 5 июня 1887 г. Суду были преданы фактический руководитель партии «Народная воля» Г. А. Лопатин (по имени которого процесс называют «Лопатинским») и еще 20 народовольцев.

«Лопатинский» период «Народной воли». После того как в России была исчерпана вторая революционная ситуация 1879-1882 гг., решающим фактором которой являлась «Народная воля», освободительное движение пошло на убыль: народовольцы гибли под ударами царизма, а социал-демократия с 1883 г. только начала зарождаться. Наступило время торжества реакции, которую В. И. Ленин не без оснований называл «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской»¹. Царизм пытался добить «крамолу», мобилизуя все силы и способы подавления. «Царь-удав» Александр III поставил во главе правительства самого жестокого из своих сатрапов Д. А. Толстого, о котором даже консерватор М. А. Корф с отвращением говорил: «он вскормлен слюною бешеной собаки»². Учрежденную 3 декабря 1882 г. «секретную полицию» империи³ возглавил виртуоз провокации Г. П. Судейкин. Он и содейл самую грандиозную в России XIX века провокацию, известную как «дегаевщина», хотя точнее было бы называть ее «судейкинщиной»⁴. Схватив и завербовав члена Военного центра «Народной воли» С. П. Дегаева, Судейкин 14 января 1883 г. устроил ему фиктивный побег, после чего Дегаев четыре месяца вращался в руководстве партии, выдавая Судейкину ее планы, связи, кадры. К середине 1883 г. партия была фактически разгромлена.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 295.

² Волуев П. А. Дневник. Т. 2 (1865-1876). М., 1961. С. 322.

³ ГАРФ, ф 102, 3 д-во. 1882, д. 977, л. 9-10.

⁴ См. о ней в главе «Процесс «14-ти». Подробно: Троицкий Н. А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3.

В столь тяжкое время русские радикалы не опустили рук. Учитывая высокий авторитет «Народной воли», они вновь и вновь пытались возродить ее. Первая и самая действенная из этих попыток связана с именем Г. А. Лопатина.

Принято считать, что «лопатинский» период «Народной воли» начался с последнего перед арестом приезда Лопатина из-за границы в Россию, т. е. с марта 1884 г.⁵ Однако фактически уже с октября 1883 г. Лопатин в течение 2,5 месяцев собирал и сплачивал остатки «Народной воли». Именно он заставил Дегаева, уже раскаявшегося в своем предательстве, организовать убийство Судейкина: 16 декабря 1883 г. Дегаев заманил шефа охранки к себе на квартиру, где того поджидали и покончили с ним народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич.

3 января 1884 г. Лопатин вновь уехал за границу, принял участие в Парижском съезде народовольцев и 11 марта вернулся в Россию уже как член избранной съездом Распорядительной комиссии, отныне не только фактически, но и юридически руководитель «Народной воли». Правда, в Распорядительную комиссию, которая, по существу, стала новым Исполнительным комитетом партии (вместо старого, погибшего к тому времени), были избраны еще юные Н. М. Салова и В. И. Сухомлин, но именно Лопатин с его колоссальным опытом и авторитетом возглавляет партию, «становится, — по признанию самих народовольцев, — до известной степени диктатором»⁶.

По своим взглядам Лопатин в то время перерос народническую доктрину. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом и под их влиянием он усомнился в осуществимости социалистической революции в России начала 1880-х гг., но считал возможной революцию буржуазно-демократическую. Единственной же силой, которая могла бы свергнуть царизм, представлялась ему тогда «Народная воля», которую, правда, нужно было еще возродить, расширить и укрепить⁷. Поэтому Лопатин именно ей предложил, по выражению В. Я. Богучарского, «свою шпату».

За семь месяцев 1884 г. до своего ареста Лопатин проделал титаническую работу. Он ликвидировал последствия дегаевщины, сплю-

⁵ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 346; Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 120.

⁶ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 120.

⁷ Подробно см.: Антонов В. Ф. Русский друг Маркса. Г. А. Лопатин. М., 1962. С. 70-90.

тил «старых» народовольцев с так называемой Молодой партией «Народной воли», тяготевшей к рабочим, наладил транспортировку нелегальной литературы из-за границы, устроил две типографии, возобновил после двухлетнего перерыва издание центрального органа партии – газеты «Народная воля». Из материалов дела «21-го» видно, что лопатинская организация охватила громадную территорию – от Ревеля до Томска и от Архангельска до Тифлиса. «Народная воля» возрождалась, как Феникс из пепла.

Между тем царский сыск «выслеживал Лопатина, вынюхивал Лопатина, нашаривал Лопатина» – по агентурным и предательским «указаниям»⁸. 6 октября 1884 г. на Казанском мосту в Петербурге Лопатин был схвачен. У него изъяли 11 листов тончайшей бумаги, испещренных конспиративными записями имен, адресов, паролей. Он всегда носил их с собой, будучи уверен, что в случае ареста успеет проглотить, но не успел: несколько жандармов схватили его за руки и за горло, едва не задушив. Эта оплошность, которой Лопатин не мог простить себе до конца своих дней, повлекла за собой смерч арестов в 32 городах страны с привлечением к дознанию, по подсчетам А. Н. Баха, больше 400 человек⁹. Усугубили разгром революционного подполья такие же, хотя и в меньшем числе, записи, взятые при обыске у Н. М. Саловой, Н. П. Стародворского, С. А. Иванова. Дознание и следствие затянулись до весны 1887 г., пока не были отобраны для скамьи подсудимых самые опасные «злодеи» – 21 чел.

Обвинение. С 1881 г. обвинение на каждом процессе «Народной воли» строилось по одному и тому же штампу: «Народная воля» получила ярлык *партии цареубийц*, ей как юридическому субъекту инкриминировалось цареубийство 1 марта 1881 г., и принадлежность к такой партии уже сама по себе делала подсудимого причастным к цареубийству и ответственным за него перед законом. В. Д. Спасович, слывший в России «королем адвокатуры», еще в 1883 г. на процессе «17-ти» доказывал, что при соблюдении законности нельзя «производить все будущие процессы от цареубийства 1881 г., как не производятся все дела об убийстве от убийства Авеля Каином». Однако «все будущие процессы» устраивались подобным же образом, и четыре года спустя на процессе «21-го» тот же Спасович вновь подчеркнул: «Все без исключения подсудимые, а их 21, привязаны, прикручены, пригвождены» к «Народной воле»; она

⁸ Давыдов Ю. В. Герман Лопатин. Его друзья и враги. М., 1984. С. 139.

⁹ Бах Л. А., Опарин А. И. А. Н. Бах. М., 1957. С. 42.

«является в обвинительном акте как подсудимый, как субъект. вина которого раз и навсегда установлена по 249 ст. Уложения» («бунт против власти верховной»), и к ней «юридически приобщается всякий <...>, хотя бы был виноват только советом, пособничеством или даже недонесением. Во всяком случае он повинен смерти»¹⁰.

Действительно, все подсудимые по делу «21-го» обвинялись в принадлежности к «Народной воле», что было достаточным для смертного приговора. Но каждому из них предъявлялись еще и конкретные обвинения: Лопатину – в подготовке убийства Судейкина, в доставке и хранении метательных снарядов, в устройстве тайных типографий и даже в подделке видов на жительство; Стародворскому и Конашевичу – в убийстве Судейкина; Антонову, Иванову, Вольнову, Кузину, Ливадину, Елько – в других террористических актах; Саловой, Якубовичу, Добрускиной – в устройстве типографий и т.д.¹¹. Весь этот перечень, по наблюдению самих подсудимых, судьи рассматривали «лишь для выяснения вопроса, насколько каждый из преступников после присуждения к смерти по ст. 249 достоин или нет «монаршей милости»»¹².

Тягчайшим из конкретных обвинений по делу «21-го» было участие в казни Судейкина – «главного заправителя государственной тайной полиции», как называл его граф П. А. Валуев¹³. В компетентных кругах говорили, что знаменитый жандарм В. К. Плеве «ставил жизнь [Судейкина] прямо после жизни государя (по важности)»¹⁴. Сам царь на докладе об убийстве Судейкина пометил: «Я страшно поражен и огорчен этим известием <...> Потеря положительно незаменима»¹⁵. Немуद्रено, что такая потеря всполошила и озлобила карателей.

Как и на предыдущих процессах «Народной воли», царские юристы не останавливались в деле «21-го» перед подтасовкой и фабрикацией улики, провокациями и подлогами. Фактическая сторона об-

¹⁰ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900. С. 106, 248–249.

¹¹ Полный текст обвинительного акта по делу «21-го» см.: РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 1, л. 307–413.

¹² «Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 35.

¹³ Валуев П. А. Дневник (1877–1884). Пг., 1919. С. 246.

¹⁴ Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы: В 2 т. Dordrecht-Boston, 1974. Т. 1. С. 589.

¹⁵ Поляков А. С. Царь-мировотворец (из резолюций Александра III) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 227.

винительного акта во многом основывалась на «указаниях» и домыслах предателей – И. И. Гейера и П. А. Елько. Предательский навет Елько на Лопатина, Сухомлина и Салову следователь М. М. Котляревский выдал за показание подсудимого С. А. Иванова. Даже директор Департамента полиции П. Н. Дурново не погнушался в ходе следствия по делу «21-го» затеять переписку с подследственным П. Л. Антоновым якобы от имени его друга А. Г. Белоусова, пытаясь склонить Антонова «по-дружески» к «чистосердечному признанию»¹⁶. Предвзято использовались и свидетели (главным образом, из «казенной» публики: дворников, полицейских чинов и филеров), число которых на процессе «21-го» оказалось рекордным для процессов «Народной воли» – 143¹⁷.

Зато процессуальные права обвиняемых бесцеремонно нарушались. Обвинительный акт, который изготовлялся около четырех лет и занял 224 страницы in folio, был выдан обвиняемым для ознакомления с ним и всех возможных замечаний на одни сутки, хотя по закону на это полагалось не меньше недели¹⁸. «Итак, – заключал в специальном заявлении по этому поводу на имя суда Г. А. Лопатин, – правительственная власть <...>, располагающая целым арсеналом всевозможных мер для добывания нужных ей сведений, сочла необходимым употребить на расследование этого дела чуть не целых четыре года <...>, а мы, подсудимые, замурованные все это время в каменных мешках, не имевшие никакой возможности следить за ходом дела и направлять его в своих интересах, лишены всяких советов и указаний со стороны опытных юристов, обязаны высказаться по поводу только что оконченного следствия в течение одних суток, которых недостаточно даже для внимательного прочтения врученного нам фолианта, представляющего длинную пеструю вереницу фактов, лиц и обстоятельств, смело притянутых за волосы со всех сторон, насильственно сближенных друг с другом в одну кучу и сшитых былыми нитками в какое-то подобие общего дела. Если это называется справедливостью и равноправностью сторон, то желал бы я знать, что же такое после этого Несправедливость и Неравноправность!»¹⁹.

¹⁶ Процесс «21-го». Женева, 1888. С. 8–9; [Валк С. Н.], П. Л. Антонов в Петропавловской крепости // Красный архив. 1928. Т. 6. С. 103–113.

¹⁷ См.: РГИА, ф. 1405, оп. 86, д. 10939, л. 333–337.

¹⁸ Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883. Ст. 557.

¹⁹ РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 81–81 об.

Суд. Дело «21-го» было передано в военный суд, преимущество которого перед всеми прочими П. Н. Дурново объяснил тем, что он надежнее гарантирует «тягчайшее уголовное наказание»²⁰. После того как 18 мая 1885 г. Александр III повелел записать в Военно-судебном уставе, что «в случае признания наличности уменьшающих вину обстоятельств <...> суд не смягчает подсудимому наказания, а входит о таковом смягчении с ходатайством» к царю²¹, военные суды предпочли не беспокоить царя частыми ходатайствами и чуть ли не по каждому делу стали обеспечивать «тягчайшие» наказания.

26 мая 1887 г. Петербургский военно-окружной суд, «как не очень-то изящно сказано в протокольной записи, «открыл судебные заседания при закрытых дверях»²². Кроме трех ближайших родственников подсудимых (старшего брата Якубовича, благодаря которому до нас дошел нелегальный отчет о процессе, а также матерей Якубовича и Сухомлина), «публику» изображали только судебные, военные и правительственные сановники, среди которых оказался и товарищ министра народного просвещения князь М. С. Волконский (сын декабриста). Должную оценку такой «публичности» дал в своем последнем слове Лопатин: «В застенке нас допрашивают, в застенке судят, в застенке и дают, когда приходит наш последний час!»²³.

Председателем суда был генерал-лейтенант В. М. Цемиров, уже выступавший в этой роли на процессе «14-ти». Судьями были пять полковников – эти, по выражению В. И. Сухомлина, «бурбоны, заматеревшие в беспрекословном исполнении приказов». Обязанности прокурора выполнял Н. Н. Маслов. Его обвинительная речь стала чисто формальной по своей предвзятости. Не обременяя себя разбором улик, прокурор следовал такой «логике» обвинения: виновность подсудимых Лопатина, Стародворского и Конашевича так очевидна по результатам следствия, что доказывать ее вновь на суде излишне, все трое так и просятся под ст. 249 (смертная казнь); подсудимый Якубович настолько преступен, что, хотя он и не участвовал ни в одном террористическом акте, непременно принял бы участие, будь он еще какое-то время на свободе, а потому тоже

²⁰ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 315.

²¹ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 3. Т. 5. С. 217.

²² Давыдов Ю. В. Указ. соч. С. 140.

²³ Последнее слово Г. А. Лопатина на суде 5 июня 1887 г. (публ. О. А. Сайкина) // Советские архивы. 1970. № 6. С. 26.

заслуживает ст. 249; что же касается подсудимого Сухомлина, то он, безусловно, один из главных преступников, поскольку ни на дознании, ни на следствии не выдал ни одной революционной тайны, — поэтому, хотя улики против Сухомлина недостает, судить его надо тоже по ст. 249²⁴.

Герман Лопатин. Центральным лицом на процессе «21-го» был Герман Александрович Лопатин — один из самых замечательных революционеров XIX века. Щедро одаренный от природы, заслуживший блеском и разнообразием своих талантов восхищение К. Маркса, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, А. М. Горького²⁵, Лопатин располагал к себе «как великолепный представитель рода человеческого»²⁶ — во всех отношениях. Атлетического сложения, красивый, неотразимо обаятельный, энциклопедически образованный (говорил на многих языках), с философским и государственным складом ума, предприимчивый, «до безумия смелый», по выражению Ф. Энгельса²⁷, — он отличался и выдающимся организаторским талантом, умением воодушевлять и сплачивать людей. «Прирожденный вождь революции <...>, второй Желябов», — говорили о нем современники²⁸.

К 1884 г. революционный стаж Лопатина достигал 20 лет, и жизнь его обрастала легендами. Он объездил по делам революции почти всю Россию и пол-Европы, блестяще проявил себя в русском народническом и международном рабочем движении от «Рублевого общества» до I Интернационала, общался в Италии с Д. Гарибальди и во Франции с А. И. Герценом, вывез из вологодской ссылки за границу П. Л. Лаврова и попытался освободить с сибирской каторги Н. Г. Чернышевского, подружился с К. Марксом и Ф. Энгельсом²⁹,

²⁴ Процесс «21-го». С. 28–29.

²⁵ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 10. М.; Л., 1965. С. 331; *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 14. С. 587, 588. Горький в 1909 г. писал о Лопатине: «В прошлом русской истории я знаю одного человека, похожего на него, — это Герцен, а в современности только Л. Толстой производил на меня такое глубокое и могучее впечатление» (см.: *Архив А. М. Горького.* М., 1966. Т. 9. С. 80).

²⁶ *Сухомлин В. В.* Детство на Каре // Прометей. М., 1967. Т. 3. С. 273.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 3.

²⁸ *Мельгунов С. П.* Встречи // Былое. 1920–1921. С. 95.

²⁹ Свое отношение к Марксу Лопатин определил так: «любил его, как друга, уважал, как учителя, и почитал, как отца» (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 485). Маркс отвечал ему взаимностью: «немногих

первым начал переводить на русский язык «Капитал» Маркса и был принят, единственным из россиян, в Генеральный совет I Интернационала; многократно арестовывался, ссылался, бежал, эмигрировал, возвращался, вновь арестовывался и снова бежал, «сидел 27 раз в 18 разных тюрьмах»³⁰ от Петропавловской крепости до Иркутского острога.

Разумеется, Лопатин сознавал исключительность своего положения среди обвиняемых по делу «21-го». Их общепризнанный лидер и высший авторитет, он тем больше переживал свою оплошность с конспиративными записями, изъятыми у него при аресте. «Я сам собственной рукой погубил то, что создал другой рукой», – с горечью заявил он на суде и, упав на скамью, разрыдался³¹. Даже после 20 лет заточения в Шлиссельбурге не мог он читать отчет о процессе «21-го» из-за нервного возбуждения при мысли о последствиях своей ошибки.

Именно ради того, чтобы объяснить и, по возможности, нейтрализовать найденные при нем улики, Лопатин на дознании отрицал свою принадлежность к «Народной воле»: «К организации партии не принадлежал и членом Исполнительного комитета не состоял»³². Суду он объяснил, что пошел на такой шаг «только временно»: «Дело в том, что если бы я признал мою принадлежность к «Народной воле» при первом же допросе, то, согласно нашим уставам, должен бы и отказаться от всяких показаний <...>, а между тем мне нужно было давать показания, чтобы ослабить роковую силу взятых у меня заметок <...> Но теперь, когда дело идет только об ответственности перед законом, я не боюсь и не стыжусь открыто стать под знамя «Народной воли» и признать себя агентом Исполнительного комитета»³³.

Лопатин не стал выступать на суде с программной речью («Нам не для кого и не для чего пускаться среди этих пустых стен в исповедание нашей веры»). Зато страстно и авторитетно декларировал он, как бы от имени не только «Народной воли», но и Герцена, Чернышевского, Маркса, историческую правоту дела революции в России

людей я так люблю и уважаю, как его», – писал он о Лопатине (см.: Там же. С. 487).

³⁰ Лопатин Г. А. Ответы на анкету // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л., 1977. С. 148.

³¹ Процесс «21-го». С. 38.

³² РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, л. 55 об. – 56.

³³ Последнее слово Г. А. Лопатина на суде... С. 27.

– дела, которому была отдана вся его жизнь. «Мы молимся разным богам, – обратился он к судьям в своем последнем слове, – а потому судить друг друга не можем. И для меня, и для вас есть другой суд, неподкупный, нелицеприятный и строгий: это суд истории и потомства. К этому суду я апеллирую в моем деле, на него одного возлагаю я все мои надежды, ему одному с доверием поручаю я будущую защиту моей памяти <...> Пощады не прошу и не желаю! Я сделал мало для того дела, которое было всего дороже мне на земле, и горько сожалею об этом. Но если я не сумею послужить ему моей жизнью, то знаю, что не осрамлю его моей смертью и сумею умереть так же твердо и безупречно, как жил»³⁴.

Другие подсудимые. Из других подсудимых наибольшее внимание привлекали к себе убийцы Судейкина Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич, а также лидер молодой партии «Народной воли» поэт П. Ф. Якубович. Все они держались на суде героически. Якубович и после смертного приговора сохранил ту же, «лопатинскую» веру в грядущее торжество революционных идей, которую он выразил в письме к народовольцу И. И. Попову перед арестом: «нужно, да, нужно верить в то, что наши идеи в конце концов восторжествуют. В это и Вы, и я, и мы все глубоко верим»³⁵. Написанное после приговора «Завещание» Якубовича зовет живых:

Вперед идти!... Под вихрем бурным,
Под громом, в сумраке ночном,
Ни утром ясным и лазурным
Не отступить перед врагом!³⁶

Конашевич в последнем слове по-лопатински заявил, что пощады он не просит и не желает, а Стародворский выступил даже с программной речью, обосновывая право народа «применять все меры борьбы», вплоть до террора, пока правительство не уступит, хотя и держался минимума требований «Народной воли»; о себе же сказал, что он не имеет ничего против «монархии, такой, например, как в Англии»³⁷.

Мужественно вели себя обе женщины процесса «21-го» – Н. М. Салова и Г. Н. Добрускина, не пожелавшие ни на следствии, ни на суде давать «никаких объяснений»³⁸; руководящие деятели

³⁴ Последнее слово Г. А. Лопатина на суде... С. 28.

³⁵ К истории процесса «21-го» // Красный архив. 1929. Т. 5. С. 157.

³⁶ Якубович П. Ф. Стихотворения. Л., 1960. С. 145.

³⁷ «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. С. 65–67.

³⁸ РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, л. 174 об.–175 а; т. 2, ч. 1, л. 232–233.

«Народной воли» В. И. Сухомлин и С. А. Иванов, рядовые народо-вольцы – студенты Л. П. Ешин и А. Г. Белоусов, рабочие Василий Больнов, Сергей Кузин, Василий Ливадин, Семен Белоусов, особенно же Петр Антонов (внук крепостного крестьянина и сын солдата), кузнец, сильный физически и нравственно, с железным, истинно пролетарским характером, который еще до суда был готов погибнуть героем: «Меня ждет виселица, но меня это не пугает, я верю в лучшее будущее, за это будущее я боролся и погибну. Я покажу нашим палачам, как умирают революционеры!»³⁹.

Все они следовали народофильскому правилу «суд – это экзамен для каждого революционера»⁴⁰ и старались достойно представить свою партию перед угрозой почти неизбежно смертного приговора, поддержать завоеванную народолюбцами на предыдущих процессах репутацию людей бесстрашных, которых ничто, даже эшафот не может сломить. Ни один из них не упрекнул Лопатина в конспиративной небрежности, ибо каждый понимал, сколь роковым было стечение обстоятельств, повлекших за собой его промах, да и видел, как переживает свою вину сам Лопатин.

Кроме двух предателей (И. И. Гейера и П. А. Елько), просили о помиловании только В. И. Кирсанов и М. П. Попов, которые, однако, ни на следствии, ни на суде никого не выдавали. Зато оба предателя, ничего не утаив, прибавляли к своим показаниям (особенно – Елько) еще и домыслы, инсинуации, к вящему удовольствию карателей. Сам Александр III отчеркнул в тексте доложенных ему показаний Елько все ругательства по адресу революционеров («мошенники», «проходимцы», «сволочь») и на полях подытожил: «Славно отдал их». Еще больше понравилась царю предательская записка Гейера: царская резолюция на ней гласила, что ее «следовало бы издать»⁴¹.

Адвокаты. Защитниками на процессе «21-го» выступали 11 при-сжных поверенных, в том числе такие корифеи адвокатуры, как В. Д. Спасович, С. А. Андреевский, Е. И. Утин, В. О. Люстиг, П. Г. Миронов. Лопатин просил назначить ему защитником В. Н. Герарда, но того не оказалось в Петербурге⁴².

³⁹ П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. С. 107.

⁴⁰ Добрускина Г. Н. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. Прил. 2. С. 125.

⁴¹ Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919. С. 8; Красный архив. 1928. Т. 6. С. 103 (сообщение С. Н. Валка).

⁴² РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 102, 226–226 об.

Суд намеренно стеснял возможности и права адвокатов. Они назначались за несколько дней до начала процесса (Андреевский – за два дня, 24 мая)⁴³, чтобы им не хватило времени на изучение дела и вызов нежелательных для суда свидетелей.

В условиях засилья реакции и в жестких рамках военного суда адвокаты на процессе «21-го» не могли проявить той политической активности, которая отличала их на гласных процессах конца 1870-х годов («50-ти», «193-х», Веры Засулич). Но свой профессиональный долг Спасович и его более молодые коллеги и на этот раз выполнили достойно. Все они главным образом старались вывести обвинение из-под ст. 249. Уложения о наказаниях, мотивируя в пользу подсудимых юридическую грань между «бунтом против власти верховной» (ст. 249), что каралось смертной казнью, и заблаговременно открытым «умыслом» к бунту (ст. 250), наказуемым по-разному и в широком диапазоне от 15 лет каторги до 1 года тюрьмы⁴⁴.

Стремясь облегчить участь обвиняемых, некоторые адвокаты (в том числе и защитник Лопатина Евгений Утин – родной брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина), к неудовольствию своих подзащитных, умаляли силу и значимость революционной борьбы. Особенно грешил этим (как и на предыдущих процессах) «король адвокатуры» Спасович. Он рисовал состояние революционного лагеря 1883–1884 гг. такими красками: «есть стадо без пастырей, остатки партии без вожakov <...> [Исполнительный] комитет был одержим дремотою, спячкой, прозябал, а не действовал»⁴⁵.

Но о моральном облике подсудимых адвокаты говорили с нескрываемым сочувствием и симпатией. «Скажите по совести, мыслимо ли снять голову с этих плеч!» – восклицал тот же Спасович, указывая судьям на Якубовича после хвалы его «чувству чести» и «прекрасным нравственным задаткам»⁴⁶. Не удивительно, что герои процесса «21-го» вспоминали о своих защитниках «с глубокой благодарностью»⁴⁷.

⁴³ РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 102, 226–226 об. Л. 191.

⁴⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. С. 209–210.

⁴⁵ Спасович В. Д. Указ. соч. С. 253, 260.

⁴⁶ Там же. С. 272.

⁴⁷ Салова Н. М. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. Прил. 2. С. 407.

Адвокаты добились на этом процессе трех оправдательных приговоров (хотя для военного суда того времени и один такой приговор был редкостью). Не менее важно и то, что их вдохновенные речи о нравственных достоинствах обвиняемых пробуждали добрые чувства к борцам за свободу даже в кругах политически равнодушных, а то и предубежденных против «крамолы». Тем самым российская адвокатура тоже вылетала лавры в тот, по выражению народовольца А. Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»⁴⁸, который доставили освободительному движению политические процессы 1871-1887 гг.

Приговор. Приговор по делу «21-го» был объявлен 5 июня 1887 г.: 15 чел. (Г. А. Лопатин, П. Ф. Якубович, Н. П. Стародворский, В. П. Конашевич, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин, С. А. Иванов, П. Л. Антонов, Г. Н. Добрускина, В. И. Вольнов, С. Е. Кузин, В. В. Ливадин, М. П. Попов, И. И. Гейер и П. А. Елько) – к смертной казни через повешение; А. Г. Белоусов и Л. П. Ешин – к 4 годам каторги, В. И. Кирсанов – к 4 месяцам тюрьмы. С. Г. Белоусов, Я. Г. Френкель и П. М. Лебеденко были оправданы. По ходатайству суда, смертная казнь была заменена каторгой: Сухомлину и Вольнову на 15 лет, Кузину – на 12, Добрускиной – на 8, Елько и Гейеру – на 4 года; ссылкой в Сибирь – Ливадину и Попову. Кроме того, заменили каторгу ссылкой в Сибирь Ешину и А. Белоусову.

Две недели 7 осужденных со дня на день ждали смерти, но поскольку в стране еще свежа была память о недавней (8 мая) казни пяти жертв «Второго 1 марта», царизм не решился будоражить общественное мнение новыми виселицами. 18 июня Александр III заменил смертную казнь каторгой: Лопатину, Стародворскому, Конашевичу, Иванову, Антонову – без срока, Саловой – на 20 лет, Якубовичу – на 18 лет⁴⁹.

Дальнейшая судьба осужденных сложилась по-разному. Оба предателя – Елько и Гейер – вскоре были помилованы и приняты на го-

⁴⁸ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 260.

⁴⁹ РГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 324об.-330 об. (приговор и конфирмация). Арест и осуждение Лопатина были восприняты его друзьями как большое горе. К. Маркс к тому времени умер, а Ф. Энгельс и дочь Маркса Элеонора очень тревожились о Лопатине и выражали надежду «снова увидеть его» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 586-587; Переписка членов семьи К. Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974. С. 61). Но когда Лопатин вышел из Шлиссельбурга, ни Энгельса, ни Элеонору Маркс уже не было в живых.

сударственную службу (Гейер дослужился даже до вице-губернатора в Ташкенте)⁵⁰. В августе 1905 г., за два месяца до того, как первая русская революция заставила царизм освободить всех уцелевших узников «государевой тюрьмы» в Шлиссельбурге (в том числе Лопатина, Иванова, Антонова) и закрыть тюрьму, не вынес шлиссельбургского заточения, раскаялся, испросил помилование и стал агентом охранки Стародворский⁵¹. Остальные выдержали все испытания. Тринадцать человек дожили до падения царизма. Из них первым ушел из жизни (28 декабря 1918 г. в Петрограде) Лопатин, последней (2 ноября 1945 г. в Москве) — Добрускина. Красный командир Кузин зимой 1919 г. был расстрелян белогвардейцами.

Значение процесса. Процесс «21-го» стал последним из семи самых выдающихся процессов «Народной воли»⁵² и, вообще, последним в XIX веке столь крупным политическим процессом. Он вызвал международные отклики, причем писала о нем не только социалистическая, но и буржуазная пресса. Лондонская «Таймс» не без иронии отметила: «такая непроницаемая секретность окружала процесс, что сам факт его будет новостью для русских, если цензор позволит им прочесть о нем в иностранных газетах»⁵³.

Герои процесса (особенно Г. А. Лопатин) достойно представили перед царским судом, а главное, перед судом истории партию «Народная воля». Правда, им недоставало былого народовольческого оптимизма, вместо которого теперь превалировала жертвенность. Пережившие упадок народничества, пленные и судимые врагами в обстановке беззакония и безгласности, народовольцы после 1881 г., хотя и сохраняли веру в неизбежность революции, теряли ориентировку в сроках и даже путях ее осуществления и не находили поэтому другого исхода своей бескорыстной энергии, кроме того, чтобы, говоря словами Петра Антонова, «показать палачам, как умирают революционеры». Но они делали главное — несмотря на засилье реакции, сохраняли и продолжали в России традицию борьбы против самодержавия, воодушевляли своим подвижничеством все российское освободительное движение, которое тем временем уже поднималось от народничества к социал-демократии.

⁵⁰ РГАЛИ. ф. 1744, оп. 1, д. 35, л. 59–60; Народовольцы. Сб. 3. М., 1931. С. 211, 220.

⁵¹ См. об этом: Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 158–220.

⁵² Шесть предыдущих: «16-ти» (1880 г.), 1 марта 1881 г., «20-ти» (1882), «17-ти» (1883), «14-ти» (1884), 1 марта 1887 г.

⁵³ The Times. 1887. 27 june. P. 5. См. также: Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg // Der Sozialdemocrat. 1887. № 26

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1880-х гг. И МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Обзор политических процессов в России был бы неполным без такой проблемы, как процессы и мировая общественность. Откликов за рубежом на процессы 1870–1880-х гг. было много. Иные из них – особенно по делу Веры Засулич или 1 марта 1881 г. – хорошо известны. Однако в целом, даже с чисто фактической точки зрения о зарубежных откликах на политические процессы в России той эпохи мы знаем все еще мало. Главное же, давно назрела потребность обобщить такие отклики, проследить за тем, как менялось отношение различных кругов мировой общественности к единоборству «нигилизма» с царизмом и какую роль здесь играли судебные процессы над русскими революционерами. Эта проблема (до сих пор мало разработанная) важна не только для уяснения значимости политических процессов в России, но и для выявления международных связей и авторитета русского освободительного движения.

До 70-х гг. XIX в. о России вообще, и о русском революционном движении в особенности, Европа (не говоря уже об Америке и Азии) знала крайне мало. Изредка выходявшие за границы труды на русскую тему либо совсем ничего не говорили о революционной России¹, либо сообщали единичные отклики на выступления декабристов и петрашевцев². «Цезарь знал галлов лучше, чем Европа знает русских», – писал А. И. Герцен в 1849 г.³

Сам Герцен первым стал знакомить Европу с революционной Россией – главным образом как автор книги «О развитии революционных идей в России». Писали о России для иностранного читателя в 40–60-е годы и другие авторы-эмигранты, но их сочинения («Россия под Николаем I» И. Г. Головина, «Правда о России»

¹ См.: *La Russie en 1839*. Par marquis de Custine. Paris, 1843. V.1-4 (рус. перевод: *Де Кюстин А. Николаевская Россия*. М., 1930); *Lacroix F. Les mystères de la Russie*. Paris, 1845.

² См.: *De-Lagney G. Le knout et les russes*. Paris, 1853.

³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 191.

П. В. Долгорукова), обличая Россию правящую, реакционную, даже не упоминали о России борющейся, революционной. В общем же до 70-х гг. Европа, хотя и проявляла интерес к личности и сочинениям Герцена, а также (гораздо в меньшей степени) некоторых других русских эмигрантов, еще не уделяла большого внимания русским революционным делам и мало черпала информации непосредственно из России. В течение 70-х гг. положение изменилось, причем едва ли не главную роль сыграли здесь судебные процессы над русскими революционерами.

Первый же процесс 70-х гг. — по делу нечаевцев — вызывал за границей живые отклики⁴, а еще более громкие дела «50-ти», «193-х» и Веры Засулич (1877–1878 гг.) буквально взбудоражили европейскую общественность. Пресса всех стран воспринимала эти процессы как главную политическую сенсацию. Портреты и речи подсудимых Софьи Бардиной, Петра Алексеева, Ипполита Мышкина печатались на страницах книг, журналов, газет в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Будапеште, Женеве, Милане, Праге⁵. Крупнейшие газеты Европы отряжали тогда в Петербург специальных корреспондентов для наблюдения «за постепенным развитием революционного движения в России»⁶.

Однако и в 70-е годы интерес зарубежной общественности к революционной России, хотя он сильно возрос, оставался еще недостаточным широким и, главное, пассивным: о каких-либо кампаниях солидарности с русскими революционерами пока не было и речи. Гораздо более общим и действенным стал этот интерес после того, как авансцену русской освободительной борьбы заняла (с 1879 г.) «Народная воля», вступившая в «guerre à mort»⁷ с царизмом.

Ни одна из революционных организаций в России домарксистской эпохи не пользовалась такой известностью за границей и таким

⁴ См., например: Лондонская конференция I Интернационала. М., 1936. С. 114; *The Times*. 1871. 11 October. P. 8, 21 October. P. 7.

⁵ См. об этом: «*The Graphic*» London, 1877, 27 October. P. 386; «*Revue des deux Mondes*». Paris, 1878. V. 27. P. 216; *Arnauddo J. Le nihilisme et les nihilistes*. Paris, 1879. P. 212; *Mechýr J. Ohlasy narodnictví v českém dělnickém hnutí v osmdesátých letech minulého století*. Acta Universitatis Carolinae, 1964. Philosophica et Historica, 3, С. 85.

⁶ Катков М. Н. Собр. передовых статей «Московских ведомостей» за 1879 г. М., 1898. С. 163.

⁷ «Война не на жизнь, а на смерть» (франц.). Так определил поединок «Народной воли» с царизмом шеф жандармов П. А. Черевин (см.: РГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 11, л. 153).

влиянием на мировое общественное мнение, как «Народная воля». Ее дела и люди, по выражению Г. В. Плеханова, остановили на себе «зрачок мира»⁸. Под впечатлением громкой славы «Народной воли» не только в Европе, но отныне и в Америке, и в Азии все более широкие слои общества стали интересоваться русским освободительным движением и Россией вообще. Пресса всех направлений интенсивно печатала корреспонденции и передовые статьи о русском «нигилизме», о единоборстве между «нигилизмом» и царизмом и о гонениях на «нигилизм». В разных странах выходили сенсационные описания современной России, где на первом плане оказывалась опять-таки проблема «царизм и нигилизм». С такими книгами выступили, например, француз П. Фреде⁹, немец А. Тун¹⁰, испанец Э. Кастьяр¹¹, американец Э. Нобль¹².

Одним из главных источников информации о русском революционном движении 80-х гг. служили для заграницы материалы судебных процессов, благодаря которым можно было проникнуть в тайны «guerre à mort» между царизмом и «нигилизмом». Всего, с 1880 по 1891 гг., царизм устроил в России 126 политических процессов. Судились на них исключительно народовольцы и близкие к ним народники. Ни одного социал-демократа¹³ в 80-е годы не судили. Русская социал-демократия, переживавшая тогда «процесс утробного развития»¹⁴, еще не пугала карателей и для мировой общест-венности пока большого интереса не представляла. Поэтому международные отклики на политические процессы и на связанные с ними революционные акты в России 80-х гг. адресовались почти сплошь «Народной воле».

Демократические круги (особенно социалисты) Запада и Востока, хотя и не без оговорок относительно русских условий, которые диктуют революционерам специфические, не для всех целесообразные, способы борьбы, всегда солидаризировались с народовольцами и отзывались о них не иначе как с восхищением. «Какое величие ду-

⁸ См.: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 221.

⁹ Frédéric P. La Russie et le nihilisme. Paris, 1880.

¹⁰ Thun A. Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland. Leipzig, 1883.

¹¹ Castelar y Ripolle. La Rusia contemporanea... Madrid, 1881.

¹² Noble E. The Russian revolt, its causes, conditions and prospects. London, 1885.

¹³ Кроме Л. Г. Дейча, который в 1884 г. был осужден за участие в народническом движении.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

ши! – писал о героях «Народной воли» Марк Твен. – Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и, в конце концов, на смерть только ради блага других – такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России... Я не говорю о кратком мученичестве, о внезапном самопожертвовании во имя высокого идеала в минуту восторженного порыва, почти безумия, – я говорю лишь о героизме совсем иного рода: об этом поразительном, сверхчеловеческом героизме, что прямо смотрит вперед, через годы, в ту даль, где на горизонте ждет виселица, – и упрямо идет к ней сквозь адское пламя, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя и твердо зная, что на его долю достанется одна только виселица»¹⁵.

Таков же смысл откликов Национального конгресса французских социалистов в Гавре (ноябрь 1880 г.) на процесс «16-ти» и центрального органа социал-демократической партии Германии «Социал-демократ» на процесс «21-го»¹⁶. «Величие революционной акции, героизм, сильные характеры и целую галерею примеров для подражания» ценили у народовольцев польские социалисты группы «Рувиость»¹⁷ и сербский революционер Перо Слиепчевич¹⁸. Подвигами народовольцев вдохновлялись создатель и вождь партии венгерских социалистов герой Парижской Коммуны Лео Франкель¹⁹, основатель чешской социал-демократии Ладислав Запотоцкий²⁰, лидер итальянских социалистов Филиппо Турати и замечательный поэт-демократ Италии Джозуэ Кардуччи²¹. Бернард Шоу находил русских революционеров «восхитительно приятными» и считал своей любимой героиней Софью Перовскую²². Разделял социалистические идеалы народовольцев и приветствовал их борьбу (в ча-

¹⁵ Твен Марк. Собр. соч. В 12 т. М., 1961. Т. 12. С. 613–614.

¹⁶ См.: Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 99; O-n. Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg // Der Sozialdemocrat. 1887. 23. jüni.

¹⁷ Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение. М., 1969. С. 395.

¹⁸ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 501.

¹⁹ См.: Дроздов П. И. Вехи многовековой дружбы. М., 1965. С. 277, 282.

²⁰ См.: Фирсов Ф. И. Революционные связи народов Чехословакии и Советского Союза // История СССР. 1958. № 6. С. 189.

²¹ См.: Раджоньери Э. Итало-русские общественные связи (1860–1900). М., 1968. С. 16–18.

²² Шоу Б. Слово о Степняке // Русская литература. 1967. № 1. С. 166; Гражданская З. Т. Бернард Шоу. М., 1965. С. 35.

стности, царубийство 1 марта 1881 г., после которого «на земле одним тираном стало меньше») и Генрик Ибсен²³.

Симпатии английского рабочего люда к героям «Народной воли» ярко проявились после лекций П. А. Кропоткина о русском революционном движении в Ньюкасле, Глазго и Эдинбурге (1882 г.), когда «толпы работников восторженно кричали на улице «ура» в честь нигилистов»²⁴.

Кампания солидарности с «Народной волей» захватила в 80-е гг. социалистов и рабочие массы, а также часть радикально-буржуазной интеллигенции чуть ли не всех континентов. Один из приветственных адресов народовольцам в 1880 г. подписали 70 социалистов Александрии (Египет)²⁵. В марте 1881 г. прошли митинги одобрения русских царубийц в Нью-Йорке и (с участием 2 тыс. рабочих) в Чикаго²⁶. На митинге в Бостоне 7 марта 1881 г. выдающийся борец за свободу американских негров, член I Интернационала Уэнделл Филлипс, «лучший, — в оценке Ф. Энгельса, — оратор Америки, а возможно и всего мира», говорил: «Я смотрю на Россию, лежащую за 4000 миль отсюда, и вижу, какой кошмар тяготеет над ее народом. Но я надеюсь, что найдется кто-нибудь, кто освободит от него народ. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли здесь хоть один американец, который это осудит?»²⁷.

В Уругвае весной 1881 г. участники народного митинга точно также выражали симпатии «нигилистам, которые жертвуют собой ради избавления своей страны от гнета»²⁸, а в Японии боевая группа демократической партии «Дзюкото» в 1884 г. наставляла своих адептов: «Мы должны брать пример с русских нигилистов»²⁹. Об откликах на борьбу «Народной воли» в Китае Лу Синь в 1932 г. писал так: «Кто из нашей революционной молодежи тех лет не знал о молодых русских революционерах? Кто не слышал про смелых террористов? Китайская молодежь не забывала Софью Перовскую, хотя большин-

²³ Адмони В. Г. Генрик Ибсен. Очерк творчества. М., 1956. С. 158.

²⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 399

²⁵ См.: «Le Révolté», Genève, 1880. 3 avril. P. 2.

²⁶ См.: 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 286.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.35. С. 143.

²⁸ «Le Révolté», 1881. 28 mai. P. 3.

²⁹ Бедняк И. Я. и др. Очерки новой истории Японии. М., 1958. С. 277.

ство, пожалуй, знало ее только как красавицу. Ведь в китайских произведениях до сих пор еще часто встречалось имя Софьи»³⁰.

Горячо приветствовали «Народную волю» как «революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»³¹, солидаризировались с ней К. Маркс и Ф. Энгельс, пристально наблюдавшие за ходом революционного движения в России. В личной встрече с членом Исполнительного комитета «Народной воли» Н. А. Морозовым Маркс подчеркнул, что борьба народовольцев с царизмом «представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастические романы»³². Маркс и Энгельс включали эту борьбу в общий фронт международного революционного движения и радовались ее победам. Маркс в письме к Ф. Зорге от 5 ноября 1880 г., оценив «превосходные» успехи французской социал-демократии, с гордостью отмечал: «В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш (выделено мной. — Н. Т.) успех еще значительнее. Мы имеем там... центральный комитет террористов»³³. Понимая, что избранный народовольцами террористический метод борьбы в русских условиях 1870–1880-х гг. был «исторически неизбежным способом действия»³⁴, Маркс и Энгельс разъясняли это тем из своих соратников (например, Вильгельму Либкнехту), которые относились к тактике русских «нигилистов» с известным предубеждением. «К счастью для Либкнехта, — писала об этом осенью 1880 г. дочь Маркса Женни, — папа и Гартман открыли теперь ему глаза. Он всерьез заинтересовался Гартманом, который показал ему все значение русского революционного движения и беспримерное величие подлинных героев-нигилистов»³⁵.

Что касается буржуазных кругов, то поначалу в тоне их откликов на борьбу «Народной воли» резко преобладали враждебные ноты. «Нигилизм» как соединение терроризма и социализма пугал расчетливых английских, французских и прочих буржуа, шокировал их своей фанатической непримиримостью к социальному неравенст-

³⁰ Лу Синь. Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 99.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 357.

³² Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 318.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380.

³⁴ Там же. Т. 35. С. 148.

³⁵ Там же. Т. 34. С. 397. Ср.: Мering Ф. История германской социал-демократии. М.; Пг. Т. 4. 6. г. С. 158, 160. Гартман Лев Николаевич (1850–1908) — народоволец, друг К. Маркса и Ф. Энгельса.

ву³⁶. Американский журнал «Мэкмилиэн мэгэзин» уподоблял народовольцев «маньякам эпохи французского террора», способным только на разрушение³⁷. Одна из самых влиятельных немецких газет «Альгемейне цейтунг», посвятившая народовольцам три редакционные статьи в номерах от 23, 24 и 25 марта 1881 г. под общим названием «Нигилизм в России», хотя и признавала «целеустремленность и готовность к самопожертвованию», даже «нечто вроде античного величия» в народовольцах, ссылаясь на «общий ужас, возбуждаемый преступлениями нигилизма»³⁸. Буржуазная пресса распространяла тогда карикатуры на «нигилистов» как на демонов разрушения, вроде той, которую С. М. Кравчинский видел вскоре после взрыва 5 февраля 1880 г. в одном из английских сатирических журналов: «два нигилиста встречаются среди груды развалин. «Уже все взлетело в воздух?» – спрашивает один. «Нет, – отвечает другой. – Земной шар еще стоит на месте». «Ну что ж, тогда давай взорвем и земной шар!»³⁹.

Такой взгляд на «нигилистов» бытовал отчасти по неведению. Дело в том, что заинтригованная русскими катаклизмами иностранная печать на рубеже 70–80-х гг. заботилась не столько о качестве, сколько о количестве информации из России. Падкие на всякую сенсацию буржуазные газеты печатали, наряду с отчетами своих корреспондентов, непроверенные слухи и откровенные анекдоты. Любопытно, что слухи и анекдоты большей частью питались преувеличенными представлениями об удачах и возможностях «нигилистов». Одна «большая политическая газета» Вены уверяла своих читателей в марте 1881 г., что «нигилисты наклеивают теперь в Петербурге свои революционные прокламации на спинах жандармов, дворников и других блюстителей порядка»⁴⁰. В общем же М. П. Драгоманов имел основания заявить весной 1881 г.: «Можно умереть со смеху, читая девять десятых того, что печатается в европейских газетах... о русских революционерах»⁴¹.

³⁶ См.: *Perivier A. Les Nihilistes. «Le Figaro», 1881. 27 mars; Cunliff-Owen F. Russian Nihilism. «The Nineteenth Century», 1880. V. VII. № 35.*

³⁷ *Costelloe. Russia and Revolution. «Macmillan Magazine». 1882. № 3. P. 408 (цит. по кн.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Ростов н/Д., 6. г. Т. 2. С. 253).*

³⁸ *Der Nihilismus in Russland // Allgemeine Zeitung, Augsburg. 1881. 25 mars.*

³⁹ *Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 7.*

⁴⁰ «Голос». 1881. 2(14) апреля.

⁴¹ *Драгоманов М. П. Тираноубийство в России и поведение Западной Европы. Собр. политических сочинений. Париж, 1906. Т. 2. С. 363. В пример Драго-*

Исполнительный комитет «Народной воли» (ИК) в таком положении заботился, прежде всего, о правдивом ознакомлении европейской общественности с русскими делами, а затем уже о завоевании ее сочувствия. Впрочем, одно с другим ИК связывал. Особый пункт инструкции «Подготовительная работа партии», который так и назывался «Европа», гласил: «Факты революционной борьбы, деятельность и цели партии, мероприятия русского правительства, его отношение к народу – если Европа будет все это знать без искажений, то ее сочувствие нам обеспечено»⁴².

Толчком к началу активной борьбы ИК за привлечение на сторону русской революции общественного мнения Европы явилось знаменитое «дело Гартмана».

Агент ИК Лев Николаевич Гартман, участник покушения на Александра II под Москвой 19 ноября 1879 г., эмигрировал в декабре того же года в Париж и там, по ходатайству русских властей, 15 февраля 1880 г. был арестован⁴³. Царизм потребовал его выдачи. Французские власти готовы были уступить. Премьер-министр Ш.-Л. Фрейсине обещал князю Н. А. Орлову, что требование будет выполнено⁴⁴. Но расчеты обоих правительств спутала вдруг начавшаяся во Фран-

манов привел А. Леруа-Болье, который (после того как в Киеве кто-то из революционеров попытался поджечь сарай, чтобы скрыть следы тайной типографии) напечатал в солидном «*Revue des deux Mondes*» от 15 февраля 1880 г., что русские революционеры «жгли дома, целые кварталы, почти целые города».

⁴² Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: Сб. документов и материалов. Т. 2. (1876–1882). М.; Л., 1965. С. 183.

⁴³ «Голос» в передовой статье от 25 февраля (8 марта) 1880 г. сообщал, что русский посол во Франции князь Н. А. Орлов, как только он «был извещен» о приезде в Париж Гартмана, попросил арестовать его, и «французские власти выказали, как известно, полнейшую готовность исполнить эту просьбу». Известил Орлова о Гартмане русский уголовник Шиперко (Кудрявцев), который еще в 1878 г. бежал из России от преследований за мошенничество и, скрыв свое прошлое, втерся в доверие к некоторым политэмигрантам (Н. А. Преферанскому и др.). Царское правительство одарило его за эту услугу 5 тыс. руб. (см.: Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 271). Арест Гартмана на Елисейских полях у концертной кассы Диорамы описан очевидцем Л. Г. Дейчем, который вместе с Преферанским и еще одним эмигрантом (его фамилию Дейч забыл) тщетно пытался помочь Гартману вырваться из рук полицейских агентов, причем, как показалось Дейчу, второй эмигрант помогал, скорее, агентам, чем Гартману (см.: Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920. С. 55–56). Этот бесфамильный эмигрант и был Шиперко.

⁴⁴ См.: Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871–1891 гг. М., 1952. С. 265.

ции бурная общественная кампания в защиту Гартмана, которую блестяще открыли, с одной стороны, ИК, а с другой стороны, солидарная с ним русская революционная эмиграция.

Как только ИК узнал об аресте Гартмана, он разослал в редакции французских газет и в другие страны воззвание «Французскому народу». Подчеркнув, что русские революционеры борются за принципы свободы, равенства и братства, которые «провозгласила впервые» Франция, ИК обращался «ко всей Франции» с призывом не допустить выдачи Гартмана. «Тут важен не Гартман, не та или другая отдельная личность, — разъяснял ИК, — важен принцип... Не покупайте благорасположения царя ценою оскорбления свободы и международной солидарности!»⁴⁵. Одновременно ИК поставил в известность о деле Гартмана русскую революционную эмиграцию и уполномочил С. М. Кравчинского, О. С. Любатович и В. И. Засулич «ходатайствовать по этому делу от имени Исполнительного комитета официально»⁴⁶.

Эмигранты начали действовать немедленно и решительно, причем наряду с Кравчинским особенно активны были П. Л. Лавров, искавший поддержки у всемогущего председателя палаты депутатов Л. Гамбетты (тот, правда, ничего определенного не обещал), и Г. В. Плеханов, который, по данным французской охранки, приехал в Париж из Цюриха и обратился за помощью к А. Рошфору, Ф. Пиа, Ж. Клемансо⁴⁷.

Французская общественность горой встала за Гартмана. Многие газеты опубликовали воззвание ИК, а иные («Citoyen», «Lanterne», «Reveil Social» и др.), требуя немедленного освобождения Гартмана, были «чуть не готовы избрать его в муниципальные советники Парижа»⁴⁸. Парижане устраивали митинги солидарности с русским революционером. 1 марта две тысячи студентов собрались в зале Аррас под председательством «вечного узника» Огюста Бланки, незадолго перед тем в последний раз освобожденного из тюрьмы, и выработали адрес правительству с протестом против ареста Гартмана и с требованием освободить его⁴⁹.

⁴⁵ Революционное народничество 70-х гг. Т. 2. С. 227.

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 66, л. 5-6.

⁴⁷ См.: Кантор Р. М. Французская охранка о русских эмигрантах. «Каторга и ссылка». 1927. № 2. С. 86.

⁴⁸ Голос. 1880. 16 (28) февраля.

⁴⁹ См.: Новое время. 1880. 22 февраля (5 марта).

В защиту Гартмана выступили двое самых популярных в то время из людей Европы. Патриарх европейской литературы Виктор Гюго пользовался тогда во Франции и в Европе колоссальным влиянием. В глазах передовой части русского общества он был «центром, от которого исходили все лучшие новые силы Франции», и к тому же «казался гением, превосходящим все земное, – бесспорным и волшебным»⁵⁰. 27 февраля 1880 г. Гюго обратился к правительству Франции с открытым письмом, которое перепечатали не только французские, но и европейские газеты⁵¹. «Вы не можете выдать этого человека, – писал Гюго. – ...Законы о выдаче останавливаются перед политическими деяниями. Всеми народами закон этот блюдет. И Франция его соблюдает. Вы не выдадите этого человека!»⁵².

Голосу Гюго вторил голос другого властителя дум того времени, который, по выражению С. М. Кравчинского, «в течение целого полувека наполнял громом своего имени два полушария»⁵³, – Джузеппе Гарибальди. Он вступился за Гартмана в письме от 6 марта 1880 г., тоже перепечатанном европейскими газетами: «Гартман – смелый молодой человек, к которому все честные люди должны питать уважение и признательность. Министр Фрейсине и президент Гриви не сохраняют за собой имени честных республиканцев, если выдадут политического изгнанника. Это было бы достойно версальских гиен»⁵⁴.

«Агитация в пользу освобождения Гартмана приняла неимоверные размеры, – вспоминал Л. Г. Дейч, находившийся тогда в Париже. – По несколько раз в день газеты выпускали специальные приложения по поводу дела Гартмана. Имя его непрерывно выкрикивали разносчики, и на время он сделался самым популярным человеком не только в Париже, но и во всем цивилизованном мире»⁵⁵.

В такой ситуации правительство Франции не рискнуло насилловать общественное мнение и отказалось выдать Гартмана, сослав-

⁵⁰ Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. Т. 1. М., 1962. С. 97; Андреевский С. А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 430.

⁵¹ См. напр.: *La Lanterne*. 1880. 29 février. P. 1; *The Times*. 1880. 1 March. P. 5.

⁵² Гюго В. Собр. соч. В 15 т. М., 1956. Т. 15. С. 681.

⁵³ Степняк-Кравчинский С. Соч. М., 1958. Т. 2. С. 355.

⁵⁴ *Dernières Nouvelles*. «*Journal de St.-Petersbourg*». 1880. 6 (18) mars. P. 2. Русский перевод письма (с некоторыми сокращениями) см.: Былое. Лондон, [1900]. № 1. С. 17. Ни в одной из биографий Гарибальди – на русском языке – это письмо даже не упомянуто.

⁵⁵ Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х гг. С. 57.

пись на то, что нельзя установить тождество арестованного с тем Гартманом, который покушался на царя⁵⁶. Таким образом, царизм получил «звонкую всеевропейскую пощечину»⁵⁷.

«На этом факте, — свидетельствует Вера Фигнер, — «Народная воля» увидела значение, которое может иметь для партии общественное мнение Европы»⁵⁸. ИК после этого занялся организацией своего постоянного представительства за границей и 25 октября 1880 г. назначил первым уполномоченным партии Л. Н. Гартмана, всемирная известность которого оказалась очень кстати. В тот же день ИК разослал письма К. Марксу, «К американскому народу» и А. Рошфору (тогда еще радикально настроенному и очень авторитетному во Франции публицисту, редактору газеты «Intransigent») с одинаковой просьбой, которая в письме к Марксу сформулирована так: «Задача наша была бы значительно облегчена, будь за нас серьезное сочувствие общественного мнения свободных стран, для чего требуется лишь знание истинного положения дел в России. В этих соображениях мы поручаем товарищу нашему Льву Гартману озаботиться организацией средств для правильного ознакомления общественного мнения Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни. Вас же, многоуважаемый сотоварищ, просим оказать ему содействие в этом деле»⁵⁹.

Гартман в какой-то степени сумел склонить на сторону «Народной воли» общественное мнение и в Англии, и в США, причем постоянное содействие ему оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс⁶⁰. Во Франции многое делал для этого П. Л. Лавров, в Италии и той же

⁵⁶ См.: Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 69.

⁵⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 245. Реакционные верхи России восприняли эту пощечину болезненно. Разгневанный царь немедленно и надолго (до мая) отозвал из Парижа своего посла, отъезд которого носил явно демонстративный характер и был «принят в целой Европе за выражение недовольства и охлаждения между Россией и Францией» (см.: Милютин Д. А. Дневник. Т. 3. С. 235). Тем временем М. Н. Катков печатно клеймил «позор ее (Франции. — Н. Т.) правительства, прикрывшего явною ложью свое бессилие перед революционной сволочью» (см.: Московские ведомости. 1880. 27 марта. С. 3).

⁵⁸ Фигнер В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 245.

⁵⁹ Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 229.

⁶⁰ Переписка Гартмана с Марксом и Энгельсом за 1880–1882 гг. (34 письма, из которых 31 — первые) опубликована: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Англии – С. М. Кравчинский⁶¹, в Швейцарии – П. А. Кропоткин. Однако сильнее всего привлекали за границей общественные симпатии к «Народной воле» дела и жертвы самой партии, особенно на судебных процессах, которые неоднократно побуждали мировую общественность выступать в защиту народовольцев против царских палачей.

Более других показателен в этом отношении процесс по делу 1 марта 1881 г. Кстати, это был последний в России XIX века гласный политический процесс, на который имели доступ люди прессы (из пятнадцати представленных здесь газет оказалось десять иностранных – в частности, «Times», «Figaro», «Daily News», «Standart», «Graphic», «Kölnische Zeitung»)⁶².

Мировая общественность уважительно оценила силу духа и благородство подсудимых. «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические», – писал о них К. Маркс дочери Женни 11 апреля 1881 г.⁶³ Даже консервативная «Таймс», которая за считанные дни до процесса злобствовала против народовольцев как «политических изуверов» и «головорезов»⁶⁴, о процессе писала в сдержанном тоне, не без симпатии к подсудимым, будь то «пытливый химик» Кибальчич, «утонченно воспитанная леди» Перовская или «чеканный тип гордого и непреклонного демагога», каким показался «Таймсу» Желябов⁶⁵.

Впрочем, не только и, пожалуй, даже не столько личности подсудимых, сколько программа, которую они провозглашали перед судом, вызвала сочувственный интерес за границей. Особенно впечатляла речь Желябова: он, как известно, отмежевывал «Народную волю» от анархизма, ставшего пугалом для европейской общественности («Мы государственники, не анархисты»⁶⁶), и требовал поли-

⁶¹ «Подпольная Россия» Кравчинского – этот гимн и реквием «Народной воле», как выразилась Е. А. Таратута, – будила интерес и симпатии к народовольцам по всему миру: уже в 80-е годы она вышла на итальянском, португальском, английском, японском, шведском, немецком, французском, голландском, венгерском языках, распространялась в США и Китае (см.: Таратута Е. А. «Подпольная Россия». Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С. 158–165).

⁶² См.: Procès de Pétersbourg // Le Révolté. 1881. 16 avril.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 147.

⁶⁴ The Times. 1881. 22 March (передовая статья).

⁶⁵ См.: Ракитников Н. И. Отклики за границей // 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 246–247.

⁶⁶ Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 333.

тических свобод, столь ценимых на Западе и желанных на Востоке. Та же «Таймс» добросовестно пересказала речь Желябова⁶⁷, а в передовой статье от 16 апреля по поводу казни первомайцев признала, что в требованиях «Народной воли» нет «ничего недопустимого и неосновательного».

Казнь героев 1 марта повлекла за собой взрыв протеста в разных концах мира. Протестовали участники народных митингов в Париже (под председательством «Красной девицы» Коммуны Луизы Мишель) и Лондоне⁶⁸, в Женеве⁶⁹ и далеком Монтевидео⁷⁰, социалисты Константинополя⁷¹, центральный орган ГСД «Социал-демократ»⁷², Организационный комитет по созыву международного социалистического конгресса (в обращении «К революционерам всего мира»)⁷³. Женщины Парижа вотировали текст призыва «К женщинам всего мира» протестовать против казни Софьи Перовской⁷⁴. Глубокую симпатию к Перовской («святой в революционном календаре») выразил и английский либерально-буржуазный орган «Фотнайтли ривью»⁷⁵. Умеренная «Кельнише дейтунг» обнародовала крик возмущения своего корреспондента: «Я был очевидцем дюжины казней на Востоке, но никогда не видел подобной живодерни»⁷⁶.

Поскольку одной из осужденных, Гесе Гельфман, ввиду ее беременности, казнь была отсрочена до рождения ребенка, кампания протеста против казни слилась с кампанией в защиту Гельфман. И на этот раз, как в деле Гартмана, громче всех протестовала Франция. 2 мая 1881 г. Анри Рошфор со страниц «Intransigeant» призвал «всех матерей, любящих своих детей, и всех детей, любящих своих матерей» организовать повсюду «громкие митинги протеста против удушения как матери, которая уже осуждена, так и младенца, который не осужден»⁷⁷. И митинги были организованы. В Париже

⁶⁷ См.: The Times. 1881. 14 April. P. 5.

⁶⁸ См.: Валк С. После 1 марта 1881 г. // «Красный архив». 1931. Т. 2. С. 148, 149.

⁶⁹ См.: ГАРФ, ф. 102. 3 д-во. 1881, д. 1574, л. 178–178 об.

⁷⁰ См.: «Le Revolté», 1881. 28 mai. P. 3.

⁷¹ Ibid. 25 juni. P. 4.

⁷² См.: In memoriam // Der Sozialdemocrat. 1881. 24 april.

⁷³ См.: Le Révolté. 1881. 30 avril. P. 2.

⁷⁴ Ibid. 14 mai. P. 2.

⁷⁵ См.: Morley J. Home and foreign affairs // The Fortnightly Review. 1881. V. 29. № 173. P. 669–670.

⁷⁶ Kölnische Zeitung. 1881. 16 april. S. 2.

⁷⁷ См.: Иохельсон В., Кантор Р. Геся Гельфман. Материалы для биографии и характеристики. Пг.; М., 1922. С. 43.

больше 4 тыс. человек собрались в цирке Фернандо, где с речью в защиту Гельфман выступил генерал Парижской Коммуны Эмиль Эд и была зачитана страстная телеграмма польских социалистов за подписью Людвига Варыньского: «Сын, наследник, превзошел своего отца. Пять виселиц бледнеют перед муками беременной женщины, Геси Гельфман... Пусть будет проклят отец, пусть будет проклят и сын!»⁷⁸. В Марселе перед русским консульством состоялась демонстрация с участием от 1 тыс. до 2,5 тыс. (по разным данным) человек, которых вела за собой с красным знаменем в руках героиня Коммуны Полина Менк⁷⁹. Многолюдным был митинг солидарности с мучениками «Народной воли» и в Сент-Этьене⁸⁰.

Вновь поднял голос в защиту народовольцев Виктор Гюго. Его выступление по делу Гельфман, которое в биографиях писателя не освещается, имеет такую историю. Русские революционеры-эмигранты, близкие к «Народной воле», с самого начала хотели придать кампании в защиту Гельфман как можно больший размах и эффект. П. А. Кропоткин, живший тогда в Женеве, 17 апреля 1881 г. писал П. Л. Лаврову в Париж: «Дорогой Петр Лаврович, возьмитесь Вы устроить что-нибудь. Нельзя ли вызвать Victor Hugo?.. Надо спасти Гельфман от этой пытки!! Надо возбудить общественное мнение Европы против русского царя»⁸¹. Не дожидаясь результатов хлопот Лаврова, Кропоткин сам поехал в Париж, навестил Гюго и ознакомил его с обстоятельствами дела⁸². Гюго, как явствует из воспоминаний Кропоткина, откликнулся стихотворением «Да, ужас дошел до этой степени...», которое написано специально о Гесе Гельфман⁸³.

Кампания за помилование Гельфман охватила и другие страны. В Лондоне и Брюсселе состоялись митинги⁸⁴, а в итальянском городке Сампиердарен (близ Генуи) 825 женщин подписали адрес на имя русской императрицы с ходатайством помиловать осужденную⁸⁵.

⁷⁸ Набат. Лондон, 1881. № 4. С. 8; Валк. С. После 1 марта 1881 г. // Красный архив. 1931. Т. 2. С. 149–150.

⁷⁹ См.: Неделя. 1881. 17 мая (заграничная хроника).

⁸⁰ См.: Le Révolté. 1881. 14 mai. P. 2.

⁸¹ РГАЛИ, ф. 285, оп. 1, д. 14, л. 2.

⁸² См.: Лебедев Н. К. П. А. Кропоткин и народовольцы // 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 126.

⁸³ La vérité sur les exécutions en Russie. Genève. 1881. P. 18. П. А. Кропоткин приводит здесь полный текст стихотворения В. Гюго.

⁸⁴ См.: Набат. 1881. № 4. С. 8.

⁸⁵ См.: РГАЛИ, ф. 1744, оп. 1. Д. 80. Л. 1–5.

Царизм не мог не посчитаться с такой кампанией. Князь Н. А. Орлов из Парижа слал отчаянные телеграммы управляющему министерством иностранных дел Н. К. Гирсу, заклиная его официально опровергнуть сообщение французской печати, будто Гельфман пытался, и у нее случился выкидыш, ибо, мол, это «пункт, существенно важный» для отношений между Россией и Францией⁸⁶. В результате царь вынужден был заменить Гесе Гельфман казнь пожизненным заключением.

В следующем, 1882 г. европейская общественность вырвала у царизма еще девять жизней героев «Народной воли». Речь идет о процессе «20-ти» (9–15 февраля 1882 г.), по которому были осуждены на виселицу десять членов и агентов ИК. Пресса Европы дружно осудила этот людоедский приговор: возмущались и социалистические органы, как женеvский «Révolté»⁸⁷, и радикально-буржуазные, как миланский «Il Secolo»⁸⁸, и даже консервативные, вроде лондонских «Times» и «Daily News»⁸⁹. Решающее слово и в этот раз сказал Виктор Гюго. Все солидные европейские газеты перепечатали его «Призыв»: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!.. Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁹⁰. «Призыв» нелегально проник и в Россию. Размноженный на гектографе по-русски и по-французски, он ходил по рукам под названием «Cri de Victor Hugo»⁹¹.

Газета Гюго «Le Rappel» рассказала, как «Призыв» повлиял на Александра III. Этот рассказ тогда же был перепечатан русской эмигрантской газетой «Вольное слово» (1882, № 32 и 34), а в 1906 г. — В. Л. Бурцевым⁹². Оказывается, царь готов был сначала помиловать пятерых из десяти смертников. Гюго получил известие об

⁸⁶ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 406, л. 107–108.

⁸⁷ См.: Le Révolté. 1882. 4 mars. P. 4.

⁸⁸ См.: Голос из Италии // Общее дело. 1882. № 48. С. 2–3.

⁸⁹ «Таймс», в частности, отметила, что «ни один политический процесс в России до сих пор не проводился с такой секретностью, жестокостью и пренебрежением к процессуальной стороне дела» (см.: The Times. 1882. 24 February. P. 5).

⁹⁰ Гюго В. Собр. соч. Т. 15. С. 685.

⁹¹ См.: РГИА, ф. 1410, оп. 1, д. 373 (конв. 2), 436 (л. 10).

⁹² Бурцев В. Процесс «20-ти» // Былое. Вып. 1 (1900–1902). Ростов н/Д. 1906. С. 111–112.

этом на банкете. Он встал и произнес тост: «Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует и остальных пятерых!» Через князя П. П. Демидова Сан-Дonato Гюго переслал письмо к Александру III (пока не найденное) с просьбой помиловать оставшихся смертников. Царь, польщенный тостом и письмом Гюго, согласился даровать жизнь еще четверым, но сделал исключение для Н. Е. Суханова, как офицера, изменившего присяге. 19 марта Суханов был расстрелян. Остальных же девять смертников заточили навечно в Петропавловскую крепость. Трое из них (М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова, И. П. Емельянов) в конце концов вышли на свободу.

С 1882 г. политические процессы в России вершились тайно. Ни русские, ни иностранные корреспонденты, ни прочая публика на них не допускалась, судебные отчеты более не печатались, и даже о самом факте процесса власти не всегда сообщали. Поэтому процессы «Народной воли» 1883–1891 гг. не имели столь широкого отклика, как в 1880–1881 и отчасти в 1882 гг. (на процессе «20-ти» еще сохранялись кое-какие остатки гласности). Между тем интерес к русскому «нигилизму» за границей не угасал. Вести и слухи (не всегда точные) об отдельных революционных актах народовольцев (убийство Г. П. Судейкина, пропаганда в войсках, «Второе 1 марта») и крупных политических процессах («17-ти», «21-го», январь-февраль 1887 г.) рождали как на Западе, так и на Востоке преувеличенные представления о революционных возможностях «Народной воли». Даже Ф. Энгельс в 1885 г. считал, что Россия «подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно – с 13 марта (т. е. с 1 марта 1881 г. – Н. Т.). Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию; другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и высвободить актом, самым по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия – вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора – имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге...»⁹³.

Вот почему мировая (в первую очередь, конечно, социалистическая и демократическая) общественность внимательно следила за

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 260 (письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 23 апреля 1885 г.).

политической жизнью России и продолжала выступать против судебного террора царизма, хотя после процесса «20-ти» ей ни разу не удалось как-то повлиять на исход того или иного политического судилища. Любопытно, что дотошные корреспонденты таких газет, как, например, лондонская «Таймс» или венская «Нойе фройе пресе», умудрялись доставать информацию из первых рук даже о тех процессах, которые русская легальная пресса замалчивала полностью⁹⁴. Больше того, заграничная агентура «Святой дружины» обращала внимание «на то странное обстоятельство», что секретнейшая телеграмма Александра III генералу И. В. Гурко с требованием осудить и повесить С. Н. Халтурина и Н. А. Желвакова в 24 часа «была известна в Лондоне на следующий день после ее отправления»⁹⁵.

Почти вся европейская пресса осуждала царизм за насилие над гласностью политических дел. Дипломатичная «Таймс» и та в дни процесса «14-ти» возмущалась: «Русская нация и все ее доброжелатели должны быть шокированы циничностью, с которой русский бюрократизм попирает неотъемлемое право подсудимых исправлять административное предубеждение в условиях судебной гласности»⁹⁶. Еще более резко обличали безгласность и жестокость царских судов органы радикальной прессы: например, парижский «*Si du Peuple*»⁹⁷ и бухарестский «*Romanuli*»⁹⁸.

Надо сказать, что царизм, лишив политические дела гласности, сделал палаческое беззаконие, которым он грешил и прежде, обычной нормой судебного разбирательства, тем более, что революционная ситуация, сложившаяся в России к 1879 г., в середине 1882 г. была исчерпана, и реакция принялась мстить революционерам за политические издержки 1879–1882 гг. Мстительный характер приобрели и судебные процессы над героями народничества: ритуал судопроизводства стал более фиктивным, а сами судилища – еще более жестокими, чем ранее. На 65 процессах с середины 1882 по 1890 гг. суды вынесли 70 смертных приговоров (большой частью

⁹⁴ «Таймс», к примеру, 19 апреля 1883 г. поместила корреспонденцию из Одессы с официальными данными и комментарием (не без сочувствия к подсудимым) по делу «23-х», а 11 октября 1884 г. – информацию о суде и приговоре по делу Л. Г. Дейча.

⁹⁵ ИРЛИ РО, ф. 661, ед. хр. 16, л. 548 (Лемке М. К. «Святая дружина»).

⁹⁶ The Times. 1884. 15 October. P. 9.

⁹⁷ См.: Красный архив. 1926. Т. 2. С. 222–223.

⁹⁸ См.: ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 1305, л. 1–2.

замененных вечной каторгой) и еще 127 обвиняемых осудили на каторгу, вплоть до пожизненной⁹⁹.

Безусловно, разные круги европейского (а также американского) общества выступали против судебного палачества царизма из разных побуждений. Если демократическая общественность искренне старалась помочь русским революционерам, то консервативные и, тем более, откровенно реакционные круги имели все основания бояться русской революции, во-первых, как возможного прецедента для своих стран и, во-вторых, как фактора, который мог круто, а главное нежелательно для них, изменить политическую ориентацию России. Видимо, поэтому все (исключая лишь «очень немногие») немецкие газеты, вплоть до берлинского официоза «Post», после 1 марта 1887 г. подсаживали царизму, что «при настоящем положении вещей, т. е. danser sur un volcan (танцевать на вулкане. — Н. Т.), Россия оставаться не может и так как все иные средства уже исчерпаны, следовало бы попытаться ввести представительный образ правления»¹⁰⁰.

Как бы то ни было, мировая общественность, узнавая время от времени (главным образом, из подпольных изданий «Народной воли» и через посредство русской революционной эмиграции) те или иные подробности судебного террора в России, естественно, проникалась все большим негодованием против царских палачей и сочувствием (если не симпатией) к их жертвам. Показательны в этом отношении отклики брюссельской газеты «Indépendance Belge» на процесс «17-ти»¹⁰¹, «Таймс» — на процесс «21-го»¹⁰² и особенно — едва ли не всей европейской печати — на процесс «Второго 1 марта», когда все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни за участие в покушении на Александра III и лишь «по милости» царя десять смертников остались жить. «Можно было думать, что зверский замысел (подсудимых — Н. Т.) возбудит понятное негодование и презрение к его зачинщикам. Ничуть не бывало, — сокрушался министр внутренних дел Д. А. Толстой в специальной записке царю от 20 марта 1887 г., — Иностранная пресса, за весьма малыми исключениями, набросилась по этому поводу не на презренных дина-

⁹⁹ См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. 2-е изд. Саратов, 1983. С. 379–406.

¹⁰⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 1. 1887, д. 692, л. 4 (обзор иностранной прессы, приложенный к всеподданнейшему докладу Д. А. Толстого по делу 1 марта 1887 г.).

¹⁰¹ См. об этом. Вольное слово. 1883. № 60. С. 16.

¹⁰² См. The Times. 1887. 27 June. P. 5.

митчиков, а на Россию, на русское правительство, на все наши порядки»¹⁰³. Оказалось, царская цензура за 11 дней задержала в иностранных газетах 517 статей с антицаристскими комментариями к делу «Второго 1 марта»¹⁰⁴. «Вообще все иностранные газеты, – заключал Д. А. Толстой, – высказывались против принципа самодержавия, несомненного источника испорченности существующего правительства, и поэтому убеждали, что так как государь олицетворяет собою этот принцип, то он и послужил мишенью для нового безбожно-адского замысла 1 марта»¹⁰⁵.

Такие меры, как задержка отдельных статей и даже запрещение иным газетам доступа в Россию (так, например, были наказаны «*Berliner Tageblatt*», «*Neue Freie Presse*» и «*Börsen Courier*» за предосудительную информацию о процессе «14-ти»¹⁰⁶), не могли, конечно, расположить к царизму западную печать. Напротив, они еще сильнее восстанавливали общественное мнение Европы против царского деспотизма. Со всей очевидностью это проявилось в международной кампании протеста по случаю Якутской трагедии.

22 марта 1889 г. в Якутске охранники учинили дикую расправу над партией ссыльных народовольцев, которые заявили было коллективный протест против самодурства властей. Пустив в ход ружья и сабли, каратели убили шесть протестантов (причем 19-летняя Софья Гуревич была заколота штыками) и ранили двадцать, после чего оставшихся в живых, не исключая и раненых, предали военному суду¹⁰⁷. Суд, на котором не было ни публики, ни свидетелей, ни защитников, ни даже обычного судебного заседания, наспех вынес еще три смертных и четырнадцать вечно-каторжных приговоров. 7 августа 1889 г. три народовольца – Н. Л. Зотов, А. Л. Гаусман, Л. М. Коган-Бернштейн – были повешены (Коган-Бернштейна, тяжело раненого, внесли на эшафот прямо в кровати, подняли с нее и вдели в петлю, а затем кровать из-под него выдернули)¹⁰⁸.

Очевидцы Якутской трагедии сумели рассказать о ней миру. В течение 1889 г. народовольцы размножили на гектографе ряд прокламаций и целых брошюр по этому поводу, которые распростра-

¹⁰³ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 692, л. 2–2 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 3–5.

¹⁰⁵ Там же. Л. 6 об.

¹⁰⁶ См. об этом: *The Times*. 1884. 14 October. P. 5.

¹⁰⁷ Подробно см.: Якутская трагедия 22 марта 1889 г.: Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925.

¹⁰⁸ Там же. С. 63–64.

лись в России и проникли за границу¹⁰⁹. Мировая общественность начала новую кампанию протеста против зверств царизма.

В Англии все крупные газеты осудили царский режим за «сибирские ужасы». «Таймс» напечатал рассказ о Якутской трагедии ее очевидца и жертвы В. Н. Геймана¹¹⁰ и в специальной статье об этом вменял в преступление царизму «сцены ужаса, позорящие его правительство и его религию»¹¹¹. Знаменитый поэт Чарльз Суинберн написал оду под названием «Россия» и в ней утверждал: сам Данте «на отдаленнейших дорогах ада... не видел ужасов, которые могли бы сравниться с тем, что ныне происходит в России»¹¹². Тем временем шли массовые митинги протеста. Самый крупный из них состоялся в лондонском Гайд-Парке, где в числе ораторов выступал Джон Бёрнс – в ту пору популярнейший вожак английских рабочих. Об этом митинге сочувственно писали «Daily News» и «Daily Telegraph»¹¹³.

Во Франции на этот раз кампания протеста не приняла больших размеров, поскольку страна была занята устройством всемирной выставки в честь 100-летия революции 1789 г. Тем не менее французская пресса тоже откликнулась на Якутскую трагедию¹¹⁴. Протестовала и общественность других стран. Департамент полиции отметил, например, возмущенный отклик венской газеты «Neue Freie Presse» от 4 июля 1889 г.¹¹⁵. В США якутское злодеяние вызвало такую бурю протеста, что царизм, вопреки обыкновению, счел нужным дать официальные «разъяснения». 19 января 1890 г. «New-York Tribune» опубликовала версию царского правительства, согласно которой охранники расстреливали, кололи штыками и вешали ссыльных исключительно в целях самообороны, ибо, мол, затеяла кровопролитие и ответственна за него «банда» ссыльных¹¹⁶. Эта версия тут же лопнула, как мыльный пузырь. Ее разоблачил Джордж

¹⁰⁹ См.: Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г. и подпольская печать // Каторга и ссылка. 1929. № 3. С. 23–39.

¹¹⁰ См. об этом: С родины и на родину. Женева, 1893. № 3. С. 218.

¹¹¹ Цит. по: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 276.

¹¹² Swinburne A. Ch. Russia: an ode // The Fortnightly Review. 1890. № 284. P. 165–167.

¹¹³ См.: Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80–90 гг. XIX в. // Учен. зап. Курского пед. ин-та. Курск, 1967. Вып. 43, ч. 1. С. 90.

¹¹⁴ См.: Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. С. 139–140.

¹¹⁵ См.: ГАРФ, ф. 102. 7 д-во. 1889, д. 139, л. 2.

¹¹⁶ См.: Кеннан Д. Указ. соч. С. 271–272.

Кеннан (о нем речь еще впереди) по документам, полученным от жертв и очевидцев Якутской трагедии, причем Кеннан не удовлетворялся выяснением истины только для американского народа. «Если я буду жить, — заявил он, — весь говорящий по-английски свет будет знать все подробности этого ужасного преступления»¹¹⁷.

Мировая общественность еще продолжала обсуждать Якутскую трагедию, когда царизм совершил новое злодеяние, известное, как Карийская трагедия. 7 ноября 1889 г. в каторжной тюрьме на р. Каре (Забайкалье) член «Народной воли» Надежда Сигида за «оскорбление власти» (дала пощечину лютому коменданту Кары) была подвергнута телесному наказанию (100 розог, и в тот же день, не стерпев позора, покончила с собой. Это первое в истории русской политической каторги телесное наказание женщины повлекло массовое самоубийство (в знак протеста) каторжан, в числе которых были еще три женщины¹¹⁸.

За границей весть о Карийской трагедии вызвала новую волну протеста, которая бурлила долгое время. Русский посол в Лондоне Е. Е. Стааль и в мае 1890 г. с беспокойством доносил: «Агитация, поднятая в Англии против России (читай: царизма. — Н. Т.) на основании преувеличенных (?) слухов о беспощадном обращении с ссыльно-каторжными в Сибири, не утасла до сих пор»¹¹⁹. Материалы о Карийской трагедии печатали все английские газеты; в частности, опять возмущалась этой «страшной историей» «Таймс»¹²⁰. Марк Твен в те дни высказывался за цареубийство в России, пока «устроить там революцию невозможно»¹²¹.

Протест мировой общественности был столь громким, что иные тузы царизма (например, государственный секретарь А. А. Половцов) боялись международных осложнений¹²². Эти опасения были не безосновательны. Ф. Энгельс в статье «Внешняя политика русского царизма» прямо указывал на падение международного престижа

¹¹⁷ Кеннан Д. Указ. соч. С. 277.

¹¹⁸ Подробно см.: Карийская трагедия (1889). Воспоминания и материалы. Пб., 1920.

¹¹⁹ Иванова Н. В. Указ. соч. С. 90–91.

¹²⁰ См.: The Times. 1890. 28 February.

¹²¹ Твен М. Указ. соч. С. 612.

¹²² См.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. (1887–1892). М., 1966. Т. 2. С. 257.

самодержавия, «с тех пор как стало известно об экзекуции, которой была подвергнута г-жа Сигида, и прочих русских зверствах»¹²³.

Так, десятилетие, в начале которого мировая общественность дружно выступила против царизма в защиту Гартмана, закончилось еще более внушительными кампаниями протеста против палачей Якутска и Кары.

За десять лет, которые разделяют эти кампании, общественное мнение Европы и Америки значительно склонилось в пользу «Народной воли». Не только радикальные, но и весьма умеренные буржуазные круги стали признавать историческую справедливость борьбы народовольцев против «злодейств тирании – злодейств, ею вызванных и порожденных»¹²⁴, и, как выразился С. М. Кравчинский, понимать, что народовольцы – «это люди 93-го и 89-го годов во Франции, которых Европа вся под образа сажает»¹²⁵. При таком отношении к некогда одиозному «нигилизму» в Англии было создано (в декабре 1889 г.) общество «Друзей русской свободы» с целью будить повсеместно симпатии к русским революционерам. Ради этого общество наладило издание журнала «Free Russia» («Свободная Россия»). Членами общества были и социалисты (Сидней Вебб, Эдуард Пиз, основоположник социалистической поэзии в Англии Вильям Моррис, будущий советский историк академик Ф. А. Ротштейн), и «околосоциалистическая» интеллигенция, и либеральные буржуа (например, бывший член кабинета Гладстона Д. Шоу-Лефевр)¹²⁶.

В США, где в 1881 г. Л. Н. Гартман встретил чрезвычайно враждебный прием («Вся пресса, за исключением 2–3 газет, стоит против меня. Общественное мнение – против меня...»¹²⁷), в 1888 г. состоялась грандиозная общественная кампания против намерения Сената заключить с царизмом трактат о выдаче «нигилистов»: массовые митинги в Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, Бостоне, Сан-Франциско и др. городах¹²⁸, большой успех «Послания к американ-

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 47. Ср. письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 3 апреля 1890 г. Там же. Т. 37. С. 317.

¹²⁴ Цит. английская буржуазная газета «Крисчен Уорлд» от 11 сентября 1884 г. по: Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. С. 7–8.

¹²⁵ Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 345.

¹²⁶ См.: Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч. С. 419–420.

¹²⁷ Л. Н. Гартман – Ф. Энгельсу 24 августа 1881 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 450.

¹²⁸ См.: Волховский Ф. В. Предисловие к изд.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1906 С. XXXV

скому Сенату и народу» С. М. Кравчинского, которое, по утверждению представителя газетного синдиката «Питсбург лидер», было опубликовано «примерно в 800 руководящих газетах»¹²⁹. 15 октября 1888 г. Джордж Кеннан писал Кравчинскому: «Если вы приедете в Соединенные Штаты к концу будущего года, вам едва ли удастся найти человека, кто питал бы симпатию к царю или его министрам, но вы найдете миллионы горячо и активно сочувствующих русским революционерам... Я получаю сотни писем со всех концов Соединенных Штатов с выражением сочувствия русским революционерам и ненависти и презрения к царскому правительству»¹³⁰.

В 1891 г. в США тоже, по примеру Англии, было учреждено «Общество друзей русской свободы» со своим печатным органом «Свободная Россия» и при участии Марка Твена, Джорджа Кеннана, писательницы Джулии Хоу (автор военного гимна северян), поэта Джеймса Лоуэлла и др.¹³¹. Характерно, что среди множества писем 1881–1888 гг. с ходатайствами перед Александром III о смягчении участи осужденных народовольцев есть письма из Нью-Йорка, Филадельфии, Кливленда, Мехико¹³².

Интерес, сострадание и симпатии к народовольцам, а в этой связи и к социализму вообще, проявляли в разных странах авторитеты, весьма далекие от социализма и революции. Итальянский философ, психиатр и криминалист с мировым именем Чезаре Ломброзо объявлял «несомненным тот факт, что истинные революционеры, инициаторы великих научных и политических переворотов, вносящие действительный прогресс в человечество, почти всегда бывают людьми гениальными или святыми и обладают удивительно гармоничной физиономией. Какие благородные лица у... Маццини, Гарибальди, ...Перовской и Веры Засулич»¹³³. Как явствует из декабрьского 1883 г. письма С. В. Ковалевской к П. Л. Лаврову, «одним из тех, которые всего живее относятся к этому (о социализме. – Н. Т.) вопросу, а в особенности желали бы знать положение социализма и нигилизма в России», был знаменитый шведский полярный исследователь Нильс Норденшельд¹³⁴. П. А. Кропоткин из всех шведов, с

¹²⁹ Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч. С. 220.

¹³⁰ Там же. С. 227, 228.

¹³¹ См.: Хомяков В. А. Поездка С. М. Степняка-Кравчинского в Америку // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1963. № 3.

¹³² См.: ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 545, л. 3–15.

¹³³ Цит. по: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Ростов н/Д. б. г. Т. 2. С. 270.

¹³⁴ Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 274.

которыми он встречался у них на родине в 1871 г., выделял Норденшельда как «самого развитого и радикального»: «чье влияние на нем сильно заметно и о ком он вспоминает с большим увлечением, — Бакунин (он был с ним лично знаком) и Герцен»¹³⁵. Вообще в Швеции тех лет, по наблюдениям С. В. Ковалевской, «даже люди, занимающие очень высокое положение в обществе, дерзают открыто признаться в сочувствии к социализму»¹³⁶.

Главную роль в том, как «Народная воля» завоевывала симпатии мировой общественности, играли ее судебные процессы (особенно, 1880–1882 гг.), поскольку на них подсудимые доступно для иностранных корреспондентов (до 1 марта 1881 г. даже в их присутствии) выказывали столь редкостную для того времени силу духа и разъясняли позицию «Народной воли», делая упор не на отдаленных социалистических, а на ближайших политических задачах. Мы знаем, что при случае подсудимые добивались и оглашения на суде программных документов партии, включая Письмо к Александру III, которое, как заверял весной 1882 г. С. М. Кравчинский, «произвело очень выгодный оборот общественного мнения в нашу пользу. Это может засвидетельствовать всякий, следивший за иностранной прессой»¹³⁷.

Поддерживали авторитет революционной России и те народники, которые судились за «социалистическую пропаганду» в иностранных судах: Арон Либерман — в Вене (ноябрь 1878 г.); Герман Гуревич и др. — в Берлине (апрель 1879 г.); Анна Макаревич (Кулишева) — «Славянская мадонна», как прозвали ее журналисты¹³⁸, — во Флоренции (ноябрь 1879 г.); Евгений Степанов и др. — в Париже (июль 1890 г.). Вокруг этих процессов обычно возникали общественные кампании сочувствия русским революционерам. Так, в связи с делом Е. Д. Степанова, «искренние симпатии французских социа-

¹³⁵ Кропоткины Петр и Александр. Переписка. М., 1933. Т. 2. С. 248.

¹³⁶ Ковалевская С. В. Указ. соч. С. 274.

¹³⁷ Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 344. Раскалявшийся народовец К. А. Маслов в показании от 24 сентября 1882 г. отмечал (по собственным заграничным наблюдениям), что после обнародования Письма ИК к Александру III «даже такие органы, как клерикально-буржуазный «*Journal des Debats*» или торийская «*Times*», стали на сторону нигилистов» (см.: ГАРФ, ф. 102. 7 д-во. 1883, д. 37, т. 3, л. 342 об.).

¹³⁸ Афанасьева С. П. К вопросу о революционной деятельности Анны Кулишевой в 1873–1892 гг. // Россия и Италия. М., 1968.

листов к демократической России, представляемой нигилистами», печатно выражали Жюль Гед, Жан Жорес и другие французы¹³⁹.

Наибольший отклик за границей из судебных дел этого рода вызвал процесс в Лионе (8–19 января 1883 г.) над П. А. Кропоткиным, который, хотя и не принадлежал к народолюбцам, горячо поддерживал их и слыл не только в европейской печати, но и при петербургском дворе одним из вождей «Народной воли». Подобно народолюбцам, Кропоткин со скамьи подсудимых обвинял царизм и славил русское революционное движение, будь то «геройский поступок Веры Засулич» или цареубийство 1881 г.¹⁴⁰ Осуждение Кропоткина (пять лет тюрьмы) вызвало очередную волну протеста и во Франции, и в других странах. Ряд крупных деятелей политики и культуры Англии (Герберт Спенсер, Чарльз Суинберн, Джон Морли) и Франции (Камиль Фламмарин, Эрнест Ренан, Эдуард Пальерон) выработали петицию с требованием освободить Кропоткина. Еще раз возвысил голос в защиту русских революционеров престарелый Виктор Гюго. Он тоже подписал петицию и добавил к подписи многозначительное пояснение: «Все вопросы об амнистии интересуют меня, а это прошение об освобождении князя Кропоткина я, в особенности, принимаю близко к сердцу. Виктор Гюго»¹⁴¹.

Отметим здесь, что после смерти Гюго «Народная воля» благодарно почтила память писателя, так часто выступавшего в защиту ее героев и мучеников. Русский посол в Париже А. П. Моренгейм доносил в Петербург о похоронах Гюго: «Нигилисты, разумеется, были представлены здесь весьма широко; редакция «Народной воли» торжественно несла большой венок»¹⁴².

С конца 80-х гг. могучим защитником «Народной воли» на Западе выступил американский журналист Джордж Кеннан (1845–1924 гг.), который с 1864 по 1886 гг. четырежды приезжал в Россию, дважды побывал в Сибири, досконально изучил там ссылку и каторгу и в 1890–1891 гг. опубликовал книгу «Сибирь и ссылка» с потрясающим разоблачением судебно-карательной политики царизма. Книга обошла весь мир и повсюду будоражила общественное мнение против самодержавия. Ф. Энгельс так и писал о ней: «америка-

¹³⁹ АВПР, ф. посольства в Париже, оп. 524, д. 1577, л. 105.

¹⁴⁰ «Голос». 1883. 4(16) января. «Голос» был единственной русской газетой, которая имела на процессе Кропоткина специального корреспондента.

¹⁴¹ Новое время. 1883. 18(30) марта (этот факт ни в одной из биографий Гюго не упомянут). Ср.: *Кропоткин П. А. Записки революционера*. М., 1966. С. 412.

¹⁴² Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 908.

нец Кеннан разоблачил перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению»¹⁴³. Зато русская общественность приветствовала книгу Кеннана. «Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, – писал Кеннану 8 августа 1890 г. Лев Толстой, – за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов»¹⁴⁴.

Бесславля царизм, Кеннан, с другой стороны, возвеличивал его врагов (главным образом, народовольцев), о которых отзывался с глубочайшей симпатией: «самые мужественные и самые великодушные типы мужчин и женщин, каких я когда-либо знал»¹⁴⁵.

Резонанс от разоблачений Кеннана был тем сильнее, что он, не довольствуясь книгой и циклом статей о сибирской ссылке, выступал в США, Канаде, Англии с яркими лекциями, которые собирали многотысячные аудитории и пользовались шумным успехом. «В течение четырех лет, – гласит справка российского Департамента полиции от 26 июня 1893 г. – Кеннан успел прочесть в Америке около 500 лекций, на которые собиралось иногда до 6–7 тыс. слушателей», причем «для большего воздействия на слушателей Кеннан появлялся на этих чтениях в арестантском халате, с ручными кандалами, потрясая которыми приглашал свободных граждан Америки помочь русскому революционному движению»¹⁴⁶. После одной из таких лекций (в Вашингтоне весной 1889 г.) оказавшийся среди слушателей Марк Твен произнес взволнованную речь, «полную энтузиазма и симпатии к русским революционерам. Закончил он ее словами: «Если правительство, подобное теперешнему русскому, не может быть низвергнуто иначе как динамитом, то слава богу, что существует динамит!»¹⁴⁷.

Величественная и трагическая эпопея «Народной воли» явилась одной из самых важных для того времени составных частей мирового революционного процесса. Именно она, главным образом, дала основание К. Марксу и Ф. Энгельсу еще в январе 1882 г. заключить, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 47.

¹⁴⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Серия 3 (Письма). Т. 65. С. 138.

¹⁴⁵ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Ростов н/Д. б. г. Т. 2. С. 268.

¹⁴⁶ Колесниченко Д. А. Джордж Кеннан и царская охранка // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 227. «Вред, причиненный Кеннаном интересам русского правительства, громадный», – заключал Департамент полиции (Там же. С. 299).

¹⁴⁷ И. Б. Из Нью-Йорка // Самоуправление. Женева, 1889. № 4. С. 18–19.

движения в Европе»¹⁴⁸. Двадцать лет спустя на страницах ленинской «Искры» Карл Каутский (тогда еще не изменивший марксизму) утверждал: «в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов геройская борьба русских революционеров повергла в изумление всю Европу и оказала самое глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран. Наряду с восстанием и геройской смертью Парижской Коммуны, наряду со сказочным ростом германской социал-демократии... ничто не повлияло так плодотворно на социалистическое движение семидесятых и восьмидесятых годов, ничто не придало ему столько воодушевления и самоотверженности, как отчаянная борьба, которую бесстрашно и подчас с величайшим успехом вела горсть русских революционеров против страшной силы самодержавия»¹⁴⁹.

Справедливость этих слов подтверждают известные нам многочисленные документы. Хотя социалисты (особенно, социал-демократы) Запада оговаривали своеобразие русских условий, диктующих иногда специфические, не для всех приемлемые, способы борьбы (так поступали, в частности, лидеры германской социал-демократии Август Бебель¹⁵⁰ и Георг Фольмар¹⁵¹), хотя идеология народничества в 80-е гг. существенно не влияла на революционное, по преимуществу социал-демократическое, движение в странах Европы (как это показал на примере Чехии современный историк Ян Мехирж¹⁵²), тем не менее, боевой опыт народовольцев, их героизм и самоотверженность вдохновляли революционеров всех стран, не исключая и социал-демократов. Тот же Я. Мехирж показал, как стимулирующе воздействовала героика «Народной воли» на чешское рабочее движение 80-х гг.¹⁵³. Не менее характерны уже отмеченные приверженные отклики на борьбу «Народной воли» демократов и социалистов Англии, Франции, Германии, Италии, Польши, Сербии, Венгрии, США, Уругвая, Египта, Японии, Китая.

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что именно в эпоху «Народной воли» (с конца 1870-х – начала 1880-х гг.) русские революционеры стали популярными героями мировой литературы и искусства, тогда как ранее они появлялись там лишь в исключительных случа-

¹⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

¹⁴⁹ Каутский К. Славяне и революция // Искра. 1902. № 18 (10 марта). С. 2.

¹⁵⁰ См.: Бебель А. Из моей жизни. М., 1963. С. 702.

¹⁵¹ См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 1. М., 1923. С. 158.

¹⁵² Mechyr J. Ohlasy narodnictví v českém dělnickém hnutí... С. 85.

¹⁵³ Ibid. С. 85–87.

ях («Учитель фехтования» А. Дюма, «Ванда» А. Виньи, «Ангелли» Ю. Словацкого). Сочувственно изображали народовольцев Э. Золя («Жерминаль»), А. Доде («Тартарен на Альпах»), Т. Мопассан («В пути»), Жюль Верн («Цезарь Каскабель», «Драма в Лифляндии»), Марк Твен («Американский претендент»). Э. Войнич («Оливия Лэтам»), Д. Голсуорси («Вилла Рубейн»), А. Конан-Дойль («Торговый дом Гердлстон», один из рассказов о Шерлоке Холмсе «Пенсне в золотой оправе»), Оскар Уайльд («Вера и нигилисты»), Д. Конрад («На взгляд Запада»), Г. Гауптман («Одинокие»), С. Жеромский («Курган»), С. Чех («Славия»), А. Стриндберг («Рецидив»), К. Милле («Красное стихотворение»). Переводные и оригинальные сочинения, прославляющие героев «Народной воли», выходили тогда и в Китае, Японии¹⁵⁴. Как правило, народовольцы в иностранной литературе изображались под впечатлением, а то и по материалам политических процессов, — не столько борцами, сколько мучениками, жертвами карательного террора.

Сцены многих стран мира с участием знаменитых актеров (Элеоноры Дузе, Сары Бернар) обошла в 80–90-е гг. драма В. Сарду «Федора», сюжет которой отчасти заимствован из дел Веры Засулич, Льва Гартмана и др. (герой драмы Лорис Ипанов убивает сына петербургского градоначальника и эмигрирует во Францию; царизм пытается вытребовать его как убийцу, но французское правительство отказывает в этом). Ставились в разных странах и другие спектакли из истории революционного народничества, — в частности, о процессе Засулич (в Неаполе)¹⁵⁵ и, возможно, о Якутской трагедии¹⁵⁶. На сцене лучшего драматического театра Лондона «Лицеум» (режиссера и актера Генри Ирвинга) шла в английском переводе пьеса С. М. Кравчинского «Домик на Волге»¹⁵⁷.

В музыке известны оперы У. Джордано «Федора» (по драме В. Сарду) и «Сибирь» по мотивам книги Д. Кеннана. На премьере «Федоры» в миланском театре «Lirico» 17 ноября 1898 г. партию на-

¹⁵⁴ См.: Лу Синь. Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 99; Сэн Катаяма. Воспоминания. М., 1964. С. 165. Подробно об этом см.: Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. Гл. 5. § 3.

¹⁵⁵ См.: Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 229.

¹⁵⁶ См.: Минор О. С. Якутская драма 22 марта 1889 г. // Былое. 1906. № 9. С. 129.

¹⁵⁷ См.: Терешкович К. М. После каторги в эмиграцию // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 79.

родовольца Лориса Ипанова пел Энрико Карузо¹⁵⁸. Оперу «Сибирь» (может быть, тоже по Кеннану?) собирался писать и Д. Пуччини, но не написал, решив, что «не сможет отобразить неизвестную ему русскую жизнь»¹⁵⁹.

Международный авторитет русских народников был настолько значительным, что правительство Германии уже в 1879 г. сочло необходимым уведомить царизм, будто «партия русских нигилистов,... распространявшая первоначально свои действия на одну только Россию, вошла в тесную связь с интернациональными партиями переворота, которые ныне в своих действиях руководятся указаниями русских своих единомышленников»¹⁶⁰.

В революционных кругах Европы 70-х – начала 80-х гг. предполагалось, что Россия первой и притом скоро начнет демократическую революцию, открыв путь к ней другим странам. На такую перспективу неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, полагавшие, что русская революция «тотчас же изменит облик всей Европы» и «будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории»¹⁶¹. Конгресс социалистов Франции в Гавре (1880 г.) адресовал народовольцам специальную резолюцию: «Взоры французского пролетариата обращены на вас; он, шлет вам благодарность за подаваемый вами пример, он шлет вам пожелания близкого торжества. Вашей победе... быть может, суждено стать предвестником освобождения других народов и сигналом международной революции»¹⁶². Подобным же образом – как пролог социалистических революций на Западе, – расценивал возможную победу народничества в России орган итальянских социалистов «La Plebe»¹⁶³.

Столь оптимистические надежды международной демократии ни в 70-е ни в 80-е гг. XIX в. не оправдались, но они и дальше жили в ее сознании, воодушевляли и побуждали ее следовать героическому примеру борцов против российского самодержавия – сначала народников, а затем и социал-демократов.

¹⁵⁸ См.: Cellamare D. Umberto Giordano. Milano, 1949. P. 68, 79.

¹⁵⁹ Данилевич Л. В. Джакомо Пуччини. М., 1969. С. 286.

¹⁶⁰ ГАРФ, ф. III отд. 3 экзп., 1878, д. 262, л. 20 об.

¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 344, 347. О том же см.: Т. 19. С. 124, 305; Т. 22. С. 449; Т. 34. С. 230.

¹⁶² Литература партии «Народная воля». С. 99.

¹⁶³ См.: Григорьева И. В. К истории революционно-общественных связей между Россией и Италией в 60–90-е годы XIX в. М., 1968. С. 39.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, политические процессы были важной приметой российской действительности 1870–1880-х гг. Об этом говорит и число процессов (по подсчетам, 118 – за 1871–1880 гг. и 92 – за 1881–1890 гг.), а главное – их значимость. В то время судебные процессы по политическим делам часто становились главными событиями общественной жизни. На них выступали крупнейшие революционеры эпохи, которым иногда удавалось произносить исторические речи, обходившие мировую прессу. Многие процессы превращались в дерзкие поединки обвиняемых с обвинительной властью и привлекали к себе внимание не только российской, но и международной общественности.

Значение политических процессов 1871–1887 гг., прежде всего, в том и состоит, что судившиеся на них революционеры-народники превращали почти каждый процесс в арену борьбы с царизмом, а скамью подсудимых – в революционную трибуну. С начала 1870-х и по начало 1880-х гг. царские власти упорно, несмотря на неудачу за неудачей, пытались использовать то один, то другой судебный процесс для того, чтобы политически и морально дискредитировать «крамолу», но «это им так же удалось, – констатировала «Народная воля», – как если бы они вздумали заплевать солнце»¹.

После процесса по делу 1 марта 1881 г. царизм уже едва ли питал на этот счет какие-либо иллюзии. Теперь он тщился не столько опровергнуть на том или ином процессе идеи, дела и личности подсудимых, сколько помешать им сделать из процесса рекламу для революционной партии. При таком подходе к делу царское правительство рано или поздно должно было отказаться от устройства политических процессов, тем более что с ростом массового (крестьянского и рабочего) движения число арестованных и подследственных становилось слишком обременительным для судов. В результате, к середине 1890-х гг. царизм пресек четвертьвековую непрерывную вакханалию судебного террора и стал уповать исключительно на административную расправу. Процессы возобновились

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 30.

уже с началом нового столетия, в преддверии революции 1905 г., после того как царизм убедился, что и административная расправа не дает желаемых результатов, да еще к тому же компрометирует его перед общественным мнением страны, Европы и мира.

Все вообще политические процессы в России 1870-1880-х гг. представили собой благодаря самоотверженной энергии обвиняемых своего рода второй фронт революционной борьбы с царизмом. Они колебали авторитет и позиции царского режима, возбуждали оппозиционный дух в российском обществе, привлекали к россиянам – борцам за свободу сочувствие и симпатии мировой общественности, словом – укореняли в сознании современников идею неодолимости освободительного движения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Дело нечаевцев	5
Процесс «193-х»	26
«С энтузиазмом – на эшафот» (Дело подпоручика В.Д. Дубровина).....	42
Дело доктора О.Э. Веймара	54
«Служил делу освобождения народа...» (Андрей Желябов на процессе 1 марта 1881 г.)	62
Процесс «20-ти»	77
Процесс «17-ти»	93
Процесс «14-ти»	107
Процесс 1 марта 1887 г.	119
Процесс «21-го»	133
Политические процессы в России 1880-х гг. и мировая общественность	146
Послесловие	175

Учебное издание

Троицкий Николай Алексеевич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1871–1887 гг.

Пособие к спецкурсу

Технический редактор *Л. В. Агальцова*

Корректор *Е. Б. Крылова*

Оригинал-макет подготовил *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 25.09. 2003 г. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Георгина. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 10,46 (11,25). Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 250.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.